АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (10)

2014

ISSN 22306-4099

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ **№ 4 (10) 2014**

Главный редактор
Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:
доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)
Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)
И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)
П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)
Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)
Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)
И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)
В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
И.Л. Измайлов – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:
Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»
Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014
© Журнал «Поволжская археология», 2014

Издательство «Фән» Казань, Татарстан

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA ISSN 22306-4099
THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY **№ 4 (10) 2014**

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F. Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:
A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014
© Mari State University, 2014
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

Publishing House «Fän» Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции Евгению Петровичу Казакову – 80 лет!.....6

FINNO-UGRICA

Руденко К.А. Проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и исследованиях Е.П. Казакова.....10

Шипилов А.В. История изучения памятников эпохи неолита Икско-Бельского междуречья 30

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника 43

Иванов В.А. Финно-угорская тематика в современной археологии Башкортостана 58

Мартьянов В.Н., Егошин А.Л. Могильник Стёксово II 82

Акилбаев А.В. Историография проблемы этнокультурных и торговых связей населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX – начале XII вв. 97

Статьи

Очир-Горяева М.А. Культура кочевников Нижнего Поволжья скифского времени: общее и особенное 106

Егоров А.В. Булгарские материалы городища Иднакар: к вопросу о тюркоязычном компоненте населения 132

Орфинская О.В., Лантратова О.Б. Золототканая шаль Золотой Орды 146

Мухаметшин Д.Г. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики.....154

Смирнов А.С. Неизвестная статья С.П. Покровского в архиве В.А. Городцова.....178

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года. 186

Заметки

Обухов Ю.Д. Об одном фрагменте металлического сосуда с Болгарского городища и его аналогиях с Северного Кавказа.....203

Критика и библиография

Косменко М.Г. Рец.: Е.П. Казаков. Памятники эпохи камня в Закамье (археологический очерк). Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань, 2011 – 180 с. 208

Хроника

Ситдиков А.Г., Абдуллин Х.М. IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани 217

Хузин Ф.Ш. Защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии в Институте истории им. Ш. Марджани в 2014 году 235

Хамидуллина С.Г. Вспоминая отца… (к 100-летию со дня рождения Г.В. Юсупова) 241

Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В. Владимиру Николаевичу Мартьянову – 80 лет! 249

Королев А.И. К юбилею Александра Алексеевича Выборнова 254

Список сокращений 261

Правила для авторов 266

Авторский указатель за 2012 г 271

Авторский указатель за 2013 г 276

Авторский указатель за 2014 г 286

CONTENTS

From the Editorial Board Eugene P. Kazakov – 80 years old! 6

FINNO-UGRICA

Rudenko K.A. Issues of medieval archaeology of the Middle Volga region in E.P. Kazakov's researches 10

Shipilov A.V. History of research of the Eneolithic sites of the Ik and Belaya Rivers interfluve area. 30

Kazakov E.P., Lyganov A.V. The results of investigation of the XVII Izmeri burial ground. 43

Ivanov V.A. Finno-Ugric themes in contemporary archaeology of Bashkortostan. 58

Mart'yanov V.N., A.L. Egoshin A.L. The Steksovo II burial ground 82

Akilbaev A.V. Investigations of the Mari archaeological expedition on the Vetluga river within the Nizhniy Novgorod area 1957-2009 97

ARTICLES

Ochir-Goryaeva M.A. Culture of the nomads on the Lower Volga during the Scythian time: general and especial. 106

Egorov A.V. Materials of the Bulgars from the Idnakar hill-fort: to the issue of the Turkic component in the population. 132

Orfinskaya O.V., Lantratova O.B. The shawl, woven with gold from the Golden Horde. 146

Mukhametshin D.G. G.V. Yusupov and issues of the Tatar epigraphy. 154

Smirnov A.S. Unknown article by S.P. Pokrovsky at the V.A. Gorodtsov' archive. 178

Kuzminykh S.V., Belozerova I.V. V.A. Gorodtsov and Kazan: tour 1920. 186

NOTES

Obukhov Yu. D. Concerning a fragment of metal vessel from the Bolgar settlement. 203

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Kosmenko M.G. Review of the book: E.P. Kazakov. Stone Age monuments in the trans-Kama River area (Archaeological essay). Kazan: Foliant Publ., 2011, 180 p. Archaeology of the Volga region and the Urals. Proceedings and Researches, issue 1.....208

CRONICLE

Sitdikov A.G., Abdullin Kh.M. The IV(XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. 217

Khuzin F.Sh. Defending of the dissertations in Archaeology for a Doctor and Candidate Degree at the Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences in 2014. 235

Khamidullina S.G. Remembering Father…(to the 100th Anniversary of G.V. Yusupov).....241

Zeleneev Yu.A., Zelentsova O.V. 80th Anniversary of Vladimir Nikolaevich Martyanov.....247

Korolev A.I. For the Anniversary of Alexander A. Vybornov. 252

List of abbreviations 261

Rules for authors 266

Author index for 2012.....273

Author index for 2013.....281

Author index for 2014.....290

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 70×108 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,25 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»

От редакции

УДК 001-057. 4

ЕВГЕНИЮ ПЕТРОВИЧУ КАЗАКОВУ – 80 ЛЕТ!

Исполнилось 80 лет доктору исторических наук Евгению Петровичу Казакову, Заслуженному деятелю науки Республики Татарстан, одному из крупнейших специалистов по средневековой археологии Поволжья и Урала, ученому с широким диапазоном научных интересов. Е.П.Казаков исследовал памятники ранних булгар и Волжской Булгарии, поволжских финнов и угро-мадьяр. Он вел раскопки Меллятамакского, Такталачукского, Тетюшского и других могильников, содержащих погребения эпохи неолита-энеолита, черкаскульской и срубной культур эпохи бронзы, ананьинской культуры раннего железного века, которые внесли много существенно нового в реконструкции первобытного прошлого народов Волго-Камья. Е.П. Казаков – автор более 500 научных трудов, в том числе 10 книг, широко известных среди российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: Е.П.Казаков, юбилей, Республика Татарстан, Поволжье, Урал, Волго-Камье, первобытная и средневековая археология, ранние булгары, Волжская Булгария, поволжские финны, угро-мадьяры, могильники..

22 октября 2014 года исполнилось 80 лет доктору исторических наук, Заслуженному деятелю науки Республики Татарстан, лауреату Государственной премии РТ в области науки и техники, одному из крупнейших специалистов по средневековой археологии Поволжья и Урала Евгению Петровичу Казакову.

Он родился в д. Кетарша Горьковской области (ныне р.п. Бутурлино Нижегородской обл.). Окончив Бутурлинскую среднюю школу, в 1955–1958 гг. служил в рядах Советской Армии. После службы поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета и окончил его в 1963 г. В 1964–1967 гг. в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР под руководством А.Х. Халикова прошел аспирантуру по специальности «археология». После аспирантуры в этом же институте в качестве младшего научного сотрудника Евгений Петрович начал свою трудовую деятельность, продолжает ее и сегодня в должности главного научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Будучи еще студентом КГУ, с 1959 г., Е.П. Казаков начал участвовать в археологических экспедициях, руководимых А.Х. Халиковым и В.Ф. Генингом. А в этом году, в октябре, он завершил свой 55-й (!) полевой сезон, посвятив его разведкам и сбору материалов на разрушаемых памятниках Куйбышевского водохранилища.

Е.П. Казаков – ученый с широким диапазоном научных интересов. Его одинаково волнуют и проблемы первобытной археологии, и эпохи средневековья. В первую очередь, его знают как первоклассного специалиста по археологии ранних булгар и Волжской Булгарии, поволжских финнов и угро-мадьяр, причем, не только у нас в России, но и далеко за ее пределами, например, в Болгарии, Венгрии, Финляндии. Его фундаментальными трудами, основанными на материалах исследований раннебулгарских некрополей, а также уникальных памятников именьковско-турбаслинского круга, открыт совершенно новый этап в истории изучения раннего средневековья Среднего Поволжья – эпохи Тюркских каганатов и Волжской Булгарии. Раскопки памятников более ранних эпох, в частности, Меллятамакского, Такталачукского, Тетюшского и др. могильников, содержащих погребения эпохи неолита–энеолита, населения черкаскульской, срубной культур эпохи бронзы, ананьинской культуры раннего железного века, внесли много существенно нового в реконструкции первобытного прошлого народов Волго-Камья.

Е.П. Казаков – автор более 500 научных трудов, в том числе около 10 книг, широко известных, судя по индексу цитируемости, среди российских и зарубежных специалистов. В настоящее время Евгений Петрович работает над завершением очередной своей монографии, посвященной публикации материалов Коминтерновского II могильника и других исследованных им памятников эпохи Тюркских каганатов в Среднем Поволжье.

Одновременно Е.П. Казаков является членом Ученого совета Института археологии АН РТ, председателем Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте истории АН РТ,

членом отраслевой (археология) редколлегии «Татарской Энциклопедии», членом редакционного совета нашего журнала. С 1997 г., со дня основания, он – ответственный редактор журнала «Finno-Ugrica», получившего широкое признание среди специалистов. Заметим, что в настоящем номере нашего журнала под рубрикой «Finno-Ugrica» помещены статьи, отредактированные Е.П. Казаковым.

Искренне поздравляем нашего уважаемого коллегу с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, творческого долголетия и новых успехов в науке, которой он фанатично предан!

Главный редактор журнала
«Поволжская археология»
Ф.Ш. Хузин

**ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
Е.П. КАЗАКОВА**

1. Памятники болгарского времени в Восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 129 с.

2. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 240 с. (Совм. с П.Н. Старостиным, А.Х. Халиковым).

3. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – 176 с.

4. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

5. Финно-угры и самодийцы в Восточном Закамье. (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). Опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона. – Елабуга, 1993. – 140 с. (Совм. с Л.Ш. Арслановым, К.И. Корепановым).

6. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Альметьевск, 1999. – 120 с. (Совм. с З.С. Рафиковой).

7. Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – 208 с.

8. Памятники эпохи камня в Закамье. (Археологический очерк) / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. – Вып. 1. Казань: ИИ АН РТ, 2011. – 180 с.

9. Le cimetiere de Tankeevka In.: Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977, pp. 21–221. (Совм. с Е.А. Халиковой).

80TH ANNIVERSARY OF E.P. KAZAKOV!

F.Sh. Khuzin

Yevgenii Petrovich Kazakov, Dr. habil. (History), Honored Man of Science of the Republic of Tatarstan, is 80. Having a wide range of scientific interests, the researcher is among outstanding specialists in the medieval archaeology of the Volga River and the Urals regions. Ye.P. Kazakov has studied the sites of the early Bulgars and the Volga Bulgaria, the Volga

Finns and the Ugro-Magyars of the Volga River region. He has conducted excavations on the Mellya-Tamak, the Taktalachuk, the Tetyushi and other burial sites that contained Neolithic and Chalcolithic burials, as well as those belonging to the Cherkaskul' and Srubnaya cultures of the Bronze Age, the Ananyino culture of the Early Iron Age, and these investigations made it possible to introduce many new important features in the reconstruction of the prehistoric past of the peoples that had inhabited the Volga-Kama region. Ye.P. Kazakov is the author of more than 500 scientific works, including 10 books, which are widely known among scientists in Russia and abroad.

Keywords: Ye.P. Kazakov, birth anniversary, the Republic of Tatarstan, the Volga region, the Urals, the Volga-Kama region, prehistoric and medieval archaeology, the early Bulgars, the Volga Bulgaria, the Volga Finns, the Ugro-Magyars, burial grounds

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

FINNO-UGRICA

УДК 902

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Е.П. КАЗАКОВА

© 2014 г. К.А. Руденко

Статья посвящена исследованиям Е.П. Казакова по археологии Волжской Булгарии и более раннего периода истории региона. Раскопки булгарских поселений и могильников (среди которых Большетарханский, Танкеевский, Тетюшский, Тураевский, Рождественский, II Коминтерновский) изменили представление о времени и характере прихода булгар на Волгу и позволили Е.П. Казакову создать новую концепцию истории Среднего Поволжья и Прикамья. Е.П. Казаков впервые разработал хронологию и периодизацию древностей булгар VIII–X веков и пересмотрел датировки и интерпретации археологических памятников, предшествующих появлению булгар в Поволжье. Он выделил особый языческий период истории булгар, который, по его мнению, завершился в конце X века. Им были выявлены различные по происхождению компоненты в культуре волжских булгар. Наиболее существенным из них ученый считает угорский. Для изучения особенностей экономической и культурной жизни Волжской Булгарии исследователь систематизировал обширный материал, полученный им при изучении сельских торговых поселений X–XIII вв. на Каме.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, Волго-Камье, Татарстан, Волжская Булгария, сарматы, гунны, булгары, тюрки, финно-угры, Е.П. Казаков.

Древняя и средневековая история большинства финно- и тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Прикамья стала объектом изучения ученых только в XX в. Главным источником стали данные археологии, поскольку сведения письменных источников были малочисленны и отрывочны. Центром такого рода исследований стала Казань. Мощное направление исторического краеведения, базировавшегося на традициях университетского знания, способствовало росту интереса к истории местного края и региона в целом. Именно оно определяло направление и специфику археологических исследований в Казани с 1860-х и до конца 1930-х годов.

Несмотря на благоприятную ситуацию по развитию археологической науки, первые шаги для подготовки археологов в Казани стали предприниматься только с 1917 г. (Руденко, 2014 а, с. 359–261). Основным препятствием для развития профессиональной археологии в ТАССР в 1920-х – начале 1940-х годов было отсутствие собственных кадров и малочисленность специалистов, способных работать в этой области. Казанские археологи, активно работавшие в начале 1920-х годов: В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, в

силу разных причин в середине 1920-х годов покинули республику, а позже были репрессированы. Эстафету археологических исследований в ТАССР принял казанский краевед Н.Ф. Калинин, который проводил раскопки и разведки на территории республики в 1930-х – 1950-х годах.

Ситуация изменилась во второй половине 1940-х годов, с началом масштабных исследований по охранным работам в зоне строительства Куйбышевской ГЭС под руководством А.П. Смирнова и разведывательных изысканий по составлению археологической карты республики под руководством Н.Ф. Калинина. К началу 1960-х годов за 15 лет была сформирована солидная база нового археологического материала, анализ которой во многом изменил представления о древней и средневековой археологии Среднего Поволжья.

В этот период произошло еще одно важное событие – на основе университетского студенческого археологического кружка, члены которого принимали активное участие в археологических исследованиях, сложился коллектив молодых исследователей-археологов. Они пришли в науку в конце 1940-х – начале 1950-х годов и работали в основном под руководством Н.Ф. Калинина. Среди них были будущие профессиональные археологи, например, А.Х. Халиков. Следующее поколение студенческой молодежи, привлечено к археологическим изысканиям, сформировалось в конце 1950-х – начале 1960-х годов, сплотившись сначала вокруг В.Ф. Генинга, в то время аспиранта в КФАН СССР, писавшего диссертацию под руководством Н.Ф. Калинина, а потом А.Х. Халикова, также ученика

Рис. 1. Е.П. Казаков. 1962 г.

Н.Ф. Калинина. Среди них можно назвать И.С. Вайнера, В.А. Стоянова, Е.П. Казакова, Т.А. Хлебникову, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова, Н.Д. Аксенову и др. Именно им было суждено создать фундамент не только казанской, но и Волго-Камской археологии второй половины XX в.

1960-е, и особенно 1970-е годы, были временем, когда активно формировались и развивались региональные археологические школы (Мельникова, 2003). Масштабные исследования памятников разных эпох, в том числе и средневековья, проводившиеся археологами Ижевска, Перми, Свердловска, Саранска, Уфы, Самары, кардинально изменили представления об историческом прошлом Волго-Камья, которые сложились к середине XX в. и в какой-то степени экстраполировалась на весь Волго-Уральский регион (Берс, 1930). В этот период был систематизирован и проанализирован новый материал, на основе которого была разработана детальная картина развития археологических культур

Рис. 2. Е.П. Казаков. 1960-е гг.

Прикамья, например, ломоватовской (Р.Д. Голдина). Тщательно продуманные и построенные на широкой фактологической базе хронологические схемы древностей Прикамья до сих пор являются базовыми для исследователей раннесредневековых древностей Поволжья, Предуралья и Урала. Были изучены новые памятники археологических культур Башкирского Предуралья, в частности, кушнаренковской, бахмутинской, турбаслинской, сыгравших особую роль в развитии научных гипотез по этногенезу народов региона.

В этом отношении связующим звеном для средневековых древностей конца I – начала II тыс. н.э. в Волго-Камье были материалы археологических памятников волжских булгар, с которыми связывались ключевые сюжеты развития материальной культуры и истории народов региона с VIII и до XIII в. Новые открытия казанских ученых постоянно были в центре внимания тех археологов, кто работал в Поволжье и Предуралье.

Во многом это объяснялось еще и тем, что на протяжении последних двух третей XX в. Татарская Республика была одним из лидеров археологических исследований на Средней Волге и в Предуралье, в столице которой, в Казани, функционировало насколько археологических центров – в ИЯЛИ КФАН СССР, КГУ, республиканском музее (ГМТР). В организационном плане представители этих центров в 1960-х – 1970-х годах работали в Татарской археологической экспедиции (ТАЭ), которую возглавлял А.Х. Халиков. Одновременно с ТАЭ на Болгарском городище проводил исследования Болгарский отряд Поволжской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова. Это имело важное значение для роста профессионализма казанских археологов: в научных дискуссиях оттачивалась основная аргументация выдвигаемых гипотез, совершенствовалась система доказательств, корректировались планы полевых исследований и приоритетных направлений исследований.

Это было своего рода партнерство двух археологических школ, позволявшее проверять логику научных гипотез и концепций в отношении тех или иных проблем, но и постоянно совершенствовать методику как кабинетных, так и полевых исследований. Видеть здесь конкуренцию или противостояние будет неверно, поскольку

Рис. 3. Е.П. Казаков изучает керамику Танкеевского могильника. Конец 1960-х гг.

Рис. 4. Е.П. Казаков расчищает захоронение II Коминтерновского могильника, совершенное по обряду ингумации. 1990 г. Фото К.А. Руденко. Публикуется впервые.

ку (как показали последующие этапы развития этих школ) после смерти одного из лидеров их научные платформы двух научных направлений достаточно быстро стали сближаться.

Научная мысль 1960-х – 1980-х годов в казанской археологии сосредоточивалась на нескольких узловых сюжетах: древней и средневековой истории Среднего Поволжья, преимущественно периода Волжской Булгарии. Оба этих направления в исследовательском и аналитическом планах формировал и направлял А.Х. Халиков. Харизматичность этого ученого, его глубокие знания и уникальная ситуация в советской региональной науке в тот период, позволявшей через систему научных конференций, личного общения, мобильного обмена публикациями быть в курсе самых новых открытий и гипотез, позволили ему так спланировать тематику и главные направления казанской археологии, что за 20 лет была написана первая фундаментальная история Среднего Поволжья в целом и Татарстана, в частности. Она практически полностью базировалась на археологическом материале.

В 1970-х – 1980-х годах по археологическим данным стали разрабатываться и сложные проблемы этногенеза народов региона, в том числе и казанских татар. Творческому прорыву в казанской археологии, особенно в историко-культурных штудиях, способствовала и научная дискуссия, особенно по средневековой тематике, развернувшаяся в 1960-х – начале 1970-х годов с московскими коллегами, в первую очередь с ведущим специалистом-булгароведом А.П. Смирновым, его учениками и последователями (Руденко, 2014а, с. 505–508).

Стоит отметить, что, несмотря на бесспорное научное лидерство концепции А.Х. Халикова, достаточно активно формировались и развивались гипотезы в разных археологических направлениях, которые, следуя общему направлению научной концепции, отличались от взглядов лидера. Можно сказать, что, за исключением эпохи бронзы, исследование памятников которой привело А.Х. Халикова к выделению Приказанской культуры, после чего концептуально этот материал не изучался, во всех остальных направлениях казанской археологии высказывались оригинальные и смелые гипотезы (Р.С. Габяшев, В.Н. Марков).

Археологическое поле казанской археологии в начале 1960-х и 1970-х годов казалось безграничным. Сплошные археологические разведки расширили горизонт науки настолько, что отдельные эпохи стали видны четко и выпукло, обеспеченные корпусом источников – выявленных памятников, планомерные раскопки которых сулили выдающиеся открытия. Куйбышевское водохранилище ежегодно стало приносить ученым-археологам тысячи предметов из разрушенного культурного слоя сотен археологических памятников, оказавшихся в зоне размыва берегов рукотворного моря, обеспечив тем самым резкий скачок как в накоплении артефактов, так и в представлениях о топографии, планиграфии разрушаемых поселений, особенностях построек, а также специфике погребального обряда некрополей разных эпох. Вместе с тем велись плановые археологические стационарные исследования не раз-

рушаемых природной стихией ключевых памятников по разработанной А.Х. Халиковым программе.

В самом центре этих событий оказались научная деятельность и исследования Е.П. Казакова, который соединил в своей работе специфику научных идей В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова, создав собственную оригинальную концепцию.

Начав свою научную деятельность под руководством В.Ф. Генинга, он опирался на новаторские и смелые идеи этого ученого. Избрав своей будущей сферой деятельности археологию волжских булгар, Е.П. Казаков продолжил то, на чем остановился его учитель – детальное исследование начальных этапов истории волжских булгар по археологическим данным.

К этому времени булгароведение имело весьма давние традиции в историографии, правда, только частично основанные на археологическом раскопочном материале, полученном по научной методике полевых работ. Весьма расплывчатый период формирования булгарского государства стал обретать конкретные хронологические и исторические черты в исследованиях А.П. Смирнова начала 1950-х годов (Смирнов, 1951), подкрепленные открытием Н.Я. Мерпертом нескольких впускных захоронений ранних булгар в курганах эпохи бронзы у с. Кайбелы (Мерперт, 1957; Сташенков, 2003, с. 324–345). Однако масштабно изучить этот период и археологически раскрыть его удалось только в 1957 и 1960 г. после раскопок В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова булгарского могильника у с. Большие Тарханы второй половины VIII–IX вв. Научный тандем двух ученых, сохранявшийся длительное время, оказался очень значимым в отношении развития темы ранних булгар на Волге.

А.Х. Халиков, который к тому времени был признанным специалистом по ранним эпохам, с воодушевлением стал принимать активное участие в исследованиях нового для него сюжета из археологии булгар. Более того, после отъезда В.Ф. Генинга из Казани, он поддержал изучение этого направления, акцентировав внимание на раскопках других некрополей этого времени – Танкеевского, а позже Тетюшского. Почти два десятилетия при поддержке А.Х. Халикова Е.П. Казаковым и Е.А. Халиковой, а со второй половины 1970-х и в 1980-х годах Е.П. Казаковым велись раскопки крупнейшего в Европе Танкеевского могильника IX–X в.

Отметим, что концептуально археологические материалы этого времени осмысливались в контексте гипотезы, предложенной В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым в начале 1960-х годов и отраженной в их совместной монографии (Генинг, Халиков, 1964). Она базировалась на ряде тезисов: 1) появление булгар на Средней Волге относится к середине – второй половине VIII в.; 2) булгарские племена на Волге включали в себя разные этнические компоненты; 3) население, жившее на этих землях ранее (именьковская культура) покинуло их до прихода булгар; 4) керамика с толченой раковиной в тесте, считавшаяся свидетельством участия местного населения в булгарском этногенезе и часто встречавшаяся на булгарских памятниках, в том числе и могильниках, не связана с эпохой раннего железа (ананьинской и пьяноборской), что было практически традиционной точкой зрения (Смирнов, 1952), а имеет

иные истоки, которые интерпретировались как угорские или самодийские.

Е.П. Казаков, продолжив изучение данной темы, поддержал основные тезисы этой гипотезы. Однако главный акцент он сделал на несколько иных моментах, которые стало возможным сформулировать только тогда, когда были проведены масштабные раскопки нескольких раннебулгарских некрополей. Е.П. Казаков развил точку зрения В.Ф. Генинга о раннебулгарском периоде как самостоятельном археологическом этапе, тем самым выделив его из круга салтово-маяцких древностей, что, казалось бы, с очевидностью вытекало из тех многочисленных аналогий, которые были приведены в первой публикации материалов Большетарханского могильника.

Проанализировав погребальный инвентарь Танкеевского могильника, Е.П. Казаков пришел к выводу о том, что преобладающими элементами в его составе были артефакты, связанные с поломской и ломоватовской культурами Прикамья. Это было, по мнению ученого, определяющим для характеристики раннебулгарского периода и его специфики. При этом он считал, что заметные различия в материальной культуре раннебулгарских некрополей второй половины VIII–X вв. связаны с этническими изменениями в составе населения Среднего Поволжья. Скрупулезная работа по датировке материалов Танкеевского могильника позволила ему разработать хронологическую шкалу древностей этого памятника (напомним, что исследовалась в основном языческая, а не мусульманская часть некрополя) с точностью до нескольких десятилетий (Казаков, 1992, с. 288, рис. 95).

На основе детальной хронологии и тщательной проработки аналогий Е.П. Казаков сформулировал гипотезу об этапности формирования материальной культуры раннебулгарского времени, обосновав ее ссылками на исследованные археологические памятники этого периода (Казаков, 1992, с. 33), что позволило ему в дальнейшем развить эту гипотезу в теорию волн, согласно которой заселение Среднего Поволжья в VIII–X вв. происходило в результате миграционных потоков из разных территориальных зон: Прикамья, Подонья и Приочья, а в последующие века из Зауралья и Предуралья, связав их с петрогромской культурой Урала, принадлежавшей угорскому населению. В XI–XII вв., по мнению Е.П. Казакова, миграции осуществлялись из Верхнего Поволжья. Идеи о миграционных волнах в I тыс. н.э. в Волго-Камье до этого высказывались В.Ф. Генингом (1959, с. 157–219), в дальнейшем они были восприняты А.Х. Халиковым и Е.П. Казаковым.

Эта позиция выделялась на фоне многочисленных исследований по средневековой археологии Волго-Камья, в которых преобладающим было мнение о последовательном развитии местных культур с эпохи раннего железа или поздней бронзы, когда этнические включения были лишь незначительными эпизодами, не изменившими общее течение исторических процессов. Более того, схожих взглядов придерживался и А.Х. Халиков, выдвинув гипотезу о ранней тюркизации края (Халиков, 1971, с. 7–36), что вызвало критические замечания у авторитетных археологов-медиевистов (Федоров-Давыдов, 1991, с. 77).

Главным лейтмотивом в теории волн был сюжет, связанный с преобладающим влиянием угорского этноса практически на всех этапах как раннебулгарского времени, так и в классический булгарский период. Исследования в восточных районах Татарстана в 1970-х годах позволили Е.П. Казакову обосновать выделение особой чияликской культуры (Казаков, 1978), которая была им датирована золотоордынским периодом и рассматривалась как свидетельство проживания здесь в средневековую эпоху угроязычного населения (Казаков, 2003, с. 79). Эту точку зрения поддержали уфимские ученые Р.Г. Кузеев и Г.Н. Гарустович. Последний на материале раскопок археологических памятников Башкирского Предуралья расширил хронологические рамки чияликской культуры, удревнив их на несколько столетий, считая, что начало этой культуры (ранний чиялик) относится к домонгольскому времени.

Е.П. Казаков придерживается несколько иных взглядов, отмечая, что объединение чиликских памятников и постпетрогрома в одну культуру ошибочно (Казаков, 2003, с. 80, 82). По его мнению, в домонгольское время на территории Предуралья, включая и Волжскую Булгарию, существовала особая археологическая культура – постпетрогром, связанная с миграцией уральских угров на запад в конце X в. Основным ее признаком была лепная или подправленная керамика с примесью толченой раковины и веревочной орнаментацией (Казаков, 2007, с. 52). Однако подтвердить ее дополнительными аргументами, традиционно рассматриваемыми в любой выделяемой археологической культуре: наличием поселений, могильников, украшений в чистом виде со специфическими чертами материальной культуры, – оказалось затруднительным. Единственным памятником, который связывался Е.П. Казаковым с постпетрогромской культурой, было жертвенное место Чумайтло, а также значительное количество керамики с толченой раковиной, орнаментированной оттисками веревочки, находимой на поселениях Волжской Булгарии, и ряд украшений костюма (Казаков, 2007, с. 27). В этом плане были высказаны и другие точки зрения, в частности, на интерпретацию археологического памятника Чумайтло, на основании которого удмуртскими археологами была выделена отдельная пермская культура, названная чумайтлинской (Голдина, 1999, с. 299–304; Макаров, 2013, с. 126,127).

Выделение постпетрогромской археологической культуры вызвало дискуссию. Были высказаны критические—замечания (Хузин, 2011, с. 69–83) и мнения в поддержку этой гипотезы (Нигамаев, 2009, с. 137–138). При этом идею об угорском средневековом этносе Предуралья и Среднего Поволжья как основном этно-образующим факторе стали активно развивать в 2000-х годах пермские и уфимские археологи А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, В.А. Иванов, расширив применение введенного Е.П. Казаковым термина «угорская эпоха» в Прикамье (Казаков, 1996, с. 82) – включив в нее эпоху бронзы, ранний железный век и все средневековье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). Эта гипотеза стала активно обсуждаться в археологическом сообществе региона, расколов археологов и историков на два лагеря – сто-

ронников и противников этой идеи (Пастушенко, 2011, с. 144–150; Белавин, Иванов, 2011, с. 173–180; Крыласова, 2012, с. 168–175; Пастушенко, 2011а, с. 138–145; Голдина, 2013, с. 106–119; Голдина, Напольских, 2013, с. 90–93; Мельничук, Коренюк, Майстренко, Перескоков, 2013, с. 72).

Проблема археологии средневековых угров, выдвинутая Е.П. Казаковым, включает еще один сюжет. Это древности кушнаренковской культуры и связь ее с культурами Среднего Поволжья, в частности, именьковской (Казаков, 1981, с. 115–135; 2007, с. 31–41). В первом вопросе ученый остается последовательным в своих взглядах, отрицая прямое взаимодействие населения именьковской культуры с пришедшими на Среднюю Волгу булгарами, как и с предшествовавшими им угорскими кочевниками (кушнаренковцами), что отражает взгляды его предшественников В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова.

Надо сказать, что Е.П. Казаков стоял у истоков исследования именьковских материалов. В конце 1950-х годов проводились исследования Рождественского археологического комплекса в Лаишевском районе ТАССР, включавшего памятники эпохи бронзы, именьковское и булгарское домонгольское селища. В экспедиции В.Ф. Генинга принимал участие и Е.П. Казаков, написавший раздел по именьковской керамике в коллективной монографии – публикации материалов раскопок (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев, 1962, с. 21–25).

В последнее десятилетие в публикациях Е.П. Казакова по этой теме обозначилось новое видение проблемы. Он утверждает, что вместе с булгарами первой волны (оставившими Большетарханский могильник) пришли на Среднюю Волгу и обулгаризированные буртасы, признаком которых являются ритуальные погребальные комплексы из шкуры, головы и ног лошади в захоронениях. При этом буртасское население, по его мнению, первоначально обитало на средневолжской территории, являясь потомками сармат, с которыми он сопоставляет именьково-турбаслинские памятники второй половины VI в., типа Коминтерновского могильника (Казаков, 2013, с. 100–101; 2014, с.70). Вытеснение сармат было связано с вторжением угров из Предуралья в VII в. на их территорию.

Противоречие, которое возникло в результате такой трактовки археологического материала (ранее Е.П. Казаков утверждал, что использование шкуры вместе с головой и конечностями в погребальных культах археологических памятников Поволжья является угорской традицией: Казаков, 1992, с. 243), исследователь объяснил, тем, что «болгары на Волге, видимо, восприняли этот элемент от поздних сармат (буртас?), через земли которых они мигрировали на север» (Казаков, 2007, с. 25). Что касается других культур (кушнаренковской, неволинской, ломоватовской), которые он считает угорскими, то, видимо, подразумевается, что для них этот обряд был также присущ. Кому же он собственно принадлежит, остается не ясным: если население именьковской культуры не контактировало с племенами кушнаренковской культуры, как и с булгарскими племенами, то как же это могло произойти? Впрочем, есть свидетельства, что абсолютного противостояния населения именьковской

Рис. 5. Выступление Е.П. Казакова на конференции на историческом факультете КГУ в музее археологии. 1991 г. Фото К.А. Руденко. Публикуется впервые.

Рис. 6. Участники конференции «Ранние болгары в Восточной Европе» в археологическом лагере Раннеболгарской экспедиции. Июнь 1988 г. Фото К.А. Руденко. Публикуется впервые.

и кушнаренковской культур в VII в. не было (Голдина, 1999, с. 289; Руденко, 2013, с. 58–74).

Была выдвинута гипотеза о том, что в середине VIII в. была еще одна волна продвинувшегося на запад из Предуралья родственного кушнаренковцам населения, которое было названо кара-якуповским. Е.П. Казаков считает, что этой волны не было, а кушнаренковская культура развивалась последовательно, пройдя ряд этапов (Казаков, 2007, с. 35), заключительные из которых (хусаиновский и манякский этапы) соотнесены с кара-якуповскими памятниками; в этом он продолжил идеи А.Х. Халикова и Е.А. Халиковой. Эту позицию подвергла критике Г.И. Матвеева, утверждая, что эти родственные группы населения вели разный образ жизни и имели разный уклад хозяйства (Матвеева, 2007, с.79).

Особое место в исследованиях Е.П. Казакова занимает тема булгарской седентаризации и появления булгарских оседлых поселений. Она является логическим продолжением изучения им древностей раннебулгарского периода, представленного в основном могильниками. Поиски ранних селищ оказались непростыми, что отметил Е.П. Казаков (1992, с. 300). По результатам его исследований, небольшие поселки появились во второй–третьей четверти X в., однако основная масса их стала возникать во второй половине этого столетия, как, например, Семеновские и Измерское селища (Казаков, 2000, с. 87–99). Объяснение этому исследователь видел в том, что булгарское общество до этого времени было преимущественно кочевым или с непостоянной оседлостью, а начало активной седентаризации связано с новой волной уже оседлого салтовского населения (Казаков, 1982, с. 29–37). При этом существенную роль в этом процессе, очевидно, играло население с Урала, представленное древностями постпетрогромской культурой.

С этой точкой зрения в 1980-х гг. был не согласен А.Х. Халиков. Поддержал его в этом Ф.Ш. Хузин (2011, с. 29–42). Основания для критики строилось на нескольких положениях. Первое из них возникло из гипотезы А.Х. Халикова о том, что в первой четверти X в., после посольства Ибн Фадлана, началось строительство огромного города Биляра, который без существования сельской округи и наличия большого людского ресурса не мог быть построен и существовать. Второе предположение основано на ряде взаимосвязанных тезисов. Несколько из них носят общетеоретический характер, и основываются на том, что первая волна болгар из Приазовья исходила из районов с оседлым населением.

Другие аргументы подтверждались данными, полученными Г.И. Матвеевой, Д.А. Сташенковым и Ю.А. Семыкиным при раскопках именьковских памятников в бассейне Большого Черемшана и на правобережье ульяновского течения Волги, которые, по мнению исследователей, доказывали процесс взаимодействия кочевников булгар и оседлого населения именьковской культуры (Матвеева, Семыкин, 2007, с. 127–131). Более того, Г.И. Матвеева, открывшая памятники новинковского типа и атрибутировавшая их как раннебулгарские, утверждала, что это – «недостающее звено», заполнившее нишу между памятниками периода распада

Великой Болгарии Кубрата в Приазовье и появлением археологических памятников булгар типа Больших Тархан в Средневолжье. При этом, по ее мнению, это новинковское население интегрировалось с оседлым населением именьковской культуры, способствовав тем самым оседанию кочевников-булгар на землю. Если исходить из этого положения, то вполне обоснованным представляется мнение, что булгарские оседлые поселения возникают в Закамье в первой половине и даже в первой четверти X в. (Хузин, 2011, с. 38–39).

Анализ опубликованных материалов по этой проблеме позволил Е.П. Казакову не согласиться с этими положениями. Не отрицая факта находок керамики большетарханского типа на именьковских поселениях, он тем не менее не считает, что это следы совместного проживания этих разных этнических групп населения; утверждает, что данные артефакты не синхронны, вполне резонно отмечая, что фрагменты керамики этого типа встречаются и вне именьковских поселений. Убедительны и не опровергнуты доводы исследователя по поводу памятников новинковского типа, которые он считает хазарскими, точнее, принадлежащим племенам, проживавшим в Хазарии (Казаков, 1992, с. 81).

Не противоречит этому и точка зрения С.А. Плетневой на памятники новинковского круга и особенности их погребального обряда (Плетнева, 2003, с. 41–43, 81–88). Проблема атрибуции памятников новинковского круга дискутируется по сей день, поскольку в последнее время выяснилось, что большая часть этих могильников не курганные, а курганно-грунтовые, а сочетание курганов с ровиками, с каменными конструкциями не имеет аналогий не только в булгарских могильниках на Волге, но и в салтовской культуре в целом.

Если принять точку зрения Г.И. Матвеевой об интеграции булгар в оседлую именьковскую среду и продолжении их существования в VIII–X вв., то следует признать и то, что именно именьковское население (славянское, по Г.И. Матвеевой) и было оседлыми земледельцами в ранней Волжской Булгарии. Оно же составило и основной массив булгар в последующее время, только приняв ислам и адаптировавшись к новым социальным институтам. Попытка доказать, что волжские булгары сформировались в районе Самарской Луки с VII в., подпитываясь на протяжении двух столетий миграционными импульсами из Подонья или Приазовья, требует дополнительных аргументов.

Продолжением этой темы стало изучение булгарских селищ приустьевого Закамья, которое несколько десятилетий проводилось Е.П. Казаковым. Эта тема была и остается принципиально важной для исследования булгарских древностей. Вполне очевидно, что этот тип памятников является преобладающим, а степень их исследования и по сей день невелика. Поскольку находок на селищах относительно немного по отношению к городищам, то и внимание археологов они привлекали в меньшей степени.

Однако эта устоявшаяся точка зрения на неперспективность изучения селищ была опровергнута Е.П. Казаковым. Его исследования на селищах в зоне Куйбышевского водохранилища показали, что материальная культура этих памятников богата

и разнообразна. Сборы подъемного материала, преимущественно с Семеновского, Измерского, Старокуйбышевского селищ в Спасском районе РТ, дали тысячи артефактов, которые опубликованы им в многочисленных статьях и монографии (Казаков, 1991). Этот введенный в научный оборот массовый археологический материал до того совершенно не известный, стал хронологическим репером в исследованиях булгарских древностей первой половины домонгольского периода. Ученым были обозначены перспективные направления исследований селищ: развитие поселений как результат социально-экономического развития средневекового общества, исследование материальной культуры, вопрос об урабанизационных процессах в Волжской Булгарии на основе изучения негородских поселений.

В целом, говоря о развитии средневековой археологии Татарстана, можно констатировать, что исследования Е.П. Казакова и его идеи являются мощным двигателем и стимулом для революционных прорывов как в новых, так и в традиционных направлениях научного поиска в средневековой археологии Волго-Камья.

Достоверность его гипотезам придает доскональное исследование археологического материала, прежде всего, хронологии и культурной интерпретации, будь то отдельные артефакты, погребальные комплексы или поселенческие объекты. Этот факт нельзя игнорировать при анализе или критике его взглядов и выводов. Тем более что выдвигаемые идеи Евгений Петрович, кроме публикаций, доводит до коллег в многочисленных выступлениях на научных конференциях разного уровня, призывая к открытой дискуссии и обсуждению поставленных проблем. Объективность и непредвзятость своих открытий демонстрировалась им и непосредственно на исследованных памятниках – Танкеевском могильнике и Измерском селище во время проведения научных симпозиумов.

Именно Евгений Петрович был в числе тех, кто на протяжении нескольких десятилетий самоотверженно спасал разрушающиеся водохранилищами Волго-Камского каскада археологические памятники; не жалея сил и времени, проводил археологические разведки на территории республики и сопредельных областей, результатом чего стала Археологическая карта Татарстана, составленная им и его коллегами под руководством А.Х. Халикова. Этот коллективный научный труд уже сейчас является бесценным историческим источником, документом, сохранившим навеки археологическое наследие Татарстана в виде зафиксированных на период последней четверти XX в. археологических памятников, часть из которых в настоящее время, в силу разных обстоятельств, уже не существует.

Титаническая исследовательская работа ученого демонстрирует великие достижения археологической науки Татарстана в золотой век археологии России – 1960-е – 1980-е годы, когда произошло не только становление казанской археологической школы, в числе других, региональных археологических школ, но и, по сути, была восстановлена из небытия, на основе археологических материалов, древняя и средневековая история народов, живущих на территории нашей республики и за ее пределами, и даже тех народов, которые в какой-то

момент своей истории оставили след в культуре наших предков, а затем ушли на тысячи километров от этих мест (например, венгры) или растворились во вновь пришедших этносах (сарматы). Практически все гипотезы Е.П. Казакова вызывали и вызывают глубокий интерес у коллег, побуждая не только к обсуждению дискуссионных вопросов, но и к более внимательному отношению к археологическому источнику, его тщательному и всестороннему исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 1 (15). – С. 173–180.

2. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.

3. *Берс А.А.* Прошлое Урала. С древнейших времен до русской колонизации. – М.: Работник просвещения, 1930. – 132 с.

4. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. – Вып. 2. – Казань: КФАН СССР, 1959. – С. 157–219.

5. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К.* Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. – 126 с.

6. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.

7. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. – 464 с.

8. *Голдина Р.Д.* О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Вып. 18. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 1913. – С. 106–119.

9. *Голдина Р.Д., Напольских В.В.* «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2013. – С. 90–93.

10. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 130 с.

11. *Казаков Е.П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1981. – С. 115–135.

12. *Казаков Е.П.* Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1982. – С. 29–37.

13. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – 176 с.

14. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.

15. *Казаков Е.П.* О средневековых угорских памятниках Урало-Поволжья по археологическим и письменным источникам // XIII Уральское археологическое совещание. – Ч. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ, 1996. – С. 82–83.

16. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. – СПб.: ИПН «Вести», 2000. – С. 87–99.

17. *Казаков Е.П.* Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 79–87.

18. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – 208 с.

19. *Казаков Е.П.* Культуры средневековых сармат Урало-Поволжья: проблемы выявления // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2013. – С. 100–101.

20. *Казаков Е.П.* Археологические комплексы волжских болгар IX–XI веков в системе средневековых древностей Восточной Европы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. III. – Казань: Отечество, 2014. – С. 70–73.

21. *Крыласова Н.Б.* Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 168–175.

22. *Макаров Л.Д.* Рец. на: Нигамаев А.З. Население Восточного Предкамья в домонгольскую эпоху (к вопросу о времени проникновения постломоватовского населения) // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 49–64 // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 126–127.

23. *Матвеева Г.И.* О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. – Т. II. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 75–86.

24. *Матвеева Г.И., Семыкин Ю.А.* Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Средневековая археология евразийских степей. – Т. I. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 127–131.

25. *Мельникова О.М.* Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 9. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 194 с.

26. *Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Майстренко Д.А., Перескоков М.Л.* Верхнее Прикамье в гляденовское время // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2013. – С. 70–73.

27. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. – 37 с.

28. *Нигамаев А.З.* Прикамско-приуральское население на Северо-Восточных памятниках Волжской Болгарии // Труды КАЭЭ. – Вып. 6. –Пермь: ПГУ, 2009. – С. 133–141.

29. *Пастушенко И.Ю.* Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье? // Вестник удмуртского университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 144–150.

30. *Пастушенко И.Ю.* «Угорская эпоха Прикамья» - вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции. – Казань: ИИ АН РТ, 2011а. – С. 138–145.

31. *Плетнева С.А.* Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 76–80.

32. *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.): учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 248 с.

33. *Руденко К.А.* О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 2 (8). – С. 58–74.

34. *Руденко К.А.* В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии // Поволжская Археология. – 2014. – № 1 (7). – С. 136–148.

35. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань: Школа, 2014а. – 768 с.

36. *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Труды ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.

37. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. – № 28. – М., 1952. – 276 с.

38. *Сташенков Д.А.* Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003 – С. 324–345.

39. *Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». – Вып. 2. – М.: ИА АН СССР, 1991. – С. 72–83.

40. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1971. – С. 7–36.

41. *Хузин Ф.Ш.* Исследования по булгаро-татарской археологии. – Казань: ООО «Фолиант», ИИ АН РТ, 2011. – 468 с.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук; профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru.

ISSUES OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN E.P.KAZAKOV'S RESEARCHES

K.A. Rudenko

The studies conducted by Ye.P. Kazakov in the archaeology of the Volga Bulgaria and the preceding period in the history of the region are considered in the article. The excavations of the Bulgar settlements and burial grounds (including the Bolshiye Tarkhany, Tankeevka, Tetyushi, Turaevo, Rozdestveno, II Komintern sites) have modified the views regarding the time and character of the Bulgars appearance in the Volga region and made it possible for Ye.P. Kazakov to create a new concept of the history of the Middle Volga and the Kama regions. Ye.P. Kazakov was the first to develop the chronology and periodization of the

8-10th-century Bulgar antiquities and revised the chronologies and interpretations of the archaeological resources preceding the period of the Bulgars emergence in the Volga area. He singled out a separate pagan period in the history of the Bulgars, which, in his opinion, had completed in the late 10th century. A number of components of differing origins within the culture of the Volga Bulgars were revealed by him. The Ugric (Magyar) one is considered most significant by the researcher. In order to study the peculiarities of the Volga Bulgaria economy and culture, Ye.P. Kazakov has systematized the vast material obtained by him in the course of the studies of the 10-13th-century rural trade settlements on the Kama River.

Keywords: archaeology, the Volga-Urals region, the Volga-Kama interfluve area, Tatarstan, the Volga Bulgaria, the Sarmatians, the Huns, the Bulgars, the ancient Turks, the Finno-Ugrians, Ye.P. Kazakov.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* 1 (15), 173–180 (in Russian).

2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University; "Vagant" Publ. (in Russian).

3. Bers, A. A. 1930. *Proshloe Urala. S drevneishikh vremen do russkoi kolonizatsii (Past of the Ural Region. Since the most ancient times till Russian colonization)*. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniia" Publ. (in Russian).

4. Gening, V. F. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR)* 2. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1959, 157–219 (in Russian).

5. Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u s. Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

6. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

7. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Ancient and medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

8. Goldina, R. D. 2013. In *Kul'turnye sviazi naseleniia Evropeiskogo Severo-Vostoka v drevnosti i srednevekov'e (Cultural ties of the population of European Northeast in the ancient time and the Middle Ages. Proceedings on archeology of the European Northeast)*. Series: Materials on the Archaeology of the European Northeast 18. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 106–119 (in Russian).

9. Goldina, R. D., Napol'skikh, V. V. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 90–93 (in Russian).

10. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Kazakov, E. P. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 115–135 (in Russian).

12. Kazakov, E. P. 1982. In *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii (Recent Studies in Archaeology and Ethnography of Tataria)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 29–37 (in Russian).

13. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th—13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

14. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Kazakov, E. P. 1996. In *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (13th Ural Archaeological Session)* II. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 82–83 (in Russian).

16. Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N., Nosov, E. N., Saksa, A. I. (eds.). *Slaviane, finno-ugry, skandinavy, volzhskie bulgary (The Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars)*. Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 87–99 (in Russian).

17. Kazakov, E. P. 2003. In *Ugry. Materialy VI-go Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (The Ugric Peoples. Proceedings of 6th Siberian symposium "Cultural heritage of the people of Western Siberia»)*. Tobolsk, 79–87 (in Russian).

18. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

19. Kazakov, E. P. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 100–101 (in Russian).

20. Kazakov, E. P. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 70–73 (in Russian).

21. Krylasova, N. B. 2012. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 168–175 (in Russian).

22. Makarov, L. D. 2013. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (3), 126–127 (in Russian).

23. Matveeva, G. I. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* II. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 75–86 (in Russian).

24. Matveeva, G. I., Semykin, Yu. A. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* I. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 127–131 (in Russian).

25. Mel'nikova, O. M. 2003. In *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 9. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

26. Mel'nichuk, A. F., Koreniuk, S. N., Maistrenko, D. A., Pereskokov, M. L. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology)*. Syktyvkar: Russian

Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 70–73 (in Russian).

27. Merpert, N. Ya. 1957. *K voprosu o drevneishikh bolgarskikh plemenakh (Concerning the Issue on the Most Ancient Bulgar Tribes)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russian).

28. Nigamaev, A. Z. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologicheskoi i etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 6. Perm: Perm State University, 133–141 (in Russian).

29. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 144–150 (in Russian).

30. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Forum "Idel'-Altai» ("Idel-Altai" Forum)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 138–145 (in Russian).

31. Pletneva, S. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 76–80 (in Russian).

32. Pletneva, S. A. 2003. *Kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (IV– XIII vv.) (Nomads of the Southern Russian Steppes in the Middle Age (4th — 13th Centuries))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

33. Rudenko, K. A. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 8 (2), 58–74 (in Russian).

34. Rudenko, K. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (7), 136–148 (in Russian).

35. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

36. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow (in Russian).

37. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Peoples of Middle Volga and Kama Regions)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 28. Moscow (in Russian).

38. Stashenkov, D. A. 2003. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 324–345 (in Russian).

39. Fyodorov-Davydov, G. A. 1991. In *Materialy konferentsii "Arkheologiia i sotsial'nyi progress» (Proceedings of the Conference "Archaeology and Social Progress")* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 72–83 (in Russian).

40. Khalikov, A. Kh. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).

41. Khuzin, F. Sh. 2011. *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: "Foliant" Publ.; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

УДК 930.2

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 г. А.В. Шипилов

Рассматривается история изучения археологических памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья. Основное внимание уделяется формированию источниковой базы, развитию методики полевых исследований и изменению подходов к исторической интерпретации археологических материалов эпохи энеолита, которые находят отражение в терминологическом разнообразии. Анализируются основные концепции происхождения, формирования и развития археологических культур и культурных общностей в энеолите Икско-Бельского междуречья, выдвинутые во второй половине XX века О.Н. Бадером, А.Х. Халиковым, Р.С. Габяшевым, Л.А. Наговицыным, А.А. Выборновым и другими исследователями доисторического периода в Прикамье.

Ключевые слова: археология, Нижняя Кама, Икско-Бельское междуречье, энеолит, археологические исследования, могильники, поселения, культурно-хронологический тип керамики, культурная общность.

Изучение эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья нашло свое отражение в историографии, обращение к которой необходимо для определения объема и качества источниковой базы рассматриваемой эпохи на примере конкретного региона, а также для выработки подходов к его исследованию.

Внимательный подход к истории изучения эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья требует ее рассмотрения с трех позиций:

1) Динамика образования источниковой базы.

2) Развитие методики полевых исследований.

3) Изменение подходов к исторической интерпретации полученных материалов (Никитина, 1985, с. 5; Чижевский, 2008 а, с. 7).

Начало научного изучения эпохи энеолита в рассматриваемом регионе относится к середине 50-х годов XX столетия в связи с развернувшимися работами по подготовке строительства Нижнекамского водохранилища. Именно к этому времени относятся первые научно документированные материалы по энеолиту Икско-Бельского междуречья, которые были получены Камской археологической экспедицией под руководством О.Н. Бадера. В 1958 г. тремя отрядами археологической экспедиции КФ АН СССР были произведены археологические разведки по левому берегу р. Камы, ниже города Набережные Челны. В устье рек Ика и Белой были обследованы памятники эпохи камня и раннего металла. Полученные в результате этих исследований материалы позволили сделать первые шаги в периодизации эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья (Бадер, 1972, с. 13).

Так в 1958 г., разведкой в Актанышском районе В.Ф. Генингом были

выявлены Русско-Азибейская I и Татарско-Азибейская II стоянки. В это же время отрядом АЭ КФАН СССР, возглавляемым А.Х. Халиковым был произведен осмотр Игимской стоянки (Халиков, 1958, с. 5–9). В результате обследования памятника были определены его топография и стратиграфия культурного слоя. Полученный материал позволил датировать памятник от эпохи неолита до эпохи поздней бронзы (Габяшев, Старостин, 1972, с. 15).

В 1964 г. отряд КФАН СССР, возглавляемый П.Н. Старостиным, провел разведку по левому берегу р. Камы, от г. Набережные Челны до устья р. Белой. Целью разведки было выявление археологических памятников в зоне затопления и подтопления водохранилища Нижнекамской ГЭС. Отрядом было обследовано около пятидесяти памятников, значительная часть из которых выявлена впервые. Особый интерес представляли памятники неолита – энеолита и эпохи бронзы, расположенные в урочище Дубовая Грива Челнинского района, а также Татарско-Азибейская II и Русско-Азибейская I стоянки. Вторично было произведено обследование Игимской стоянки, в результате чего был собран материал рассматриваемой эпохи (Старостин, 1965, с. 21–22, 25–28).

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов одновременно с продолжавшимися работами в зоне Куйбышевского водохранилища казанскими археологами были проведены масштабные исследования неолитических и энеолитических памятников Икско-Бельского междуречья, вошедших в район затопления Нижнекамского водохранилища. В 1969 и 1971 г. Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным исследовалась II Дубовогривская стоянка (Габяшев, Старостин, 1965, с. 69–70). В 1970 и 1971 г. ими же проведены раскопки Игимской стоянки (Габяшев, Старостин, 1972, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1971, с. 3–41). В 1969–1972 г. Р.С. Габяшевым и М.Г. Косменко исследовалась Русско-Азибейская I стоянка (Габяшев, 1978, с. 22). В 1970 и 1971 г. Р.С. Габяшевым проводились работы на стоянке Золотая Падь II (Габяшев, 1982, с. 29). В 1970, 1972 г. Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным раскопками исследовано Русско-Азибейское III поселение (Габяшев, 1981, с. 11). В 1970 и 1972 г. крупные работы были проведены Р.С. Габяшевым на Татарско-Азибейском II поселении (Габяшев, 1978 б, с. 40), где были получены выразительные материалы новоильинского («флажкового») и поздневолосовского облика. Одновременно со стационарными работами проводились и разведочные поиски, на рассматриваемой территории выявлялись отдельные энеолитические комплексы (Васильев, Габяшев, 1982, с. 5). Внесли научный вклад в изучении эпохи энеолита археологи из Башкортостана, проводившие раскопки в Приуралье. Результатом их работ стало открытие и исследование таких археологических памятников, как Съезженский (Матвеева, 1976, с. 58; Васильев, Матвеева, 1976, с. 73–96), Старо-Нагаевский (Стоколос, 1984, с. 22–43) энеолитические могильники, Старо-Какрыбашевская I, Сасыкульская (Горбунов, 1980, с. 144–145), Кара-Якуповская (Морозов, 1984, с. 43–58), Бачки-Тау I, II, Какры-кульская (Обыденнов, 1978, с. 161–164; Выборнов, Горбунов, Обыденнов,

1982, с. 195–209), Средняя Ока, Гумеровская, Старо-Буртюковская (Морозов, 1982, с. 71–82) энеолитические стоянки, а также поселенческие памятники Мулино III, Давлеканово, Кага I–II, Сауз I–III (Матюшин, 1982, с. 189–223; Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 33–52; Выборнов, Обыденнов, Обыденнова 1984, с. 3–21). В результате изучения данных памятников были получены находки эпохи энеолита, среди которых выявляются аналогии находкам рассматриваемой эпохи, зафиксированным на территории Икско-Бельского междуречья.

На ряде памятников были проведены геоморфологические исследования, позволившие впервые для территории Икско-Бельского междуречья использовать данные естественных наук для реконструкции природной среды различных периодов позднего каменного века и эпохи раннего металла на собственной источниковедческой базе (Немкова, 1978, с. 4).

После окончания работ Татарского отряда НКАЭ масштаб и интенсивность исследований памятников неолита и энеолита резко снизились. Ограниченность полевых работ в Икско-Бельском междуречье отчасти компенсировалась выходом в свет статей и монографий, в которых материал эпохи энеолита, полученный в результате исследований в рассматриваемом регионе (Габяшев, 1978 а, с. 22–39; Габяшев, 1978 б, с. 40–66; Габяшев, Старостин, 1978, с. 148–159; Габяшев, 1981, с. 11–24), вводился в научный оборот, анализировался и активно сопоставлялся с артефактами, происходящими с сопредельных территорий (Васильев, Габяшев, 1982, с. 3–23).

В последние десятилетия XX века проводились преимущественно разведочные работы. Тем не менее в ходе даже этих ограниченных работ были получены очень важные материалы по эпохе энеолита.

Так, в 2001 г. краевед Н.М. Капленко открыл в Мензелинском районе РТ Каентубинскую островную стоянку. С этого времени им проводилось ежегодное планомерное обследование памятника. С 2004 г. исследования на данном памятнике проводятся совместно с автором. В 2006 году раскопки стоянки завершил А.А. Чижевский. Предварительно памятник можно связать с тремя хронологическими периодами. В ходе исследования на Каентубинской островной стоянке был выявлен комплекс раннеэнеолитической воротничковой керамики русско-азибейского типа. К более позднему периоду энеолита принадлежит керамика волосово-гаринского облика. С данного памятника происходит также значительная коллекция кремнёвой скульптуры (14 экз.), относящаяся к волосово-гаринскому времени (Шипилов, 2006, с. 105, рис. 1: 1, 3, 4, 6, 7). Кроме энеолитической керамики на данном памятнике был выявлен керамический комплекс маклашеевского типа эпохи финальной бронзы.

В 2002 г. автором совместно с А.А. Чижевским были исследованы и введены в научный оборот материалы Рысовского III селища (Чижевский, 2004, с. 105–144). В результате совместной работы удалось выявить керамический комплекс, относящийся к волосовской культуре позднего этапа развития. С данного памятника происходит уникальная находка в

виде медной подвески-лунницы. Подобные изделия до недавнего времени были известны лишь в Среднем Прикамье (Бадер, 1961, с. 75. Рис. 45; Бадер, 1964. Рис. 122). Кроме того, одна подвеска происходит из Уржумкинского поселения в Марийском Поволжье (Архипов, 1977. Рис. 11: 6).

С момента открытия первых памятников рассматриваемого времени, полевая методика в исследовании энеолитических поселений была на высоком уровне, что способствовало подробному описанию выявленных сооружений, объектов, характер их заполнения и осуществляется обязательная фотофиксация. Результаты полевых исследований частично вводились в научный оборот – публиковались в археологических сборниках.

Работы 1950-х годов дали общее представление о соотношении поздненеолитических и энеолитических материалов Икско-Бельского междуречья с аналогичными материалами сопредельных территорий. О.Н. Бадером было высказано предположение о Волго-Камском происхождении гаринско-борской и волосовской культур, по его мнению, генетически родственных. Им же тогда был выделен особый «флажковый» пласт памятников, центром формирования которого он считал территорию Нижнего Прикамья и среднего течения Волги, откуда носители «флажковой» традиции проникли на более северные территории Прикамья (Бадер, 1961, с. 179–196). Близкую точку зрения высказал и А.Х. Халиков, но, в отличие от О.Н. Бадера, при интерпретации материалов волосовского типа он обратил внимание и на юго-западные аналоги этой группе памятников (Халиков, 1969, с. 127–175). Выводы О.Н. Бадера и А.Х. Халикова были использованы и в работах П.Н. Третьякова (Третьяков, 1966, с. 49–50).

Материалы исследованных энеолитических памятников Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья были обобщены в докторской диссертации А.Х. Халикова и опубликованы в его монографии «Древняя история Среднего Поволжья» в 1969 г. В ней автор обобщил почти все имевшиеся к середине 1960-х годов данные по энеолиту Восточной Европы и наметил культурно-хронологическое соотношение поздненеолитических и энеолитических памятников и культур лесной полосы Восточной Европы (Халиков, 1969, с. 127–208).

В целом же материалы икско-бельских памятников отнесены А.Х. Халиковым к выделенной им волосово-турбинской общности, которая характеризовалась абсолютным преобладанием гребенчатой орнаментации, отсутствием, «шагающей» и парной гребенки, обработанностью поверхности посуды грубой штриховой зачисткой. А.Х. Халиков не упустил из поля зрения и «валиковую» керамику эпохи финального энеолита, обнаруженную в ходе исследований на Игимской стоянке и на сопредельных с Икско-Бельским междуречьем территориях. Ее истоки он усматривал в Западной Сибири и увязывал с кротовской культурой (Халиков, 1969, с. 190; Халиков, 1981, с. 44]. Данная точка зрения имеет значение и поныне.

Ввиду нестратифицированного характера материалов волосовских памятников приустьевой части Камы и прилегающих отрезков долины р. Волги А.Х. Халикову не удалось убедительно обосновать выделение эта-

пов в развитии энеолитического населения Нижнего Прикамья, хотя общая схема, предложенная им, оказалось верной.

Обращаясь к терминологическим определениям, следует отметить, что термин «волосово-турбинская» общность, введенный А.Х. Халиковым, не нашел должного отражения в отечественной науке. Употребляться стал термин, предложенный Е.Н. Черных, который, учитывая полное отсутствие какой-либо культурной, а следовательно, и этнической связи между населением, оставившим могильники турбинского типа с населением поселенческих памятников, в культурном отношении близких к волосовским, а также хронологический разрыв между ними (гарино-борские поселения в своей общей массе более древние, чем могильники турбинского типа), назвал культуру поселений не турбинской, а гаринско-борской (Черных, 1970, с. 9). Это название в настоящее время принято большинством археологов.

Поэтому несколько позднее, принимая во внимание это обстоятельство, А.Х. Халиков применительно к памятникам позднего энеолита ввел термин «волосово-гаринская» энеолитическая общность (Халиков, 1990, с. 10), которым обозначалось и Икско-Бельское междуречье.

Значительный вклад в исследование новоильинских поселенческих памятников внес Л.А. Наговицын. Им было выделено три локальные группы памятников – среднекамская, нижнекамская и вятская. Формирование новоильинской культуры Л.А. Ноговицын связывал с территорией Прикамья и Вятского края. К числу наиболее ранних памятников он относил Татарско-Азибейскую II и Русско-Азибейскую III стоянки (Наговицын, 1987, с.30–31).

Помимо Л.А. Наговицына в исследование новоильинских памятников внес свой вклад А.А. Выборнов. Он уделял внимание датировке периодизации памятников новоильинского типа (Выборнов, 1984, с. 50 – 62), им была выделена саузовская группа памятников (Выборнов, 1984, с. 54) новоильинской («флажковой») культуры.

В этой связи представляется правомерным все выделенные локальные группы поселенческих памятников новоильинского типа объединить в одну новоильинскую культурно-историческую общность.

Проблеме возникновения производящего хозяйства в Приуралье уделяли внимание Г.Н. Матюшин (Матюшин, 1982, с. 277–294), а также А.Г. Петренко (Матюшин, 1982, с. 301–308), которая определила состав домашнего стада на поселенческих памятниках эпохи энеолита Южного Урала. По ее мнению преобладающими видами домашнего скота были крупный рогатый скот и лошадь (Матюшин, 1982, с. 304). Данный комплекс увязывался с керамикой агидельского облика (по Г.Н. Матюшину). А.Г. Петренко удалось доказать, что в энеолитическую эпоху, несмотря на появление домашнего скота в хозяйстве энеолитического населения, охота не теряет своего значения (Петренко, 2003, с. 18–25). Ряд остеологических определений она сделала по фаунистическим остаткам диких животных, обнаруженным на поселенческих памятниках Икско-Бельского междуречья.

Исследования Р.С. Габяшева в Икско-Бельском междуречье привели к

появлению развернутой периодизации энеолита рассматриваемого региона, в рамках которой выделены четыре культурно-хронологические группы (Габяшев, 1994, с. 16–39).

Для раннего этапа исследователь выделил тип керамики, получившей название русско-азибейской (Габяшев, 1994, с. 17). Аналогичная керамика была обнаружена в Южном Приуралье Г.Н. Матюшиным, который выделил ее в агидельскую культуру (Матюшин, 1982, с. 188). Исследователи однозначно признали влияние на данную культурно-хронологическую группу культур мариупольского круга, в частности самарской. Отличительными чертами этой керамики являются воротничковое утолщение венчика, а также наличие ямочно-жемчужных поясков под срезом венчика (Васильев, Габяшев 1982, с. 5).

Со следующей хронологической группой после русско-азибейской керамики, по мнению Р.С. Габяшева, связаны поселения с так называемой «флажковой» керамикой. По профилировке данные сосуды очень близки сосудам камской неолитической керамики. Основанием для отнесения «флажковой» керамики к энеолиту и размещения ее по хронологии после керамики русско-азибейского типа послужили разреженность орнаментации, а также присутствие следов металлоплавки. Наряду с новоильинской («флажковой») Р.С. Габяшев склонен был связывать эти комплексы керамики с так называемой накольчато-прочерченной керамикой. Большинство же исследователей в настоящее время относят данную керамику к эпохе неолита. Комплексы с аналогичной накольчатой керамикой были прослежены в Мордовии, Ульяновской области, а также на Дону, Днепре. В Прикаспии при исследовании памятников с данной группой керамики следов металлообработки зафиксировано не было. В связи с этим тезис Р.С. Габяшева о принадлежности накольчатой керамики к эпохе энеолита вызывает сомнения. Обнаружение же накольчатой керамики совместно с комплексами «флажковой» керамики следует объяснить переотложенностью культурных остатков.

Не меньший вклад Р.С. Габяшев внес и в освещение волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье. Анализируя керамические комплексы позднего энеолита, исследователь пришел к выводу о формировании волосово-гаринских древностей в рассматриваемом регионе (Габяшев, 1994, с. 31).

Значительный вклад в периодизацию борской культуры внес А.А. Чижевский по итогам изучения Мурзихинского II могильника, на котором было выявлено 20 погребений борского времени, датированных им серединой IV тыс. до н.э. (Чижевский, 2008 б, с. 370–371). Эта дата подтверждена радиоуглеродным анализом, хронологические рамки энеолита Нижнего Прикамья удревнены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племён Среднего Поволжья / АЭМК. – Вып. 2. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. – С. 5–40.

2. *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. – № 99 – М.: Наука, 1961. – 198 с.

3. *Бадер О.Н.* Древние металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

4. *Бадер О.Н.* Археологическое изучение зоны строительства нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции 1968 и 1969 гг. // Отчёты Нижнекамской археологической экспедиции. – Вып. 1. – М.: Наука, 1972. – С. 7–26.

5. *Васильев И.Б., Габяшев Р.С.* Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1982. – С. 3–23.

6. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация) // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1976. – С. 73–96.

7. *Выборнов А.А.* «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. – Вып. 8. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. – С. 50–62.

8. *Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Поселение Бачки-Тау II – новый памятник неолита-энеолита Нижнего Прибелья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1982. – С. 195–209.

9. *Выборнов А.А., Овчинникова Н.В.* Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры Поволжья. –Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1981. – С. 33–52.

10. *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. – С. 3–21.

11. *Габяшев Р.С.* Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978а. – С. 22–39.

12. *Габяшев Р.С.* Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978б. – С. 40–66.

13. *Габяшев Р.С.* Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ 1994. – С. 16–39.

14. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Дубовогривская II стоянка // Отчет о работах, проведённых летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. – Казань, 1972 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Ед. хр. 5137. – С. 79–92.

15. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* О памятниках волосово-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / АЭМК. – Вып. 3. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. – С. 148–159.

16. *Габяшев Р.С.* Игимская стоянка // Отчет о работах, проведённых летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. – Казань, 1972. / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Ед. хр. 5137 – С. 3–41.

17. *Габяшев Р.С.* Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. – С. 11–24.

18. *Габяшев Р.С.* Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1982. – С. 28–36.

19. *Горбунов В.С.* Энеолитические памятники Приуралья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1980. – С. 137–150.

20. *Матвеева Г.И.* Итоги работ средневолжской археологической экспедиции 1969–1974 годов // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1976. – С. 5–73.

21. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 327 с.

22. *Морозов Ю.А.* Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1982. – С. 71–82.

23. *Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. – С. 43–58.

24. *Наговицын Л.А.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 28–34.

25. *Немкова В.К.* Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Приуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Приуралья. –Уфа: БФАН СССР, 1978. – С. 4–45.

26. *Никитина Г.Ф.* Систематика погребального обряда племён черняховской культуры. – М.: Наука, 1985. – 208 с.

27. *Обыденнов Н.Ф.* Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / АЭМК. – Вып. 3. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. – С. 160–168.

28. *Петренко А.Г.* Исследование остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. – Казань: Алма-Лит, 2003. – С. 5–63.

29. *Старостин П.Н.* Отчёт об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведённой летом 1964 года. – Казань, 1965. / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Ед. хр. 5130. – 44 с.

30. *Стоколос В.С.* Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1984. – С. 22–43.

31. *Третьяков В.П.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.: Наука, 1966. – 306 с.

32. *Халиков А.Х.* Отчёт о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. / НФ МАРТ. – Ф. – Оп. 41. – Ед. хр. 124.

33. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 395 с.

34. *Халиков А.Х.* Контакты племён Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их культурная интерпретация // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1981. – С. 43–45.

35. *Халиков А.Х.* Волосово-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР – Ижевск, 1990. – С. 10–16.

36. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. – № 172. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

37. *Чижевский А.А., Шипилов А.В., Писарев Т.Н.* Исследования Рысовского археологического комплекса // Археологические открытия в Татарстане – 2002. – Казань: Школа, 2004. – С. 105–144.

38. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-историческая области. – Казань: Школа, 2008. – 171 с.

39. *Чижевский А.А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда. – Т. I. – М.: Гриф и К, 2008б. – С. 367–371.

40. *Шипилов А.В.* Антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные мотивы в искусстве неолита – энеолита Икско-Бельского междуречья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. – Казань: Школа, 2006а. – С. 100–107.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

HISTORY OF RESEARCH OF THE ENEOLITHIC SITES OF THE IK AND BELAYA INTERFLUVE AREA

A.V. Shipilov

The history of research of the Eneolithic Age archaeological resources in the Ik and Belaya rivers interfluve area is considered. Most attention is paid to source base formation, field investigation methods development, and modifications in the approaches to historical interpretation of the Eneolithic archaeological sources that are reflected in varied terminology. The basic concepts referring to the origin, formation and development of the Eneolithic archaeological cultures and cultural communities in the Ik and Belaya rivers interfluve area that were put forward in the second half of the 20th century by O.N. Bader, A.Kh. Khalikov, R.S. Gabyashev, L.A. Nagovitsyn, A.A. Vybornov and other researchers of the prehistoric period in the Kama region are analyzed in the article.

Keywords: archaeology, the Lower Kama River, the Ik and Belaya rivers interfluve area, the Eneolithic, archaeological investigations, burial grounds, settlements, cultural-chronological type of ceramics, cultural community.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. 1977. In *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (From the History and Culture of the Volosovo and the Ananyino Tribes of the Middle Volga River Area)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 5–40 (in Russian).

2. Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Settlements of the Turbino Type in the Middle Kama River Area)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 99. Moscow (in Russian).

3. Bader, O. N. 1964. *Drevneishie metallurgi Priural'ia (Ancient Metallurgists of Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Bader, O. N. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 7–26 (in Russian).

5. Vasil'ev, I. B., Gabiashev, R. S. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (The Volga-Ural Steppe and Forest-steppe during the Early Metal Epoch)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–23 (in Russian).

6. Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1976. In *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ia (Essays on the History and Culture of Volga Region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 73–96 (in Russian).

7. Vybornov, A. A. 1984. In *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (New archaeological sites of the Volga-Kama rivers region)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 8. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 50–62 (in Russian).

8. Vybornov, A. A., Gorbunov, V. S., Obydennov, M. F. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (The Volga-Ural Steppe and Forest-steppe during the Early Metal Epoch)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 195–209 (in Russian).

9. Vybornov, A. A., Ovchinnikova, N. V. 1981. In *Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ia (Ancient and Medieval Cultures of the Volga River Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 33–52 (in Russian).

10. Vybornov, A. A., Obydennov, M. F., Obydennova, G. T. 1984. In *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy (The Copper Age in the South of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–21 (in Russian).

11. Gabiashev, R. S. 1978. In *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik-Belaya Interfluves Area)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 22–39 (in Russian).

12. Gabiashev, R. S. 1978. In *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik-Belaya Interfluves Area)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 40–66 (in Russian).

13. Gabiashev, R. S. 1994. In *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Early Historical Sites of the Volga-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of Tatarstan, 16–39 (in Russian).

14. Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1972. In *Otchet o rabotakh, provedennykh letom 1971 g. v zone zatopleniia Nizhnekamskoi GES v predelakh Menzelinskogo i Nab.-Chelninskogo raionov TASSR (Report on the Fieldworks, Summer 1971, in the Flood Zone of Lower Kama Hydroelectric Power Plant, in Menzelinsk and Naberezhnye Chelny Districts of the Tatar ASSR)*. Kazan. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 5137, 79–92 (in Russian).

15. Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In *Lesnaia polosa Vostochnoi Evropy v volosovo-turbinskoe vremia (Forest Zone of East Europe during the Volosovo-Turbino Time)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 148–159 (in Russian).

16. Gabiashev, R. S. 1972. In *Otchet o rabotakh, provedennykh letom 1971 g. v zone zatopleniia Nizhnekamskoi GES v predelakh Menzelinskogo i Naberezhno-Chelninskogo raionov TASSR TASSR (Report on the Fieldworks, Summer 1971, in the Flood Zone of Lower Kama Hydroelectric Power Plant, in Menzelinsk and Naberezhnye Chelny Districts of the Tatar ASSR)*. Kazan. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 5137, 3–41 (in Russian).

17. Gabiashev, R. S. 1981. In *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 11–24 (in Russian).

18. Gabiashev, R. S. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (The Volga-Ural Steppe and Forest-steppe during the Early Metal Epoch)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 28–36 (in Russian).

19. Gorbunov, V. S. 1980. In *Eneolit Vostochnoi Evropy (Eneolithic of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 137–150 (in Russian).

20. Matveeva, G. I. 1976. In *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ia (Essays on the History and Culture of the Volga Region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 5–73 (in Russian).

21. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (The Eneolothic Age of the Southern Ural Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Morozov, Yu. A. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (The Volga-Ural Steppe and Forest-steppe during the Early Metal Epoch)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 71–82 (in Russian).

23. Morozov, Yu. A. 1984. In *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy (Copper Age in the South of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 43–58 (in Russian).

24. Nagovitsyn, L. A. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 28–34 (in Russian).

25. Nemkova, V. K. 1978. In *K istorii pozdnego pleistotsena i golotsena Iuzhnogo Urala i Priural'ia (Concerning the History of the Late Pleistocene and Holocene of the South Urals and Cis-Urals)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 4–45 (in Russian).

26. Nikitina, G. F. 1985. *Sistematika pogrebal'nogo obriada plemen cherniakhovskoi kul'tury (Systematics of Funerary Rite of the Cerneahov Culture Tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Obydennov, N. F. 1978. In *Lesnaia polosa Vostochnoi Evropy v volosovo-turbinskoe vremia (Forest zone of East Europe during the the Volosovo-Turbino Time)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 3. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature, and History, 160–168 (in Russian).

28. Petrenko, A. G. 2003. In *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)*. Kazan: "Alma-Lit" Publ., 5–63 (in Russian).

29. Starostin, P. N. 1965. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v zone zatopleniia Nizhnekamskoi GES, provedennoi letom 1964 goda (Report on the Archaeological Survey, Summer 1964, in the Flood Zone of Lower Kama Hydroelectric Power Plant)*. Kazan. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 5130 (in Russian).

30. Stokolos, V. S. 1984. In *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy (The Copper Age in the South of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 22–43 (in Russian).

31. Tret'iakov, V. P. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Khalikov, A. Kh. 1958. *Otchet o polevykh rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta iazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR za 1958 g. (Report on the Fieldworks of the Archaeological Expedition of the Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, for 1955)*. Scientific Fund of the Museum of Arhcaeology of Republic of Tatarstan. Fund 5. Inv. 41, dossier 124 (in Russian).

33. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

34. Khalikov, A. Kh. 1981. In *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii v Zapadnoi Sibiri (Methodological Aspects of Archaeological and Ethnographic Research in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 43–45 (in Russian).

35. Khalikov, A. Kh. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia (Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone)*. Izhevsk: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature, 10–16 (in Russian).

36. Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiia Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

37. Chizhevskii, A. A., Shipilov, A. V., Pisarev, T. N. 2004. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane — 2002 (Archaeological Discoveries in Tatarstan in 2002)*. Kazan: "Shkola" Publ., 105–144 (in Russian).

38. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

39. Chizhevskii, A. A. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: "Grif i K" Publ., 367–371 (in Russian).

40. Shipilov, A. V. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 100–107 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

УДК 902/904

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ИЗМЕРСКОГО XVII МОГИЛЬНИКА

© 2014 г. Е.П. Казаков, А.В. Лыганов

Представлены результаты трехлетних исследований на Измерском XVII могильнике, расположенном на левобережье приустьевой части р. Кама. Могильник относится к ананьинской культурно-исторической области. Он находится в непосредственной близи от Измерских VII и XVI могильников, также относящихся к ананьинской культурно-исторической области, что позволяет объединить эти три памятника в единый погребальный комплекс финала позднего бронзового – начала раннего железного века. Кроме четырех погребений ананьинского времени, на территории могильника выявлены более ранние немногочисленные артефакты стоянок эпохи мезолита и позднего бронзового века (срубной культурно-исторической общности и луговской культуры). В более позднее время на этой территории существовало поселение именьковской культуры. К ней относится углубленное в землю жилище подпрямоугольной формы с одной столбовой ямой по центру. Его постройка отнесена авторами ко времени не позднее середины I тыс. н.э. Основная масса керамики из верхней части заполнения этого сооружения связана с прекращением его функционирования и относится к VI–VII вв. н.э.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Измерский могильник, мезолит, поздний бронзовый век, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, именьковская культура.

Измерский XVII могильник был открыт Раннеболгарской археологической экспедицией Института истории им. Ш. Марджани Татарстана в 2007 г. Он расположен в 1,6 км к западу от с. Измери Спасского р-на РТ и занимает ровную надпойменную часть левого берега р. Камы, сильно разрушаемого Куйбышевским водохранилищем. Памятник был выявлен при осмотре берегового обрыва, когда на отмели была обнаружена нижняя челюсть человека с окисью бронзы на ней. Находится новый памятник в 140 м к юго-западу от Измерского XVI могильника, который, в свою очередь, расположен вблизи уже известного (Казаков, 1994; Чижевский, 2008, рис. 39) Измерского VII некрополя ананьинской культурно-исторической области (далее – АКИО).

На месте находки с 2007 по 2012 г. было заложено три раскопа. В 2007–2008 гг. памятник исследовался Е.П. Казаковым. На раскопе I вскрыто 16 кв. м и изучено два захоронения (Казаков, 2008, с. 5–6) На раскопе II площадью 44 кв. м выявлено одно погребение (Казаков, 2009, с. 4–6; 2011 а, с. 354). В 2012 г. исследование памятника продолжилось. На раскопе III было вскрыто 154 кв. м. Таким образом, на сегодняшний день общая вскрытая площадь на Измерском XVII могильнике составляет 214 кв. м (рис. 1). При этом помимо погребений, относящихся к АКИО, были получены поселенческие материалы нескольких культур разных эпох – от мезолита до средневековья. Это кремневые артефакты эпохи мезолита, керамика и остатки соору-

жений, относящихся к срубной культурно-исторической общности (далее – срубная КИО) XVII–XV вв. до н.э. а также различные артефакты и сооружение, относящиеся к именьковской культуре VI–VII вв.

Высота обрыва на памятнике составляет около 4–5 м. Стратиграфия по обрыву общая для всего памятника: дерн – 10 см, чернозем (серый гумусированный легкий суглинок) – до 110 см, ниже идет переходный к материковому слою темно-серо-коричневый тяжелый суглинок мощностью до 10 см. Материковая порода представлена красно-коричневым лессовидным суглинком, мощность которого по обрыву в видимой части около 3 м. Такая стратиграфия прослеживается на всем памятнике.

О том факте, что памятник интенсивно размывается водами Куйбышевского водохранилища, свидетельствует достаточно богатый подъемный материал, происходящий с мелководья у подножья обрыва. Среди собранных фрагментов керамики и костей животных имеются два трехлопастных бронзовых наконечника стрел, которые по аналогиям относятся ко времени существования АКИО. По С.В. Кузьминых, первый наконечник (рис. 5: 6) можно отнести к типу С-34. Этот тип широко распространен на всей территории АКИО и датируется в Прикамье с VI по IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 107–108). Другой наконечник (рис. 5: 7) с опущенными ниже втулки шипами, относится к типу С-50. Появляются такие изделия на Каме в VI–V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 110). Данные типы наконечников также имеют широкие аналогии в степном мире Евразии раннего железного века. Однако здесь они появляются несколько раньше, чем у населения АКИО (Кузьминых, 1983, с. 108, 110).

Описание материалов стоянок и поселений, выявленных на территории могильника. Материалы изученного памятника, как уже отмечалось, содержат комплексы разного времени. Типичными являются находки отходов кремневого производства без дополнительной ретуши утилизации эпохи мезолита в переходном слое к материковому красно-коричневому лессовидному суглинку на глубине 110–125 см. При многочисленных раскопках Раннеболгарской экспедиции на различных памятниках они отмечаются на всем протяжении берега вплоть до урочища Девичий городок (Казаков, 2011б, с. 6–8). Вместе с тем находки, относимые рядом исследователей к финальному палеолиту, располагаются на этой же территории (Габяшев, Казаков, Старостин и др., 1976, с. 4). Такое широкое распространение материала, относящегося как к мезолиту, так и к финальному палеолиту, свидетельствует о проживании здесь населения, использовавшего богатые биоресурсы широких долин Камы и Волги.

Для выпаса стад эти биоресурсы использовало и население срубной КИО (XVII–XV вв. до н.э.), которое также проживало на надлуговых террасах. Об этом свидетельствуют 8 срубных некрополей на протяжении 3 км вдоль разрушаемой части берега близ с. Измери. На территории памятника также зафиксированы следы проживания носителей срубной КИО. Судя по локализации керамики и костей на глубине около 100 см, со временем срубной КИО связаны какие-то сооружения, возможно, остатки полу-

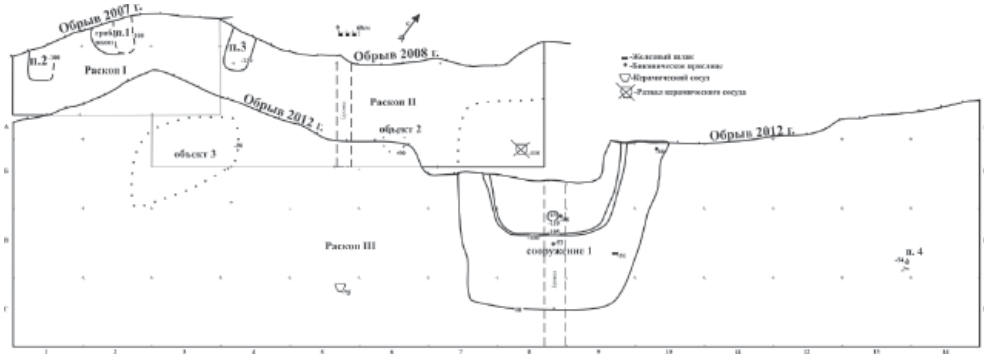

Рис. 1. Измерский XVII могильник. Общий план раскопов.

земляночного жилища (рис. 1). Точные очертания подобных сооружений в слое чернозема не прослеживаются и отмечаются только по значительному скоплению керамики и костей. К таким предполагаемым сооружениям относится объект 3.

Объект 3 был выявлен на уч. Б/0 раскопа II на глубине 100–110 см, (рис. 1). Скопление керамики и костей животных отмечено в черноземе на глубине 100 см от 0. Они располагались на площади около 200 х 75 см, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток. Довольно крупные фрагменты лепной посуды с резным и гребенчатым орнаментом (рис. 5: 1) отмечены в юго-западной части скопления. Обломки костей ног, ребра крупного рогатого скота фиксируются в восточной, в центральной и северо-восточной частях скопления. Всего на этом уровне выявлено 22 обломка керамики и 12 костей домашних животных (из них 8 – КРС, 4 – МРС). После выборки этих находок на глубине 110 см был расчищен новый слой. На площади 200 х 140 см, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток, расчищены фрагменты лепной керамики (рис. 5: 2–4), позвонки, ребра крупного рогатого скота (7 экз.).

Основная часть керамики относится ко времени существования развитого этапа срубной КИО. Эта керамика характеризуется большой толщиной стенок, разреженным гребенчатым орнаментом, примесью шамота в тесте. Однако в объекте 3 раскопа III среди скопления костей и керамики были выявлены фрагменты от тонкостенных горшков с примесью шамота и органики в тесте, заметно отличающиеся от классической срубной посуды. На фрагментах стенок орнаментация отсутствует. По всей видимости, к тому же типу керамики можно отнести чуть отогнутый венчик с каннелюрами (рис. 5: 5). Верхняя часть венчика чуть расширенна и по срезу украшена насечками гребенкой. На внешней поверхности прослеживаются два ряда прочерченных гладким штампом каннелюр. В целом орнаментация каннелюрами наиболее характерна для андроноидных культур Нижнего Прикамья – сусканской, луговской (Колев, 1991, с. 162–206; Обыденнов, 1998, с. 21–42; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 94–115). Общая датировка комплексов

эпохи бронзы с территории Измерского XVII могильника укладывается во время существования в Волго-Камье срубной КИО и луговской культуры (XVII–XIV вв. до н.э.).

О проживании на месте памятника раннесредневекового населения говорят находки в слое памятника фрагментов керамики с примесью шамота и органики, а также целого сосуда именьковской культуры (рис. 6: 1–7). Они аналогичны комплексам Коминтерновского II могильника, расположенного в 3 км к востоку от отмечаемого памятника, который по многочисленному материалу датируется эпохой Тюркских каганатов (вторая половина VI–VII вв.).

На основании работ проведенных в 2007–2008 гг. было отмечено, что, судя по находкам скоплений керамики на большой глубине, не исключено наличие каких-то сооружений, очертания которых в слое чернозема не просматриваются. В результате исследований в 2012 г. такое сооружение, относящееся непосредственно ко времени существования именьковской культуры, удалось выявить.

Сооружение 1 именьковского времени было выявлено на глубине кровли третьего пласта (45–50 см от 0) в центральной части раскопа III в виде пятна темно-серого гумусированного суглинка (рис. 1). Граница заполнения сооружения нечеткая, однако само пятно заполнения хорошо читается по более темному цвету и скоплению фрагментов керамики. Сооружение было частично разрушено береговым обрывом. Размеры в сохранившейся части на уровне выявления составляли около 4,8 х 5,1 м. Длинная сторона сооружения, уходящая в обрыв, расположена фактически по линии север – юг. Размеры сооружения постепенно сужаются и на уровне материка в раскопе III составляют 3,6 х 2,4 м. Первоначально северная часть сооружения 1 фиксировалась и в раскопе II, судя по распространению керамического материала. Объект имел подпрямоугольную форму со сторонами 4,8 х 6 м. Края сооружения округлены. Стенки покатые, переходящие в пологое неровное дно, имеющее уклон в сторону обрыва. Нижняя граница объекта выявлена на глубине -110 – -115 см от 0 и чуть заглублена в материковый суглинок. В середине сооружения, на материковом суглинке, выявлена столбовая яма диаметром 30 см (рис. 1). Глубина столбовой ямы 35–41 см от уровня выявления.

Для датировки сооружения первостепенное значение имеют фрагменты керамики и три биконических пряслица, выявленные в его придонной части (рис. 7). В заполнении сооружения найдено 307 фрагментов керамики, а из нижнего слоя происходит всего 20 фрагментов стенок и один фрагмент венчика (табл. 1). Также здесь, на глубине -110 см, был зафиксирован развал сосуда, который удалось воссоздать (рис. 7: 5). Данный сосуд выделяется из остальной массы керамики сглаженным ребром в средней части. Аналогии сосуду можно найти в материале городища Лбище на Самарской Луке, которое исследователем датируется ранним этапом именьковской культуры (Матвеева, 1998, с. 89–92, рис. 3). Выявленные в нижней части сооружения небрежно сработанные биконические пряслица с широким отверстием (рис. 7: 2–4), также могут быть отнесены к раннему этапу именьковской культуры, по аналогии со схожими изделиями, проис-

Таблица. 1. Керамика из раскопа III

Пласт	Венчики	Стенки	Дно	Именьковская культура	Эпоха бронзы	Булгарская домонгольская культура	Неопределимые	Всего
1	1	10	5	14		2		16
2	20	110	34	160	1	1	1	163
3	18	91	17	96	24		6	126
4	4	74	16	91	2		2	95
5	3	12		5	9		1	15
Соор.1								
3	26	171	68	265				265
4		16	5	21				21
5	1	16	4	21				21
Всего	73	500	149	673	36	3	10	722

ходящими из селища Новая Беденьга в Ульяновском Поволжье (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семыкин, 2012, с. 77–78, рис. 16, 23: 2,4,5).

Таким образом, время сооружения именьковского жилища – не позднее середины I тыс. Но основная масса керамики из верхней части заполнения сооружения (рис. 6: 8–12) связана с прекращением его функционирования и относится к более позднему периоду – VI–VII вв.

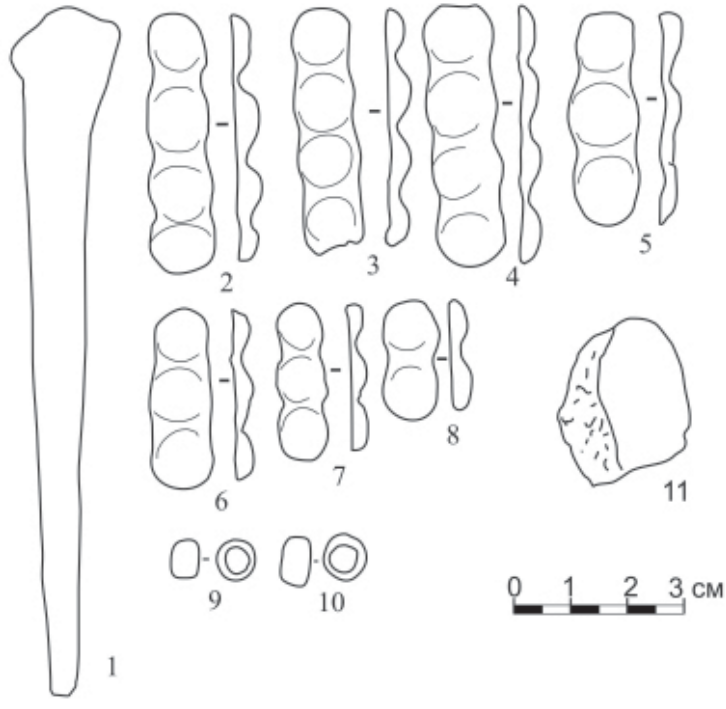
Описание погребений.

Погребение 1. Глубина -130 см (рис. 2). На глубине -100 см в черноземе выявлены нечеткие следы округлой в плане ямы диаметром 180 см, частично уходившей в обрыв берега. Заполнена она черноземом с включением кусков суглинка. На глубине -130 см отмечено, что данное сооружение является грабительским вкопом, который накрыл захоронение. На площади 100 х 80 см, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад, расчищены лежащие в беспорядке кости человека: позвонки, ребра, лопатки. In situ сохранились лишь трубчатые кости левой руки. Судя по ней, костяк взрослого человека, ориентированный головой на юго-восток, лежал вытянуто на спине.

В юго-западном конце комплекса расчищены фрагменты дерева и кожи, видимо, от подстилки дна могилы. Здесь же находились кусок кремня, остатки широкого ремня с бронзовыми, лежащими в ряд накладками (рис. 2: 2–8), бронзовые пронизки (рис. 2: 9–10) и фрагменты бронзы. В 30 см к юго-западу от этого комплекса встречена костяная проколка (рис. 2: 1).

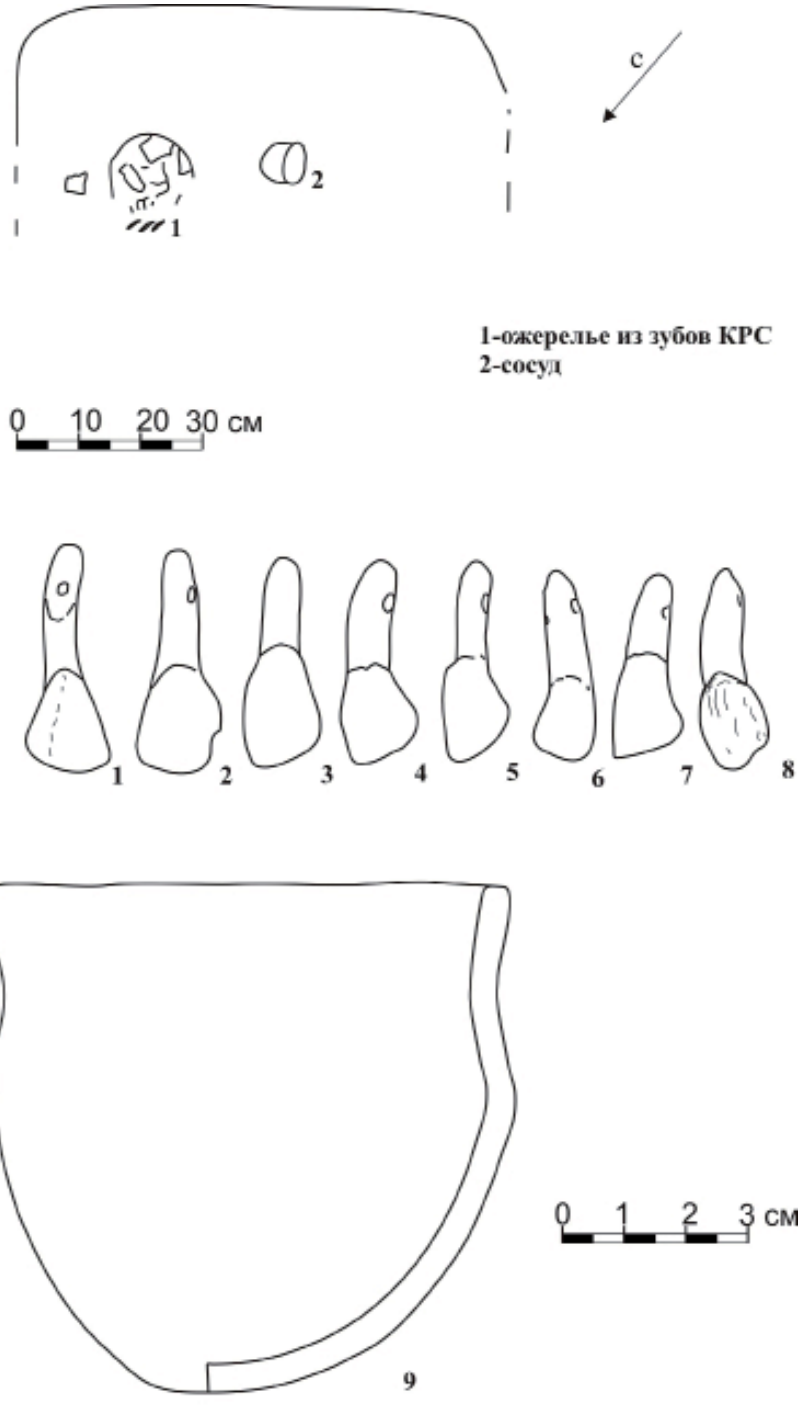
Погребение 2. Глубина -100 см (рис. 3). Слабые следы могильной ямы шириной 80 см с более гумуси-

Вещевой инвентарь погребения 1. 1-костяная проколка, 2-8-бронзовые накладки, 9-10-бронзовые пронизи, 11-кусок кремня.

Рис. 2. Измерский XVII могильник. План и инвентарь погребения 1.

Вещевой инвентарь погребения 2.
1-8-ожерелье из зубов КРС, 9-керамический сосуд.

Рис. 3. Измерский XVII могильник. План и инвентарь погребения 2.

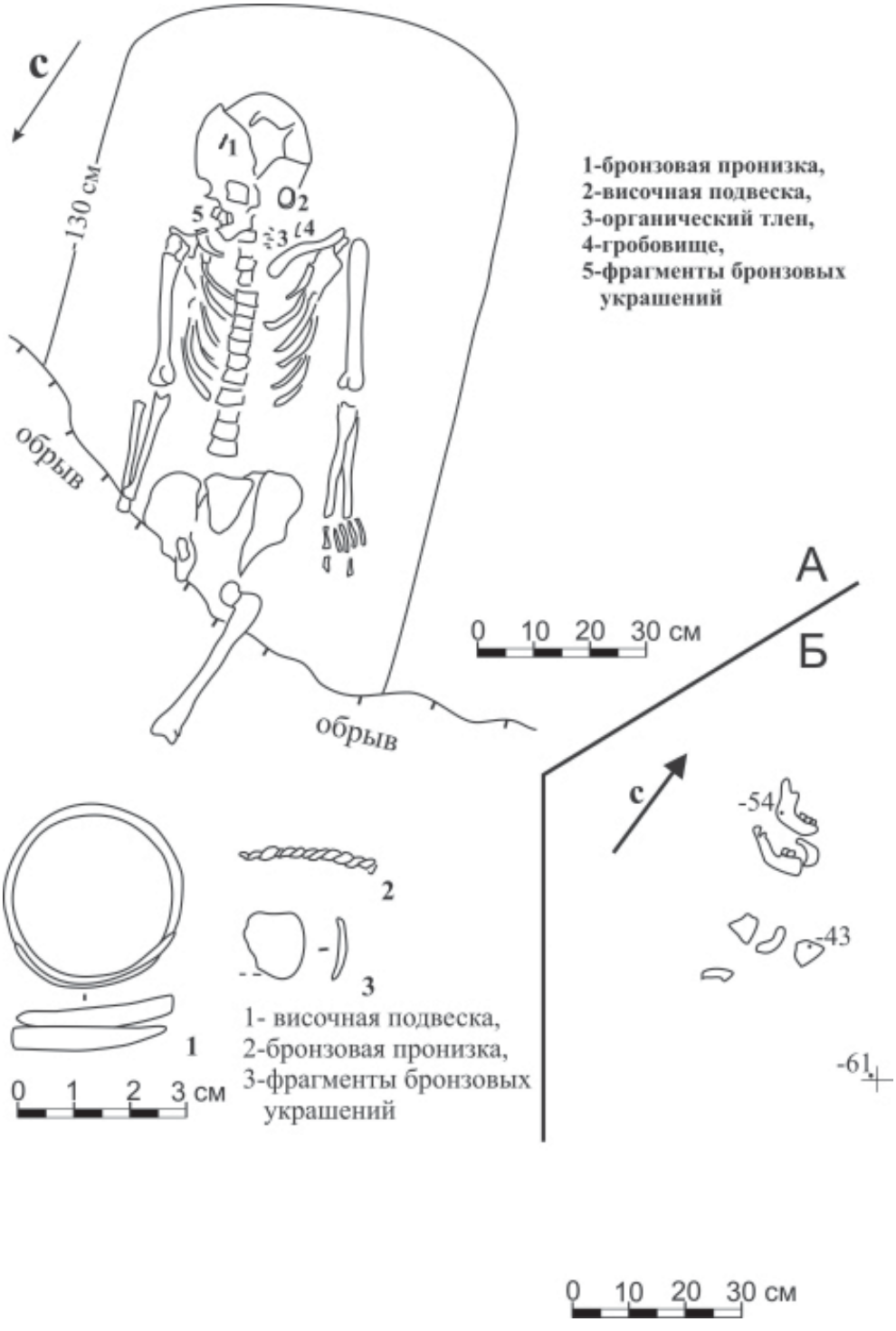

Рис. 4. Измерский XVII могильник. План и инвентарь:
А-погребения 3, Б-погребения 4.

Рис.5. Керамика срубной КИО из объекта 3 (1,2), керамика именьковской культуры из культурного слоя (7–9, 11), из верхней части заполнения сооружения 1 (3–6, 10).

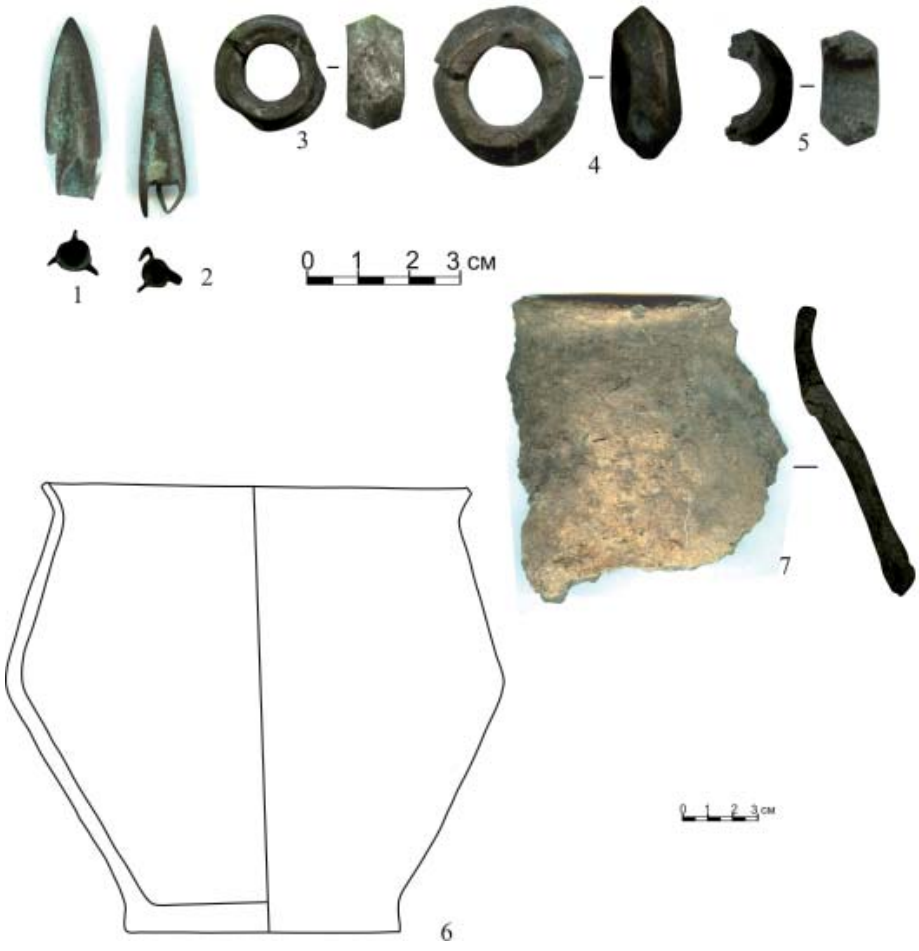

Рис.6. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел АКИО, подъемный материал (1–2), глиняные напрясла из придонной части сооружения 1 (3–5). Лепная керамика именьковской культуры из придонной части сооружения 1 (6,7).

рованным заполнением отмечены на глубине -100 см в слое чернозема. На этой же глубине расчищены плохо сохранившиеся фрагменты черепа ребенка, судя по которым, умерший был ориентирован головой на юго-восток. На месте шеи ребенка расчищено ожерелье из 8 резцовых зубов от двух особей крупного рогатого скота (определение к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой) с просверленными отверстиями для подвешивания (рис. 3: 1–8). В 10 см к западу от остатков черепа был поставлен лепной круглодонный сосуд (рис. 3: 9).

Погребение 3. Глубина -140 см (рис. 4 А). Слабые очертания могильной ямы, заполненной темным грунтом, появились в слое суглинка на глубине -130 см. Сохранившиеся размеры ее около 115 х 70 см. На глубине -140 см расчищено захоронение: костяк взрослого человека, ориентированный головой на юг-юго-восток, лежал вытянуто на спине, руки вдоль, череп свален на правый бок. Северная часть погребения, ниже тазовых костей, разрушена водохранилищем. На лобной части черепа находилась бронзовая спиральная пронизка

(рис. 4 А: 2), у виска с левой стороны бронзовая височная подвеска (рис. 4 А: 1), у шейных позвонков тлен от одежды, остатки гробовища и обломки бронзовых изделий (рис. 4 А: 3).

Погребение 4 было выявлено на глубине -43 см в слое серого гумусированного легкого суглинка (чернозема) (рис. 4 Б). Могильная яма в слое не читается. Погребение представляет собой нижнюю человеческую челюсть и фрагменты черепной крышки, раскиданные на площади около 30 кв. см. Погребение сложно интерпретировать ввиду его плохой сохранности. Вероятно, оно было разрушено еще в древности населением именьковской культуры, на это указывает и тот факт, что погребение было выявлено на глубине -43 см, в то время как неразрушенные погребения Измерского XVII могильника находятся в непотревоженном состоянии на глубинах не менее 100 см.

В двух установленных случаях костяки лежали вытянуто на спине. Ориентировка погребенных в трех установленных случаях – головой на юго-восток или же юг-юго-восток ногами к реке. Такая поза и ориентировка погребенных характерна как для маклашеевской культуры финальной бронзы Волго-Камья, так и для ананьинского времени (Чижевский, 2008, с. 91).

Для более четкого определения культурной принадлежности погребений первостепенное значение имеет выявленный в них погребальный инвентарь.

Одним из типичных изделий АКИО являются так называемые «восьмерковидные» бляхи. Они появляются еще в маклашеевской культуре (известны по материалам погребения 3 Полянского II могильника) (Халиков, 1980, табл. 54: 8, 9). В дальнейшем они были широко распространены в ананьинское время и достаточно часто встречаются в погребениях Старшего Ахмыловского, Пустоморквашинского, Новомордовского VII, Першинского, Мензелинского и др. могильников чаще всего в составе ременных наборов (Халиков, 1977, рис. 14: 9, 19 Г; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 42: 76; Чижевский, 2008, рис. 32: 24, 25; 47: 7; Бугров, Чижевский, 2009, рис. 13: 27, 28). Такие бляхи выявлены в погребении 1 Измерского XVII могильника, однако наряду с классическими двухчастными «восьмерковидными» бляхами здесь выявлены трехчастные и четырехчастные бляхи (рис. 2: 2–7), аналогий которым в других могильниках АКИО пока не найдено.

Литые бронзовые пронизи (рис. 2.9-10) из этого же погребения могут датироваться этим же временем. Они также встречаются в ананьинских могильниках (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 14: 6б, 106: 4а, 5б; Бугров, Чижевский, 2009, рис. 13: 14–18).

В погребении 3 выявлены бронзовая спиральная пронизка, височная подвеска и остатки бронзовых изделий (украшений?) в районе шеи (рис. 4 А). Аналогии таким изделиям прослеживаются достаточно широко в погребениях финальной бронзы и раннего железного века. (Халиков, 1980, табл. 10,13, 17, 18; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 45: 2б; 57: 1а).

Выявленный в погребении 2 небольшой неорнаментированный сосуд (рис. 3: 9) также находит аналогии в древностях финальной бронзы и раннего железного века региона.

Однако по форме и отсутствию орнаментации он наиболее близок погребальным сосудам постмаклашеевской культуры АКИО (Чижевский, 2008, рис. 34). Выявленному в этом же погребении ожерелью из зубов крупного рогатого скота аналогий не найдено (рис. 3: 1–8).

В целом, опираясь на вещевой материал, погребения Измерского XVII могильника следует отнести к самому финалу позднего бронзового – началу раннего железного века (X–VI вв. до н.э.). Это не противоречит и датировкам погребений из близлежащих Измерских XVI и VII могильников (Казаков, 1994), что позволяет объединить их в единый погребальный комплекс населения маклашеевской культуры финального бронзового века и постмаклашеевской культуры АКИО.

Для более точной датировки памятника необходимо проведение дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугров Д.Г., Чижевский А.А.* Мензелинский могильник // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология Евразийских степей. – Вып. 10. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. – С. 61–80.

2. *Вязов Л.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.А., Семыкин Ю.А.* Исследования селища Новая Беденьга I в 2010 г. (Новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. – С. 54–101.

3. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1976. – С. 3–34.

4. *Казаков Е.П.* Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1994. – С. 104–123.

5. *Казаков Е.П.* Исследования Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 2008 года. – М.: ИА РАН, 2011а. – С. 354.

6. *Казаков Е.П.* Памятники эпохи камня в Закамье. – Казань: Фолиант, 2011б. 180 с.

7. *Колев Ю.И.* Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. – Самара: СГПИ, 1991. – С. 162–206.

8. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 256 с.

9. *Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы Второй международной археологической конференции. – Самара: СОИКМ, 1998. – С. 87–96.

10. *Обыденнов М.Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. – Уфа: БЭК, 1998. – 205 с.

11. *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). – М.: Наука, 1982. – 278 с.

12. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (XIII-VI вв. до н.э.). – М.: Наука, 1977. – 263 с.

13. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / АЕС. – Вып. 5. – Казань: ИИ АН РТ, 2008. – 172 с.

14. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В.* Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 94–115.

15. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. – Вып. В1-24. – М.: Наука, 1980. – 128 с.

16. *Казаков Е.П.* Отчет о работе Раннеболгарской экспедиции в 2007 г. / НФ МАРТ, Казань, 2008.

17. *Казаков Е.П.* Отчет о работе Раннеболгарской экспедиции в 2008 г. / НФ МАРТ, Казань, 2008. Казань, 2009.

Информация об авторах:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@rambler.ru

THE RESULTS OF INVESTIGATION OF THE XVII IZMERI BURIAL GROUND

E.P. Kazakov, A.V. Lyganov

The results of a 3-year study on the Izmeri XVII burial ground site are presented in the article. The site is located on the left bank of the Kama mouths region and refers to the Ananyino cultural and historical area. It is situated next to the Izmeri VII and XVI cemeteries, which also refer to the Ananyino cultural and historical area. This fact allows the authors to regard the three sites as a single funeral complex dated by the Late Bronze Age to Early Iron Age. Besides the four Ananyino burials, several earlier artifacts of the Mesolithic and Late Bronze Age were revealed in the territory of the burial ground site, which refer to the Srubna cultural and historical community and the Lugovskoye culture. Later on, there was an Imenkovo culture settlement in this territory. A semi-subterranean roughly square dwelling with a post hole in the center is characteristic of the Imenkovo culture. Its construction is dated by the authors to the time not later than the mid-1st millennium AD. The major part of the ceramics from the upper part of the construction infill is connected to its functioning cessation and refers to the 6th and 7th centuries AD.

Keywords: archaeology, the Kama area, the Izmeri burial ground site, the Mesolithic, the Early Iron Age, the Late Bronze Age, the Ananyino cultural and historical area, the Imenkovo culture.

References

1. Bugrov, D. G., Chizhevskii, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kam'ia (Ancient and Medieval Archaeology of Volga and Kama Rivers Basin)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 10. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 61–80 (in Russian).

2. Viazov, L. A., Bagautdinov, R. S., Nerushin, I. A., Semykin, Yu. A. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: "Shkola" Publ., 54–101 (in Russian).

3. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology) (From the Volga-Kama archaeology)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

4. Kazakov, E. P. 1994. In *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Early Historical Sites of the Volga-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 104–123 (in Russian).

5. Kazakov, E. P. 2011. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2008 goda (Archaeological Discoveries of 2008)*. Moscow: Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 354 (in Russian).

6. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area) (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama River Region)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

7. Kolev, Yu. I. 1991. In *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 162–206 (in Russian).

8. Kuz'minykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

9. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 87–96 (in Russian).

10. Obydennov, M. F. 1998. *Arkheologicheskie kul'tury kontsa bronzovogo veka Prikam'ia (Late Bronze Age Archaeological Cultures of Kama Region)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

11. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Mariiskii krai v VII–VI vv. do n. e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in the 7th—6th Centuries BC. (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 5. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

14. Chizhevskii, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115 (in Russian).

15. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya culture)*. Series: Corpus of Archaeological Sources V1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

16. Kazakov, E. P. 2008. *Otchet o rabote Rannebolgarskoi ekspeditsii v 2007 g. (Report on the Fieldworks of the Early Bulgarian Expedition in 2007)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan, Kazan (in Russian).

17. Kazakov, E. P. 2009. *Otchet o rabote Rannebolgarskoi ekspeditsii v 2008 g. (Report on the Fieldworks of the Early Bulgarian Expedition in 2007)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan, Kazan, 2008. Kazan (in Russian).

About the authors:

Kazakov Evgene P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

УДК 902

ФИННО-УГОРСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ БАШКОРТОСТАНА[1]

© 2014 г. В.А. Иванов

Рассматривается история разработки финно-угорской тематики в археологии Башкортостана с середины XX в. до настоящего времени. Раскрывается динамика ее развития — от приоритетного направления в 1950-е – 1970-е годы XX в. до второстепенного – в начале XXI в. Историографический обзор литературы и архивные материалы показывают, что планомерные археологические исследования на территории Башкирской АССР в 1950-х гг. начинались на памятниках, изначально интерпретировавшихся как финно-угорские. Выделенная в этот период Н.А. Мажитовым бахмутинская культура раннего средневековья связывалась им с древними уграми-мадьярами, а кара-абызская культура раннего железного века, выделенная А.Х. Пшеничнюком, была отнесена им к финно-уграм. Таким образом, к концу 1960-х гг. финно-угорская этнокультурная доминанта в эпоху раннего железного века – средневековья считалась общепризнанной. В середине 1970-х гг. Н.А. Мажитов выдвинул концепцию о ранней (уже в середине I тыс. н.э.) тюркизации Южного Урала. Соответственно, все культуры I тыс.н.э. объявились им как древнебашкирские. С этого времени и по сей день между Н.А. Мажитовым и автором данной статьи не прекращается дискуссия о роли финнов и угров в формировании этнической карты региона. Автор делает вывод, что в результате этой дискуссии угас интерес уфимских археологов к финно-угорской тематике, которая сейчас занимает второстепенное место в археологии Башкортостана. Наряду с этим повысился интерес к истории и археологии ранних и средневековых кочевников.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, ранний железный век, раннее средневековье, финно-пермяки, угры, ананьинская культура, кара-абызская культура, бахмутинская культура, башкиры, этногенез.

Территория современного Башкортостана с испокон веков являлась (по крайней мере, в ее лесных и лесостепных районах) неотъемлемой частью «ойкумены» финно-пермских и угорских народов. Особенно это касается эпохи т.н. «поздней древности» (ранний железный век) и раннего средневековья (до начала II тыс. н.э.). Поэтому представляется вполне естественным и логичным то обстоятельство, что первые масштабные научные изыскания в области археологии, начатые еще в 1950-е годы сотрудниками ИИЯЛ БФ АН СССР (ныне Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН), имели отчетливо выраженную финно-угорскую направленность. Обусловлено это было самим характером и культурной принадлежностью памятников, первыми подвергшихся целенаправленному исследованию.

Начало планомерных археологических исследований на территории Башкирии связано с созданием в 1953 г. в составе Института истории,

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект «Проблема "прародины" угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья». № 13-11-59007.

языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (БФ АН СССР создан в 1951 году и Башкирский институт истории, языка и литературы вошел в его состав) сектора истории, археологии и этнографии (Усманов, 1982, с. 17). Научным руководителем археологической группы была назначена старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук А.В. Збруева. Она же одновременно возглавила и Башкирскую археологическую экспедицию ИА АН СССР. Члены археологической группы ИИЯЛ БФ АН СССР – к.и.н. Г.В. Юсупова, к.и.н. Т.Н. Троицкой и П.Ф. Ищерикова – включились в работу экспедиции в качестве руководителей отдельных отрядов Башкирской АЭ ИА АН СССР.

Очевидно, тогда же в ходе работ Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой на городищах и поселениях эпохи раннего железного века в Гафурийском районе БАССР возникла идея о выделении этих исследований в особую научно-исследовательскую тему «Древнейшие поселения Гафурийского района», впервые прозвучавшую в отчете о научно-исследовательской работе сектора истории, археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР за 1955 год. В отчете, в частности, говорится о том, что «… В 1955 г. в связи с темой «Древнейшие поселения Гафурийского района» была проведена археологическая экспедиция в Гафурийском районе Башкирской АССР. Археологические раскопки дали обильный и ценный материал, позволяющий сделать весьма интересные выводы по истории племен и народностей, населявших Урал и Приуралье в середине I тыс. до н.э.» (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 133). Окончательное оформление темы происходит в том же 1955 г. на заседании ученого совета ИИЯЛ БФ АН СССР 21 июня 1955 г. В докладе и.о. заведующего сектором истории, археологии и этнографии к.и.н. Р. Г. Кузеева «О плане научно-исследовательских работ сектора истории, археологии и этнографии на 1956 год» под № 5 была обозначена тема «Древнейшее население Гафурийского района» в объеме 3 п.л. Тема предусматривала изучение социально-экономического уклада, культурных и этнических связей древнего населения Башкирии. Срок завершения темы был определен первой половиной 1957 года. Исполнители темы – к.и.н. Г.В. Юсупов (он же руководитель) и к.и.н. Т.Н. Троицкая (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 143).

Раскопки памятников в Гафурийском районе БАССР продолжались до 1956 г. включительно. И в том же году Г.В. Юсуповым была подготовлена статья «Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР», в которой обобщались результаты раскопок. Большую часть статьи занимает описание материала по памятникам[2]. В заключении же автор предлагает свое понимание «этнокультурного характера» исследованных памятников. Прежде всего, Г.В. Юсупов обратил внимание на элементы орнаментики сосудов с Касьяновского городища и селища Курман-Тау, восходящие, по его мнению, к орнаментике срубной, андроновской и абашевской культур бронзового века: кругло-ямочный, резной горизонтально-елочный и флажковый орнаменты. Подобные орнаментальные мотивы Г.В. Юсу-

[2] В 1959 году эта часть статьи была полностью опубликована (Юсупов, 1959).

пов прослеживает также на керамике стоянки им. М.И. Касьянова («Касьяновской»), исследованной в те же годы А.В. Збруевой. А сосуды с утолщенным венчиком и рифленым орнаментом по шейке возводит к сосудам селища Баланбаш, изученного К.В. Сальниковым. В итоге автор высказывает предположение о том, «что роль памятников типа стоянки им. Касьянова и селища Баланбаш в генезисе Уфимской культуры[3] играли такую же роль, как и памятники типа Луговского могильника для ананьинской культуры» (Юсупов, 1956).

Другой важный момент, выделенный Г.В. Юсуповым, это проблема происхождения «уфимской» культуры. Здесь на первое место исследователь ставит типологическое сходство «ранней ананьинской (с Ананьинской дюны) керамики с керамикой культуры Курман-Тау, а также некоторые общие черты последующей стадии ананьинской культуры с культурой Уфимцев, которые, очевидно, указывают на некоторые общие этнические основы их формирования. Этой основой, как для ананьинской, так и для уфимских культур был срубно-андроновский, т.е. ирано-угорский этнический субстрат, получивший развитие на территории Башкирии в лице сармато-уфимских (угорских) культурно-этнических возлияний, вылившихся впоследствии в алано-бахмутинскую (мадьярскую) стадию».

Наконец, третий момент рассуждений автора – вероятная угорская этнокультурная принадлежность носителей «уфимской» культуры («Уфимцев», у Г.В. Юсупова).

Присутствие на территории Башкирии «угорского мира» в I тыс. до н.э., по мнению автора, подтверждается неоднократными находками здесь восточного серебра, имевшего культовое значение у более поздних угров. В этом Г.В. Юсупов видит «полное основание оправдать предположение об **угорском характере уфимской культуры** (выделено мной. – *В.И.*), к нему, по-видимому, восходят своими корнями культуры I-го тысячелетия н.э. на территории Башкирии – Бахмутинская и культуры периода первых веков нашей эры, подобно тому, как пьяноборская и др. поздние культуры Прикамья являются детищами ананьинской культуры».

В определенной степени, по мнению Г.В. Юсупова, на угорский характер «уфимской» культуры указывает утверждение венгерского историка Б. Мункачи о скифо-сарматских корнях мадьярского (древне-венгерского) коневодства. Скорее всего, именно «уфимцы», – пишет Г.В. Юсупов, – были мостом-проводником элементов скифо-сарматской культуры в финно-угорскую среду».

И, наконец, в итоге своих размышлений Г.В. Юсупов отказывается от своего мнения о ранней (в I тыс. до н.э.) тюркизации населения Башкирии, высказанного им в 1952 г., и заключает, «что тюркизация произошла позднее – на последнем этапе существования алано-бахмутинских (мадьярских) племен» (Юсупов, 1956, с. 8 и сл.).

Как уже было отмечено выше, заключительная (аналитическая) часть статьи Г.В. Юсупова не была опубликована. Однако, исходя из своего ви-

[3] Здесь Г.В. Юсупов впервые, применительно к городищам Гафурийского района, употребляет термин «Уфимская культура».

дения «характера» и этнокультурной принадлежности (угорской[4]) «уфимской» культуры, исследователь в опубликованном варианте своей работы отрицает этногенетическую связь этой культуры с ананьинской и настаивает на ее самобытности (Юсупов, 1959, с. 86 и сл.).

Так, впервые в истории археологии Южного Урала и Приуралья был вполне определенно поставлен вопрос о присутствии в I тыс. до н.э в этнической карте региона угорского компонента и обозначены пути и механизм его проникновения в регион.

В 1957 году в секторе истории, археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР начали работать Н.А. Мажитов, выпускник Пермского госуниверситета, и М.Х. Садыкова. И в том же году Президиум БФ АН СССР утвердил тематический план научно-исследовательских работ ИИЯЛ по данному сектору на 1958 год (22 августа 1957 года), в котором фигурирует тема «Древняя история Башкирии» сроком выполнения 1957–1960 гг., научным руководителем которой был назначен Г.В. Юсупов. В рамках данной темы были выделены две подтемы: «Сарматские памятники Башкирии IV в. до н.э. – IV в. н.э.», исполнителем которой назначена м.н.с. М.Х. Садыкова и «Городища по среднему течению р. Белой», исполнители – с.н.с. Г.В. Юсупов и м.н.с. Н.А. Мажитов (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 166).

Цель второй темы исполнители определяли исходя из наличия уже известных поселений «уфимской» культуры в Гафурийском районе и из необходимости уточнения ее хронологических и географических границ, что «является важнейшей задачей в области исследования древней истории Башкирии в I тыс. до н.э.». Основную цель своих дальнейших исследований авторы видели в раскрытии характера данной культуры в первую очередь в вопросах этногонии древних насельников Приуралья. В итоге также предполагалось написание монографии объемом 4 п.л., состоящей из 4-х глав: 1 – Описание городищ; 2 – хозяйство и быт насельников; 3 – Общество. Характер общественных отношений; 4 – Идеология. Вопросы религиозных верований. В «Заключении» предполагалось осветить вопросы генезиса «уфимской» культуры (там же).

Результаты работ уже первого года разработки темы (1957 год) позволили исследователям сделать определенные выводы относительно этнокультурных процессов, происходивших на территории Башкирии в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Так, Н.А.Мажитов, проводивший в 1957 г. разведки и раскопки в Бураевском и Балтачевском районах БАССР, на основании полученных материалов (Чиатавский могильник, Юмакаевское, Афанасьевское, Кансиярское, Ардашевское, Тазларовское городища, Тугубаевское, Новокарское селища) сделал вывод, во-первых, о принадлежности Чиатавского могильника к пьяноборской культуре и соответственно «о существовании на территории Башкирии (в центральных, северо-западных и северных районах) в рассматриваемое время древних **угро-финских племен** (выделено мной. – *В.И.*). Может быть, некоторое своеобразие археологических памятников Башкирии, которое очень хорошо видно на

[4] Г.В. Юсупов использует еще одно интересное определение – «сармато-уфимское культурно-этническое возлияние».

материале городищ, говорит о некоторых локальных особенностях в их языке и на основании этого можно видеть в них предков, по крайней мере, одной из групп предков современных угорских народов» (Мажитов, 1958). Во-вторых, новые полученные материалы, свидетельствующие о генетических связях бахмутинской культуры с культурой памятников типа Чиатавского и Уфимского могильников, указывают, по мнению исследователя, на автохтонный характер бахмутинской культуры. В-третьих, Н.А. Мажитов присоединяется к мнению Р.Г. Кузеева о позднем, не ранее середины I тыс. н.э. или даже позже, приходе древнебашкирских племен на север Башкирии (там же).

На рубеже 50 – 60-х годов прошлого столетия целенаправленные исследования памятников древних финно-угров Приуралья начинают вестись по двум направлениям. Н.А. Мажитов концентрирует свое внимание на памятниках бахмутинской культуры. В 1958–1960 и 1962 гг. он проводит раскопки Бирского II могильника, где в общей сложности было исследовано более 200 погребений, «давших очень богатый материал по истории бахмутинских племен» (Мажитов, 1968, с. 6). В 1959 году исследует Каратамакский могильник на р. Быстрый Танып в Бураевском районе БАССР (19 погребений). По инвентарю (наличие в погребениях жертвенных комплексов и височных подвесок «бахмутинского типа», а также отсутствие глиняных сосудов) и «обрядовым особенностям захоронений» исследователь относит Каратамакский могильник к типичным памятникам раннего этапа бахмутинской культуры (там же, с. 19–21).

В 1961 году начальник отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР и лаборант этого отряда Н.А. Мажитов и А.Х. Пшеничнюк исследуют Камышлы-Тамакский могильник в Бакалинском районе БАССР. На вскрытой площади было обнаружено 101 погребение: женские, мужские и детские. Анализируя погребальный обряд и вещевой материал памятника, авторы однозначно связывают его с могильниками пьяноборской культуры со Средней Камы (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, с. 51 и сл.).

В 1962–1963 гг. А.Х. Пшеничнюк исследует Биктимировский могильник в Бирском районе БАССР, обнаруженный еще в 1955 г. краеведом А.П. Шокуровым. В двух раскопах общей площадью 522 кв. м было обнаружено 47 погребений с довольно богатыми наборами вещей. По аналогиям этим вещам в погребениях прохоровской культуры – бронзовые наконечники стрел, железный меч, пряжки, дисковидные бляхи, изготовленные из сарматских зеркал, височные кольца и бусы – дату могильника А.Х. Пшеничнюк определяет в пределах III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226).

Типологически близким Биктимировскому могильнику исследователь называет Новый Уфимский могильник на южной окраине г. Уфы, на котором к рассматриваемому времени в разные годы было археологически исследовано 27 погребений (Археологическая карта, 1977, с. 122 и сл.). Причем настолько близким, что, как пишет А.Х. Пшеничнюк, «принадлежность Нового Уфимского и Биктимировского могильников к одной археологической культуре не вызы-

вает сомнения» (Пшеничнюк, 1964, с. 229).

Одновременно с исследованиями Биктимировского могильника А.Х. Пшеничнюк проводит рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки и Дудкино I (на территории г. Уфы) и городище Аташ (Охлебининское II) в устье р. Сим. Как указывает сам исследователь, раскопки эти производились им в контексте решения проблемы культурной принадлежности «кара-абызских памятников», базировавшейся на отсутствии четких морфологических параметров кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1964а, с. 93). В керамической коллекции, собранной на указанных памятниках, были выделены 445 сосудов, которые исследователь разделил на три типологических группы: кара-абызскую, ананьинскую и «сарматоидную».

Что же касается культурной принадлежности рассматриваемых памятников, то, опираясь на результаты сопоставления погребального обряда, набора сопровождающих вещей Биктимировского могильника и могильников пьяноборской культуры Прикамья, А. Х. Пшеничнюк выявляет «весьма существенные различия между ними» и приходит к однозначному выводу о выделении кара-абызских памятников в самостоятельную культуру. Причем особое внимание он обращает на предметы, своеобразные и не повторяющиеся ни в какой другой археологической культуре: поясные ремни, покрытые бронзовыми накладками с изображением голов лошадей и дисковидными бляхами или подпрямоугольными пряжками на концах, нагрудные украшения – «портупеи» – с гофрированными обоймами и круглыми бляшками, гладкие прямоугольные обоймы, украшавшие подол верхней одежды (Пшеничнюк, 1964, с. 230 и сл.).

Суммируя материал семи могильников кара-абызской культуры, выявленных на территории Башкирии к середине 60-х годов[5], в 1964 г. на IV Уральском Археологическом совещании в г. Перми А.Х. Пшеничнюк выступает с докладом «О периодизации кара-абызских памятников», опубликованным затем в виде статьи. Основная идея автора – выделение трех хронологических групп кара-абызских погребений, соответствующих «определенным этапам жизни кара-абызских племен: 1) V–IV вв. до н.э.; 2) IV–II вв. до н.э.; 3) II в. до н.э. – I в. н.э.» (Пшеничнюк, 1967, с. 158).

Сопоставляя материалы первого этапа кара-абызских памятников с ананьинскими, между которыми, по мнению автора, не обнаруживается существенных различий, А.Х. Пшеничнюк предлагает ранние кара-абызские памятники первого этапа относить к ананьинской культуре. Что касается второго и третьего этапов, то они выделены в самостоятельную кара-абызскую культуру, т.к. большие различия в материалах кара-абызских и пьяноборских могильников не позволяют кара-абызские памятники этих этапов причислять к пьяноборской культуре. Видимо, как считает исследователь, в IV–III вв. до н.э. единая ананьинская культурная общность распадается на ряд самостоятельных культур: пьяноборскую в Нижнем Прикамье, гляденовскую в Среднем Прикамье и кара-

[5] Уфимский, по ул. Трактовой в г.Уфе, Новый Уфимский, Галановский, Биктимировские I–III (всего 146 погребений).

абызскую в среднем течении р. Белая (там же, с. 169).

Одновременно начинаются исследования Шиповского курганно-грунтового могильника, расположенного от Охлебининского в 12-ти км ниже по течению р. Белой. Они продолжались на протяжении трех полевых сезонов начиная с 1965 г.[6] На памятнике тогда были выявлены две группы погребений: подкурганные (вскрыто 7 курганов с 25 погребениями) и грунтовые (77 погребений). Первые исследователь датировал IV–III вв. до н.э., вторые – I–II вв. н.э. (Пшеничнюк, 1968, с. 107 и сл.).

Собранные в 1962–1967 годах А.Х. Пшеничнюком материалы вылились в кандидатскую диссертацию на тему «Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура)», защищенную в Ученом совете секции археологии и этнографии исторического факультета МГУ в 1968 г.

Источниковую базу диссертации составили материалы 8 могильников (в общей сложности 338 погребений), из которых 5 были исследованы самим автором, и 15 поселений, из которых на 6-ти А.Х. Пшеничнюк проводил раскопки. По сути, на защиту выдвигалась история кара-абызских племен, поскольку своей задачей автор ставил «дать всестороннюю характеристику материальной культуры кара-абызских памятников, показать их своеобразие, уточнить хронологию и периодизацию и на этой основе попытаться проследить историю развития кара-абызских племен, их происхождение, хозяйство, этнокультурную принадлежность, связи с соседними племенами». Соответственно была построена и структура работы, состоящей из 5 глав: I. Могильники и их периодизация; II. Поселения; III. Хозяйство и общественный строй; IV. Происхождение и развитие кара-абызской культуры; V. К вопросу о культурной и этнической принадлежности кара-абызских памятников (Пшеничнюк, 1968 а).

Содержание первой главы диссертации в основном составляет периодизация кара-абызской культуры, во второй главе автор дает характеристику кара-абызских поселений, выделяя такие их специфические черты, как большие площади, мощный культурный слой с зольными прослойками, богато насыщенный керамикой и костями животных. Но в основном она посвящена типологии керамики, среди которой А.Х. Пшеничнюк выделяет 4 группы или комплекса: собственно кара-абызскую, позднеананьинскую, гафурийскую и убаларскую. Первые две из перечисленных групп автор трактует как результат прямого развития ананьинской керамики, а появление на поселениях гафурийской и убаларской керамики объясняет культурными и этническими контактами кара-абызцев с «гафурийско-убаларскими племенами».

Рассматривая вопрос о происхождении кара-абызской культуры (глава IV), А.Х. Пшеничнюк доказывает, что она формировалась на базе двух компонентов: местного (бельский вариант ананьинской культуры) и пришлого (гафурийские племена), при ведущей роли ананьинского населе-

[6] Они продолжались и позже, но в контексте темы нашей статьи мы упоминаем только первые три сезона раскопок. Полностью материал раскопок Шиповского могильника был автором опубликован в 1976 г. (Пшеничнюк, 1976).

ния. Толчком к этому процессу явился распад в IV–III вв. до н.э. единой ананьинской культуры, вследствие чего в устье р. Белой формируется пьяноборская культура, в Верхнем Прикамье – гляденовская, по правобережью Средней Белой – кара-абызская. На последнюю в указанное время сильное влияние оказали пришлые из Зауралья или Северного Казахстана племена («гафурийцы»), что наглядно иллюстрируется материалом ранних погребений Шиповского могильника.

Пятая глава диссертации посвящена обоснованию самостоятельности кара-абызской культуры. Здесь А.Х. Пшеничнюк на первое место ставит археологически фиксируемые различия в ассортименте вещевого инвентаря из погребений и в погребальном обряде (в кара-абызских погребениях, в отличие от пьяноборских, часто встречаются кости животных и глиняные сосуды) и размерах могильных ям. Выявленные различия пьяноборской и кара-абызской культур автору представляются достаточно существенными для того, чтобы рассматривать их как самостоятельные культуры, вместе с гляденовской составлявшие единую камскую культурную общность.

В заключении своего исследования А.Х. Пшеничнюк предлагает свою интерпретацию этнической принадлежности носителей кара-абызской культуры. Суть его построения заключается в следующем: поскольку общепринято считать, что племена ананьинской культуры легли в основу формирования позднейших финно-пермских народов, следовательно «ананьинцы» говорили на пермских языках финно-угорской языковой общности. Видимо, не являлись исключением и племена бельского варианта ананьинской культуры. Пришлые гафурийские племена являлись, скорее всего, угорскими. На это, в частности, указывает типологическое сходство гафурийской керамики с керамикой зауральской гороховской культуры (угорской, по К.В. Сальникову), а также нахождение в ряде погребений Охлебининского могильника костей зайца и птицы – основных персонажей в мифологии обских угров. Отсюда следует закономерный вывод о том, что «население же кара-абызской культуры было смешанным: основу его составляли финно-пермские племена, потомки ананьинцев, значителен был компонент пришлого, вероятно, угорского населения».

В 1973 г. диссертация А.Х. Пшеничнюка была опубликована в виде монографической статьи, тем самым завершился начальный этап целенаправленного изучения финно-угорской археологии в Южном Приуралье (Пшеничнюк, 1973).

Одним из вопросов, поднимаемых А.Х. Пшеничнюком в диссертации, был вопрос об исторических судьбах носителей кара-абызской культуры. В более узком смысле – вопрос о генетической преемственности кара-абызских и следующих за ними по времени бахмутинских племен. В решении этого вопроса исследователь полемизирует с Н.А. Мажитовым, исследовавшим в начале 1960-х годов памятники бахмутинской культуры и в 1963 году защитившим диссертацию на данную тему (Мажитов, 1963).

Источниковую базу его работы составили 205 погребений Бирского II могильника (1958–1960 и 1962 гг.), 19 погребений Каратамакского могильника (1959 г.), 14 по-

гребений Бахмутинского могильника (1960 г.) (Мажитов, 1968, с. 10, 19, 21). Основным вопросом, интересовавшим Н.А. Мажитова, являлся вопрос о происхождении бахмутинской культуры. Совершенно логично, что к его решению исследователь подходит через призму генетической связи ранних бахмутинских памятников с предшествующими пьяноборскими. К последним Н.А. Мажитов относит и памятники конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. в Центральной Башкирии, включая и I–III Уфимские могильники, отнесенные А.Х. Пшеничнюком к кара-абызской культуре (там же, с. 53 и сл.). Исследователь не соглашается с такой интерпретацией «бельских» памятников, считая, что, во-первых, хронологические различия между «бельскими» (кара-абызскими) могильниками и пьяноборскими могильниками Прикамья (последние – позже) дают основания «совсем иначе смотреть на вопрос об их этнокультурной принадлежности»; во-вторых, специфические (по А.Х. Пшеничнюку) элементы материальной культуры «бельских» племен – зооморфные подвески и поясные накладки – являются результатом культурного влияния сарматов на население бассейна р. Белой; в-третьих, все остальные признаки погребального обряда «бельских» племен мало чем отличаются от ананьинских и пьяноборских памятников Прикамья и Башкирии. Все это, как считает Н.А. Мажитов, дает основание считать, «что бельские могильники отражают главным образом переходный период от ананьинской культуры к пьяноборской» и соответственно бельские памятники III–II вв. до н.э. «лучше всего назвать ранним этапом (кара-абызским) единой пьяноборской культуры, а бельские памятники как раньше, так и позднее

(II в. до н.э. – I в. н.э.), рассматривать в качестве одного из ее локальных вариантов» (там же, с. 55 и сл.).

Соответственно, по мнению Н.А. Мажитова, территория пьяноборской культуры «не ограничивалась только Средней Камой, небольшим районом вокруг устья р. Белой, а охватывала всю Северную Башкирию до широты среднего течения р. Белой (отрезок Уфа – Стерлитамак)». А это заключение напрямую подводит к проблеме генетической преемственности пьяноборских и раннебахмутинских памятников. Эту преемственность исследователь прослеживает в погребальном обряде пьяноборских и раннебахмутинских могильников (в число первых он включает и Охлебининский могильник), типах украшений (серьги-подвески, поясные накладки, бляхи-зеркала) и типах и орнаментике керамики (круглодонные открытые чаши и широкогорлые сосуды, украшенные оттисками круглых ямок).

Через призму генетической связи пьяноборско-кара-абызских (по Н.А. Мажитову) и раннебахмутинских племен решает исследователь и проблему этнической принадлежности носителей бахмутинской культуры. Здесь особое внимание обращают на себя два аспекта: финно-угорская принадлежность «пьяноборско-кара-абызских» племен и этнокультурная близость «бахмутинцев» с древними мадьярами-венграми. Первый аспект Н.А. Мажитов рассматривает традиционно, считая, что носители ананьинско-пьяноборской культуры «являются древнейшими предками

современных народов коми, удмуртов, входивших в пермскую группу финно-угорской языковой системы». Правда, этот тезис исследователь дополняет рассуждением о том, что территория Башкирии являлась одним из основных центров пьяноборской культуры, носители которой, в свою очередь, в языковом отношении представляли собой смешанное образование, в котором наряду с основными финно-пермскими могли находиться племена, говорившие на древнем угорском языке. В этих угроязычных племенах он видит носителей караабызско-пьяноборской культуры (там же, с. 82 и сл.).

Генетическая связь последних с носителями бахмутинской культуры предполагает угроязычность и «бахмутинцев». Сходство культуры бахмутинских племен с культурой угров Западной Сибири и древних венгров – зооморфные подвески, наборные пояса с подвесками – верхняя дата бахмутинской культуры (рубеж VII–VIII вв.) и территориальное совпадение «с легендарной страной «Великая Венгрия», по мнению Н.А. Мажитова, не могут быть случайными и свидетельствуют об этнической общности «бахмутинцев» с древними венграми (там же, с. 78).

Таким образом, к концу 60-х годов XX столетия в южноуральской археологии, благодаря работам А.Х. Пшеничнюка и Н.А. Мажитова, Башкирское Приуралье в его лесной части совершенно определенно выступает как часть ареала финно-угорских племен, беспрерывно занимавших данную территорию в течение тысячелетия – с середины I тыс. до н.э. до рубежа VII–VIII вв. н.э.

После работ А.Х. Пшеничнюка и Н.А. Мажитова до середины 1970-х годов тема археологии оседлых племен Приуралья эпохи раннего железного века археологами ИИЯЛ БФ АН СССР практически не разрабатывалась, хотя новый материал поступал и частично публиковался (Пшеничнюк, 1976). Но в 1973 г. младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Б.Б. Агеев поступает в аспирантуру ИА АН СССР с темой «Пьяноборская культура». В статьях, подготовленных и опубликованных за время обучения в аспирантуре, исследователь основное внимание обращал на проблему реконструкции социальной структуры пьяноборского общества и хронологии пьяноборских могильников (Агеев, 1976; 1976а; 1979; 1981).

Материалы и выводы указанных статей легли в основу кандидатской диссертации Б.Б. Агеева на тему «Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя)», защищенной в ИА АН СССР в 1983 году (Агеев, 1983).

Она была опубликована в виде монографии в 1992 году под тем же названием. Структура ее была полностью сохранена, но четыре главы диссертации были дополнены пятой главой, посвященной происхождению и исторической судьбе пьяноборской культуры. Данную проблему автор решает в контексте дальнейшего развития точки зрения В.Ф. Генинга о генетической преемственности ананьинской и пьяноборской культур. Одним из весомых доводов в пользу этой преемственности Б.Б. Агеев считает наличие в низовьях р. Белой городищ с ананьинско-пья-

ноборскими культурными слоями – Зуево-Ключевского I, Ныргында II, Юлдашевского, Какры-Куль, Уяндыкского, Аначевского и Серенькино, расположенных в непосредственной близости от ранних пьяноборских могильников – Уяндыкского I, Кушулевского III, Юлдашевского. Эти данные и отсутствие в низовьях Камы могильников IV–III вв. до н.э. свидетельствуют, по мнению автора, о том, «что пьяноборская культура не имеет истоков на Нижней Каме и вряд ли можно говорить о преемственности пьяноборья и нижнекамского варианта ананьина» (Агеев, 1992, с. 104).

Одним из основных компонентов в сложении пьяноборской культуры Б.Б. Агеев считал раннекара-абызское население центральной Башкирии. На это указывают материалы поселений (керамика, орнаментированная ямками) и типы бронзовых украшений: кольцевые и восьмеркообразные височные подвески, подвески со спиральными трубицами, гривны, браслеты и различные бляшки. Развивая точку зрения А.Х. Пшеничнюка о генезисе кара-абызской культуры как о результате синтеза ананьинских племен средней Белой и пришлых племен – носителей керамики гафурийского типа – Б.Б. Агеев считает, что «часть местного населения, не участвовавшего в формировании кара-абызской культуры и оттесненного к северу, послужила основой пьяноборской культуры». Причем основой решающей (там же, с. 105 и сл.).

Дальнейшая историческая судьба пьяноборской культуры, по мнению автора, была связана с появлением в Приуралье в IV в. н.э. значительной группы пришлого населения, оставившего курганные могильники Бродовского, Верх-Саинского, Харинского типа, которое расчленило пьяноборский союз племен на две части. Часть пьяноборского населения мигрировала в Волго-Вятское междуречье и создало там памятники азелинской культуры. В Прикамье в результате этнокультурного взаимодействия пьяноборских и кара-абызских племен складывается мазунинская культура (там же, с. 108).

Примерно в то же самое время автор этих строк, поступивший на работу в сектор археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР в 1976 г., проводит исследования памятников курмантауской и ананьинской культур. В 1976 г. мною было опубликовано несколько статей, в которых рассматривается проблема генетической связи ананьинской культуры с курмантауской, пересматривается хронология курмантауских памятников на основании новых материалов с опорного памятника этой культуры – стоянки им. М. Касьянова, исследования которой были возобновлены И.Б. Васильевым в 1975–1976 гг., выдвинута своя версия формирования кара-абызской культуры как следствие миграции в среднее течение р. Белой племен нижнекамского варианта ананьинской общности (Иванов, 1976; 1976а; 1977).

Эти статьи также легли в основу кандидатской диссертации автора на тему «Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху», защищенной в ИА АН СССР в декабре 1978 г. Основная цель исследования – выделить, с применением современных методов обработки материала, в бассейне р. Белой памятники ананьинской общности и выяснить как механизм их генезиса, так и характер

контактов их создателей с соседними синхронными этнокультурными образованиями. Автор ставит перед собой задачи: 1) анализ керамики с поселений бассейна р. Белой предаманьинского и аманьинского времени; 2) очертить хронологические, территориальные и морфологические границы «бельского варианта аманьинской культуры»; 3) методом сопоставлений выяснить роль населения соседних районов Волго-Камья в формировании этнической карты лесной полосы Башкирского Приуралья (Иванов, 1978).

1980–1990-е годы в башкирской археологии были временем последовательного «размывания» финно-угорской проблематики в трудах Н.А. Мажитова и противостояния этому процессу со стороны автора данной статьи. Концепция ранней (начиная с середины I тыс. н.э.) тюркизации Южноуральского региона (читай: формирования здесь древнебашкирского этноса) сложилась у Н.А. Мажитова уже к середине 1970-х годов, поэтому все его работы последующих лет подчинены обоснованию тюркской (древнебашкирской) этнической принадлежности археологических культур Южного Урала эпохи средневековья – турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской. В своем законченном и в последующем неизменном виде это концепция была изложена автором в монографии, вышедшей в 1977 г. Суммируя взгляды коллег на проблему формирования этнического состава населения Южного Урала, он выделяет «одну общую линию», заключающуюся в том, что «разноязычные и разнокультурные племена Южного Урала V–VIII вв. составили субстрат, на базе которого в следующих веках шел процесс этнической консолидации башкир» (Мажитов, 1977, с. 175 и сл.)[7]. Именно этот тезис, который на тогдашнем уровне развития археологии в равной степени трудно было как подтвердить, так и опровергнуть, явился объектом корректировок со стороны автора монографии. Свои критические инновации Н.А. Мажитов строит на двух, не связанных между собой, посылках: единстве башкирского языка, свидетельствующем, по его мнению, об этнической монолитности населения региона в конце I и начале II тыс. н.э., и предлагаемой им новой датировке археологических памятников и культур Южного Урала эпохи средневековья.

Местными для Южного Урала автор считает две культуры эпохи средневековья: бахмутинскую (под которой он подразумевает и выделенную В.Ф. Генингом мазунинскую культуру в Прикамье), сложившуюся, по его мнению, «как результат смешения местных пьяноборско-кара-абызских племен **финно-угорского происхождения** (выделено мной. – *В.И.*) с пришельцами из степей Южной Сибири. В последних В.А. Могильников склонен видеть тюрков-угров» (там же, с. 178); и турбаслинскую, в которой «роль местной подосновы сыграли кочевые племена южноуральских степей». В этническом отношении носители последней представляются автору потомками саков-усуней,

[7] Тезис, который сейчас «красной нитью» проходит через содержание I тома «Истории башкирского народа»: кто бы и когда бы ни жил на территории современного Башкортостана в эпоху древности, все они так или иначе «наследили» в башкирском этногенезе.

господствовавших в южных степях в эпоху ранних кочевников. На этом основании строится предположение Н.А. Мажитова о тюркоязычности всего турбаслинского населения. Что касается этнической принадлежности «турбаслинцев», то автору представляется «весьма привлекательной» идея В.Ф. Генинга «о возможном прямом отношении их к буртасам» (там же, с. 179).

К числу пришлых этнических групп в Западном Приуралье в VII–VIII вв. Н.А. Мажитов относит носителей керамики кушнаренковской и кара-якуповской групп, считая их пришельцами из южносибирских степей, входящими вместе с носителями бакальской культуры Западной Сибири в одну этнокультурную общность (там же, с. 179 и сл.).

Далее следует специфический, хотя уже и для того времени достаточно наивный пассаж, имеющий цель подвести читателя к конечному выводу о том, «что кушнаренковско-кара-якуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале» (там же, с. 183): памятники кара-якуповской культуры – курганы Ямаши-Тау, I и II Бекешевские, Лагеревские, могильники Чишминский и Больше-Тиганский, датированные им IX–X вв., Н.А. Мажитов на основании многочисленных находок в погребениях поясных наборов «тюркских типов» вначале (в виде допуска) связывает их с тюрками, изображенными на каменных статуях, а затем доказывает и до него никем не оспариваемое их родство с памятниками кушнаренковско-кара-якуповского типа VII–VIII вв. Из чего делает вывод о том, что «кушнаренковцы» и «кара-якуповцы» – тоже тюрки (башкиры) (там же, с. 181).

В вопросе о месте и роли древнемадьярского компонента в этнической карте Южного Урала и Приуралья эпохи средневековья автор уже солидарен с позицией Р.Г. Кузеева[8], отказываясь от своего раннего предположения «о возможных связях бахмутинцев с древними мадьярами» (там же, с. 183).

В сжатом и более «археологизированном» виде концепция этнокультурной истории Южного Урала изложена Н.А. Мажитовым в статьях, вошедших в том «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М.,1981) многотомной серии «Археология СССР». Следуя заданной редколлегией серии схеме, автор основное внимание уделяет описанию археологических культур, относительно их этнической принадлежности ограничиваясь лишь краткими ремарками. Причем по поводу их этнической интерпретации Н.А. Мажитов в данном случае предельно осторожен и высказывается в основном в предположительном плане: «**Турбаслинская культура появилась внезапно, не имея почти никаких преемственных связей с культурой местного населения предшествующего времени. Первоначальная область расселения ее носителей до прихода сюда пока спорна** (выделено мной. – *В.И.*). Есть основания предполагать, что в формировании турбаслинской культуры активное участие принимали потомки кочевых племен более раннего времени, обитавших в южноуральских степях и известных нам под собирательным именем сармат».

[8] См.: Кузеев, 1974, с.411-413; 420 и сл.

Вторым слагающим компонентом турбаслинской культуры автор видит носителей каунчинской культуры Средней Азии, которым, как и турбаслинцам, были известны плоскодонная керамика и подкурганный обряд захоронения. «Если намечаемые сейчас генетические связи культуры турбаслинцев окажутся верными, то их можно будет рассматривать как потомков южноуральских кочевников (сармат), с одной стороны, и выходцев из степей Средней Азии (саков) – с другой» (Мажитов, 1981, с. 24 и сл.). Генетические корни бахмутинской культуры автор видит главным образом в культуре местных оседлых племенах пьяноборской культуры, но соглашается с «вполне вероятным предположением» В.Ф. Генинга о приходе в Приуралье части южносибирского населения и участии его в формировании бахмутинской культуры. Кара-якуповская культура, в которую Н.А. Мажитов «с некоторыми оговорками» объединяет памятники с керамикой кушнаренковского и кара-якуповского типов и носители которой «появляются в Западном Приуралье внезапно, где-то на рубеже VII–VIII вв.», сыграла, по его мнению, важную роль в этнической истории края. Что касается ее этнической интерпретации, то здесь автор только ссылается на мнение своих коллег о южносибирском происхождении носителей кушнаренковской и кара-якуповской керамики (там же, с. 27–28).

Основным, археологически фиксируемым этнокультурным явлением для IX–X вв. на Южном Урале было, по мнению Н.А. Мажитова, «почти полное исчезновение разницы между кара-якуповской и кушнаренковской керамикой, отчетливо проявлявшейся в более раннее время. Этот факт свидетельствует, очевидно, о слиянии двух культур или, во всяком случае, о стирании грани между ними» (Мажитов, 1981 а, с. 81). А поскольку для IX–X вв. известны уже первые письменные упоминания о башкирах, следует вполне естественный вывод о том, «что известные сейчас археологические памятники Южного Урала IX–X вв. принадлежали различным группам башкирских племен», генетически восходящим к носителям предшествующих турбаслинской и «ранней кара-якуповской» (кушнаренковской. – *В.И.*) культур. Но, как было отмечено выше, автор согласился с выводами исследователей о южносибирском происхождении носителей последней культуры, а потому он делает логический вывод о том, «**что ранние этапы истории башкир IX–X вв. связаны не с Южным Уралом, а с южносибирскими и южными (Казахстан, Средняя Азия) степями** (выделено мной. – *В.И.*). Пока остается неясным, были ли все эти племена тюрками по происхождению. В литературе имеются суждения о том, что кара-якуповские племена, в том числе носители кушнаренковской керамики, по происхождению были самодийцами или уграми». Далее Н.А. Мажитов подтверждает свое отрицание присутствия в этнической карте Южного Урала угорского (древнемадьярского) элемента, повторив свой тезис о тюркской этнической доминанте в регионе: «В то же время **широкое распространение поясных ремней тюркского стиля и перечисленные нами выше сведения письменных источников** (выделено мной. – В.И.) свидетельствуют, что в южноуральском населении того вре-

мени преобладали тюркские элементы» (Мажитов, 1981 а, с. 82).

Затем последовали долгие годы своеобразной «публикационной дуэли» между Н.А. Мажитовым и автором этих строк, основной целью которой была реконструкция этнических процессов и этнической карты Южного Урала в эпоху средневековья. Излагать ее подробно не имеет смысла – это тема отдельной историографической статьи. Достаточно сравнить две докторских диссертации – Н.А. Мажитова и автора настоящей статьи, защищенные с интервалом в четыре года, по одному и тому же периоду, на одном и том же материале, проанализированном с помощью совершенно разных методических приемов и интерпретированном диаметрально противоположно (Мажитов, 1986; Иванов, 1990).

Кульминацией этой «дуэли» явились две книги, вышедшие в один и тот же год (Мажитов, Султанова, 2009; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). В одной из них (Мажитов, Султанова) вся финно-угорская проблематика сведена к декларативному тезису о том, что кто бы[9], когда бы ни приходил на территорию Южного Урала, все они поголовно ассимилировали местных финно-угров, образуя смешанное (?) в культурном и этническом отношении население, сыгравшее важную роль (естественно!) в формировании этноса и культуры башкир. Авторы второй монографии на результатах сравнительно-типологического статистического анализа керамических и погребальных комплексов эпохи раннего железного века – средневековья показывают решающую роль носителей угорского этноса на определенных этапах этнической истории региона.

Многолетнее концептуальное противостояние Н.А. Мажитова и автора этих строк в понимании и оценке этнокультурных процессов в регионе в эпоху средневековья привело последнего к осознанию того факта, что автор и его vis-a-vis дискутируют на разных языках. И если первый старается вести дискуссию на языке современной науки[10], то его оппонент упорно изъясняется на «церковнославянском», некогда языке высокой культуры, ныне ставшим узкоспециализированным анахронизмом. Дискуссия в подобном формате смысла не имеет, о чем я и заявил в одной из своих публикаций последних лет (Иванов, 2011, с. 261).

Называя вещи своими именами, приходится констатировать: в настоящее время финно-угорская тематика в археологии Башкортостана «зависла» и не пользуется популярностью у археологов Уфы и республики в целом. А.Х. Пшеничнюк – один из зачинателей изучения древних финнов и угров Приуралья – полностью переключился на археологию ранних кочевников[11] и весьма в ней преуспел. Своими исследованиями 1970–1980-х годов он не только поднял на качественно новый уровень изучение памятников савромато-сарматского периода на Южном Урале, но и фактически создал в регионе школу археологов-«сарматоведов».

[9] А эти «кто бы» естественно, были тюрки.

[10] Здесь я позволю себе некоторую аллегорию.

[11] Начиная с 1971 г. – года начала разработки научно-исследовательской темы «Этнокультурный состав населения Южного Урала в эпоху бронзы и раннего железа» (НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 329).

Практически сразу же после защиты кандидатской диссертации на тему «Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры» в 1998 году отошел от этой темы Г.Н. Гарустович (Гарустович, 1998). В своей диссертации и предшествующих ей статьях автор аргументированно и убедительно обосновывает угорскую этнокультурную принадлежность носителей чияликской культуры – основного предмета его диссертационного исследования – и считает их потомков одним из важнейших компонентов формировании этнического облика древних башкир (там же, с. 24). Правда, если учесть, что первая половина II тыс. н.э. – это время, для которого средневековые письменные источники вполне определенно повествуют о приуральских башкирах, то после сказанного «А» мы вправе были бы ожидать от Г.Н. Гарустовича и «Б», то есть освещения роли угров-«чияликцев» в формировании этнического облика древних башкир. Тем более что по схеме Н.А. Мажитова все племена, кто когда-либо ни жил в Приуралье, начиная едва ли не с эпохи раннего железного века, поголовно ассимилировались приходившими из степи различными ответвлениями древнетюркского этноса. По логике названного автора, в X–XIV вв. (время существования чияликской культуры) в регионе древнебашкирский этнос уже сложился. Следовательно, «чияликцы» (угры) уже были башкирами? Или средневековые авторы, начиная с Ибн Фадлана, башкирами называли приуральских угров?

После серии работ середины 1990-х годов фактически отошел от рассматриваемой темы М.Ф. Обыденнов, по сути, установивший нижний хронологический горизонт древнеугорской ойкумены (межовская культура) в Приуралье (Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1997; 1998).

Аналогичным образом, но для эпохи раннего железного века, интерпретирует памятники т.н. «айского типа» в Месягутовской лесостепи Н.С. Савельев как крайний западный вариант саргатской историко-культурной общности (Савельев, 2007, с. 186).

Таким образом, выстраивая имеющиеся этнокультурные построения коллег в соответствии с существующей периодизацией древней и средневековой истории населения Южного Урала и Приуралья, мы получаем схему устойчивого присутствия, а периодами и выраженной доминанты носителей угорского и финно-пермского этносов в регионе.

I – эпоха позднего бронзового века – повсеместное распространение в Нижнем и Среднем Прикамье, Приуралье носителей межовской культуры;

II – эпоха раннего железа – «саргатцы» в Месягутовской лесостепи, на правобережье среднего течения р. Белой – «кара-абызцы», сформировавшиеся в результате переселения сюда «волжских ананьинцев» (носителей ахмыловской/акозинской культур – волжских финнов), слившихся с пришедшим сюда же из-за Урала населением с керамикой «гафурийского типа», своими корнями восходящим к культуре саргатско-гороховского (угорского) этнокультурного массива (Пшеничнюк, 1988, с. 5–9); в Среднем Прикамье и примыкающих к нему низовьях р. Белой – «ананьинцы» с «классической шнуровой» керамикой, принесенной переселенцами из Северного Приуралья и Верхнего При-

камья, а после них – «пьяноборцы» как результат возвратного переселения сюда части кара-абызского населения, испытавшего давление со стороны сарматов, начавших прибирать к своим рукам медистые месторождения западных предгорий Южного Урала (Савельев, Яблонский, 2012).

III – эпоха Великого переселения народов – формирование на пьяноборской этнокультурной основе (восточные финны) мазунинской/бахмутинской культуры в Южном Предуралье (Камско-Бельско-Уфимское междуречье) и гляденовской культуры – на основе позднего «шнурового ананьина» в Среднем Прикамье (Иванов, 2009, с. 61–68).

IV – вторая половина I – первая половина II тыс. н.э. – этнокультурная доминанта в Прикамье и Приуралье носителей угорского этноса (неволинская, ломоватовская, кушнаренковская, кара-якуповская, постпетрогромская/чияликская культуры), в Волго-Вятском регионе – восточно-финского и финно-пермского этносов (чумойтлинская, кочергинская, чепецкая культуры (Иванова, 2007, с. 249).

Таким образом, выстраивается вполне логичная, базирующаяся на результатах этнокультурной интерпретации имеющегося археологического материала схема, основным содержанием которой является стабильное присутствие в этнической карте Прикамско-Приуральского региона угров и финно-пермяков[12]. В развернутом и дополненном виде эта схема была изложена в монографии А.Н. Белавина, Н.Б. Крыласовой и автора данной статьи, вышедшей в 2009 г. (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). К нашему вящему удивлению, ответом на нее было гробовое молчание со стороны башкирских коллег, чьи идеи, собственно говоря, и были нами развиты[13]. Можно, конечно, удовлетвориться формулой, что «молчание – знак согласия». Однако выход в свет первого тома «Истории башкирского народа» (История, 2009), через содержание которого «красной нитью» проходит идея о непременном участии носителей всех без исключения археологических культур, известных на Южном Урале, начиная с эпохи бронзового века (их связь с каким-либо этносом авторы тома предусмотрительно обходят), в формировании этнического облика древних башкир, невольно вызывает ассоциации с «молчанием ягнят». И действительно: ведь ФАКТИЧЕСКИ авторы первого тома поддерживают идею Н.А. Мажитова о перманентной ассимиляции пришлым (тюркским, по Н.А. Мажитову) элементом местного приуральского населения[14]. Следова-

---

[12] Даже Н.А. Мажитов – сейчас яростный противник концепции угорского присутствия на Южном Урале – в своих ранних работах весьма настойчиво проводил идею этнического тождества «бахмутинцев» и древних угров-мадьяр. За что был критикуем коллегами (Протокол № 3 заседания сектора археологии, этнографии и искусств ИИЯЛ БФ АН СССР от 19 февраля 1963 г. См.: НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 234; Протокол № 2 заседания Сектора археологии и этнографии УИИЯЛ АН СССР от 1 февраля 1966 г. НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 273).

[13] Единственный, кто изъявил желание отозваться на данную монографию (на страницах, кстати, Finno-Ugrica), был Г.Н. Гарустович, позже по непонятным и не объясненным причинам почему-то отказавшийся от своего намерения.

[14] Мне очень трудно поверить в то, что М.Ф. Обыденнов, А.Х. Пшеничнюк,

тельно, вывод напрашивается один: финно-угорская археология, с которой, собственно говоря, в середине прошлого столетия и началась академическая археология в Башкирии, в археологической науке современного Башкортостана занимает какое-то вспомогательное место, создавая некий фон для главного – обоснования незыблемой автохтонности древних башкир. Этноса тюркского и для Южноуральского региона далеко не автохтонного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев Б.Б.* Локальные варианты пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976. – С. 5–8.

2. *Агеев Б.Б.* К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976а. – С. 9–12.

3. *Агеев Б.Б.* Погребальный обряд племен Западного Приуралья в эпоху раннего железа (реконструкция общественного строя финно-угорского населения на рубеже н.э.) // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 1979. – С. 32-36.

4. *Агеев Б.Б.* Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1981. – С. 101–109.

5. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс… канд. ист. наук. – М., 1983. – 18 с.

6. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1992. – 139 с.

7. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1977. – 262 с.

8. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.

9. *Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дис… канд. ист. наук. – Уфа, 1998. – 27 с.

10. *Иванов В.А*. Памятники типа курмантау и сложение ананьинской общности на территории Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: КГПИ, 1976. – С. 38–44.

11. *Иванов В.А.* О роли племен Зауралья и Поволжья в сложении населения Башкирии эпохи раннего ананьина // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа (препринты докладов и сообщений). – Уфа: БФАН, 1976а. – С. 30–32.

Ю.А. Морозов, В.В. Овсянников, Н.С. Савельев, В.К. Федоров, С.Э. Зубов, Е.А. Круглов, С.Г. Боталов и другие авторы настолько наивны, что искренне верят в одинаково поголовное участие приуральских индо-европейцев (срубная культура, сарматы), угров («межовцы», «ананьинцы», «гафурийцы»), восточных финнов («караабызцы», «пьяноборцы») в формировании древнебашкирского этноса. Но даже если они в это и верят, сама логика написания подобных исследований требует, чтобы подобные заключения иллюстрировались конкретным материалом, а не просто декларировались.

12. *Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: КГПИ, 1977. – С. 94–102.

13. *Иванов В.А.* Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дис… канд. ист. наук. – М, 1978. – 27 с.

14. *Иванов В.А.* Этнокультурные процессы на Южном Урале и в Приуралье в VII–XIV вв. Автореф. дис…. докт. ист. наук. – М., 1990. – 45 с.

15. *Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып.VI. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С. 61–68.

16. *Иванов В.А.* Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир // Актуальные проблемы исторической науки. Сборник научных трудов первых международных Усмановских чтений. – Уфа: Гилем, 2011. – С. 257–261.

17. *Иванова М.Г.* Эпоха развитого Средневековья (конец IX–XIII в.) // История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ, 2007. – С. 248–289.

18. История башкирского народа. В семи томах. – Т. I. – М.: Наука, 2009. – 400 с.

19. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 571 с.

20. *Мажитов Н.А.* Археологические исследования в северных районах Башкирии в 1957 г. / Архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 1. – № 224.

21. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 1963. – 26 с.

22. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 161 с.

23. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 262 с.

24. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 23–29. – С. 23–29.

25. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в IX – начале X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 80–82.

26. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. Автореф. дис... доктора ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 53 с.

27. *Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. – Т. III. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1968. – С. 38–58.

28. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана. Древность, средневековье. – Уфа: Изд-во «Китап» им. Зайнаб Биишевой, 2009. – 492 с.

29. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Уральский университет, 1995. – 196 с.

30. *Обыденнов М.Ф.* У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа: Восточный университет, 1997. – 202 с.

31. *Обыденнов М.Ф.* Межовская культура. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 116 с.

32. *Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. – Т. II. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1964. – С. 215–231.

33. *Пшеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. – Т. II. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1964а. – С. 93–100.

34. *Пшеничнюк А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // Ученые записки Пермского государственного университета. – № 148. – Пермь: Пермский университет, 1967. – С. 156–170.

35. *Пшеничнюк А.Х.* Работы в центральной и северной Башкирии // АО 1967 года. – М.: Наука, 1968. – С. 107–108.

36. *Пшеничнюк А.Х.* Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (Кара-абызская культура). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1968а. – 19 с.

37. *Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. – Т. V. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1973. – С. 162–243.

38. *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976. – С. 35–131.

39. *Пшеничнюк А.Х.* Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ БНЦ, 1988. – С. 5–9.

40. *Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. – Уфа: Гилем, 2007. – 256 с.

41. *Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. – Казань: Отечество, 2014. – С. 478–504.

42. *Усманов Х.Ф.* Институту истории, языка и литературы – 50 лет // В научном поиске. К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – С. 6–35.

43. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР / Научный архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – № 310.

44. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. – С. 58–96.

45. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Отчет по теме за 1953-1956 гг. / Научный архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – № 272.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@rambler.ru

FINNO-UGRIC THEMES IN CONTEMPORARY ARCHAEOLOGY OF BASHKORTOSTAN[15]

V.A. Ivanov

The history of the Finno-Ugric theme studies in Bashkortostan archaeology starting the mid-20th century to the present is considered in the article. The dynamics of its development (a priority trend in the 1950-70s has been reduced to secondary importance in the early 21st century) is demonstrated. A review of historiography (literature and archival sources) shows that systematic archaeological research in the territory of the Bashkir Autonomous Soviet Republic had started in the 1950s on the sites, which were initially interpreted as Finno- Ugrian

Supported by the RSFH. Project on "The problem of the Ugro-Magyars proto-origin and the Ugrian component in the medieval archaeological cultures of the Cis-Urals." № 13-11-59007.

ones. The Bakhmutino culture of the early Middle Ages distinguished by N.A. Mazhitov in the '50s was connected by him with the ancient Ugro-Magyars, while the Qara-Abyz culture of the Early Iron Age, singled out by A.Kh. Pshenichnyuk, was attributed by N.A. Mazhitov to the Finno-Ugrians. Thus, in the late-1960s, the Finno-Urgic ethno-cultural dominance during the Early Iron Age to the Middle Ages became generally accepted. In the mid-70s, N.A. Mazhitov proposed a concept of early Turkization of the South Urals (in the mid-1st millennium AD). All the cultures of the 1st millennium AD were correspondingly attributed by him as ancient Bashkir ones. Since then, the polemic between N.A. Mazhitov and the author of the present article concerning the role of the Finns and the Ugrians in the formation of ethnic map of the region has been going on. The author concludes that as a result of this polemic, the interest of Ufa-based archaeologists in the Finno-Ugric themes has reduced and at present occupies just a a secondary place in the archaeology of Bashkortostan. At the same time, the interest in the history and archaeology of the early and medieval nomads is growing.

Keywords: archaeology, South Urals region, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, the Finno-Permians, the Ugrians, the Ananyino culture, the Qara-Abyz culture, the Bakhmutino culture, the Bashkirs, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1976. In *Novye materialy i issledovaniia po istorii i filologii Bashkirii (Recent Materials and Research on the History and Philology of Bashkortostan)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 5–8 (in Russian).

2. Ageev, B. B. 1976. In *Novye materialy i issledovaniia po istorii i filologii Bashkirii (Recent Materials and Research on the History and Philology of Bashkortostan)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 9–12 (in Russian).

3. Ageev, B. B. 1979. In *Voprosy finno-ugrovedeniia: Tezisy dokladov na XVI Vsesoiuznoi konferentsii finno-ugrovedov (Problems of Finno-Ugric Studies. Summaries of Contributions at the 16th All-Union Conference of the Finno-Ugric Studies)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 32-36 (in Russian).

4. Ageev, B. B. 1981. In *Materialy po khoziaistvu i obshchestvennomu stroiu plemen Iuzhnogo Urala (Materials on the Economy and Social Order of the Southern Urals Tribes)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 101–109 (in Russian).

5. Ageev, B. B. 1983. *P'ianoborskaia kul'tura (voprosy khronologii i obshchestvennogo stroia) (The Pyany Bor Culture: issues of chronology and social system)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

6. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature (in Russian).

7. *Arkheologicheskaia, karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. 1977. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

9. Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoi lesostepi v pervoi polovine II tysiacheletiia nashei ery (Population of the Volga-Ural Forest-steppe in the First Half of the II Millennium AD)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).

10. Ivanov, V. A. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Issues of Archaeology of the Volga River region and the Cis-Urals)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 38–44 (in Russian).

11. Ivanov, V. A. 1976. In *Etnokul'turnye sviazi naseleniia Urala i Povolzh'ia s Sibir'iu, Srednei Aziei i Kazakhstanom v epokhu zheleza (preprinty dokladov i soobshchenii) (Ethnocultural Ties of the Population of the Urals and Volga River Region with Siberia, Central Asia and Kazakhstan during the Iron Age (preprints of papers and communications))*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 30–32 (in Russian).

12. Ivanov, V. A. 1977. In *Neolit i bronzovyi vek Povolzh'ia i Priural'ia (Neolithic and Bronze Age of Volga and Urals Regions)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 94–102 (in Russian).

13. Ivanov, V. A. 1978. *Naselenie Nizhnei i Srednei reki Beloi v anan'inskuiu epokhu (Population of the Lower and Middle Belaya River in the Ananyino era)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

14. Ivanov, V. A. 1990. *Etnokul'turnye protsessy na Iuzhnom Urale i v Priural'e v VII–XIV vv. (Ethno-cultural Processes in the South Urals and the Cis-Urals in the 7th – 14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).

15. Ivanov, V. A. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm: Perm State Pedagogical University, 61–68 (in Russian).

16. Ivanov, V. A. 2011. In *Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki. Sbornik nauchnykh trudov pervykh mezhdunarodnykh Usmanovskikh chtenii (Actual Problems of Historical Science. Collected Papers of the 1st Usmanov's International Readings)*. Ufa: Gilem, 257–261 (in Russian).

17. Ivanova, M. G. 2007. In *Istoriia Udmurtii. S drevneishikh vremen do XV veka (History of Udmurtia. From ancient times to the 15th century)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language and Literature, 248–289 (in Russian).

18. Istoriia, bashkirskogo naroda. V semi tomakh (History of the Bashkir people. In seven volumes) I. 2009. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Kuzeev, R. G. 1974. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda (Origin of Bashkirs)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Mazhitov, N. A. 1957. *Arkheologicheskie issledovaniia v severnykh raionakh Bashkirii v 1957 g. (Archaeological Research in the Northern Regions of Bashkortostan in 1957)*. Arkhiv UNTs RAN. F. 3. Op. 1. № 224 (in Russian).

21. Mazhitov, N. A. 1963. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).

22. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

23. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th – 14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Mazhitov, N. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 23–29 (in Russian).

25. Mazhitov, N. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 80–82 (in Russian).

26. Mazhitov, N. A. 1986. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th – 14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).

27. Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 38–58 (in Russian).

28. Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 2009. *Istoriia Bashkortostana. Drevnost', srednevekov'e (History of Bashkortostan. Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Kitap" Publ. named after Zaynab Biisheva (in Russian).

29. Obydennov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (chirkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of Ural (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

30. Obydennov, M. F. 1997. *U istokov ural'skikh narodov: ekonomika, kul'tura, iskusstvo, etnogenez (The Origins of the Uralic Peoples: Economy, Culture, Art, Ethnic Genesis)*. Ufa: Eastern University (in Russian).

31. Obydennov, M. F. 1998. *Mezhovskaia kul'tura (The Mezhovka Culture)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

32. Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 215–231 (in Russian).

33. Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 93–100 (in Russian).

34. Pshenichniuk, A. Kh. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 156–170 (in Russian).

35. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 goda (Archaeological Discoveries in 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107–108 (in Russian).

36. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. *Naselenie tsentral'noi Bashkirii na rubezhe nashei ery (Kara-abyzskaia kul'tura) (Population of Central Part of Bashkiria at the Turn of Erae (the Kara-Abyz Culture))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

37. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 162–243 (in Russian).

38. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 35–131 (in Russian).

39. Pshenichniuk, A. Kh. 1988. In *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the South Urals)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Scientific Center, Institute for History, Language and Literature, 5–9 (in Russian).

40. Savel'ev, N. S. 2007. *Mesiagutovskaia lesostep' v epokhu rannego zheleza (Mesyagutovo Forest-steppe in the Early Iron Age)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

41. Savel'ev, N. S., Iablonskii, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino:*

Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

42. Usmanov, Kh. F. 1982. In *V nauchnom poiske. K 50-letiiu Instituta istorii, iazyka i literatury Bashkirskogo filiala AN SSSR (In the Scientific Search: on the 50th anniversary of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR)*. Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 6–35 (in Russian).

43. Yusupov, G. V., s. a. *Drevneishie poseleniia Gafuriiskogo raiona BASSR (The Oldest Settlements in Gafuriyskiy District of Bashkir ASSR)*. Scientific Archives of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2, no. 310 (in Russian).

44. Yusupov, G. V. 1959. In *Bashkirskii arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collected Papers)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch, Institute for History, Language and Literature, 58–96 (in Russian).

45. Yusupov, G. V., s. a. *Drevneishie poseleniia Gafuriiskogo raiona BASSR. Otchet po teme za 1953–1956 gg. (The Oldest Settlements in Gafuriyskiy District of Bashkir ASSR. A report on the subject for the 1953–1956*). Scientific Archives of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2, no. 272 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@rambler.ru

УДК 902

МОГИЛЬНИК СТЁКСОВО II

© 2014 г. В.Н. Мартьянов, А.Л. Егошин

Статья посвящена результатам многолетних (1990–2010 гг.) раскопок древнемордовского могильника Стексово II. Могильник функционировал с III по XIII вв. н.э. Исследованиями были выявлены несколько сотен погребений, давшие представление о богатстве вещевого материала и разнообразии погребальной обрядности населения, оставившего могильник. Для I тыс. н.э. характерен биритуализм, для XI–XIII вв. – ингумации, встречаются захоронения лошадей. Материалы могильника позволяют по-новому взглянуть на этапы этногенеза древней мордвы. В целом он принадлежит мордве-эрзе, но в ранних погребениях прослеживается сочетание эрзянских и мокшанских древностей. В статье рассмотрены наиболее важные для определения хронологии могильника вещевые комплексы, приведены статистические данные, характеризующие погребальные традиции.

Ключевые слова: археология, бассейн Оки, средневековье, древняя мордва, могильник, погребальный инвентарь, погребальный обряд, этногенез, хронология.

Верховья левобережных притоков р. Тёша (правобережный приток р. Ока) богаты археологическими памятниками разных эпох. На р. Иржа,левобережном притоке Теши, располагаются, в частности, селища Стуклово I–III, Ивановское I, II, Стексово I, Виноградовка I, Погибловское, Хохловское и Надёжинское городища, грунтовые могильники Погибловский (Малиновский), Хохловский, Стексово II Сыресево I, Стексовский курганный и, возможно, могильники около сел Булдаково и Большое Туманово.

Данные об археологических памятниках около с. Стексово Ардатовского района Нижегородской области приводит П.Д. Степанов (Степанов, 1962). В историко-художественном музее г. Арзамаса хранится коллекция вещей из разрушенных погребений, которая была передана в музей директором школы из с. Слизнево Арзамасского района К.И. Барановым в 1975 г. В коллекции имеются фрагменты удил с бронзовыми подвижными плоскими кольцами, которые В.В. Гришаков датирует III в. по материалам Усть-Узинского 2 могильника (Гришаков, 2008, рис. 11: 5), височная привеска с бипирамидальным грузиком, фрагменты дисковидной бляхи с двумя зонами орнамента, многочисленные подвески и пряжки от украшений пояса, ног и другие вещи, датируемые временем не позже IV в. (рис. 2).

Сведения о памятниках были проверены в 1989 г. (Мартьянов, 2000). Значимая информация о могильниках была получена от местного преподавателя В.М. Мельника. Курганный могильник, содержащий 7 насыпей различной сохранности, располагается к югу от больницы с. Стексово вдоль дороги в с. Кологреево. Грунтовой могильник Стексово II (Ардатовский район Нижегородской области) находится на высоком левом берегу р. Иржа в 0,4 км к юго-востоку от восточной оконечности села (местное

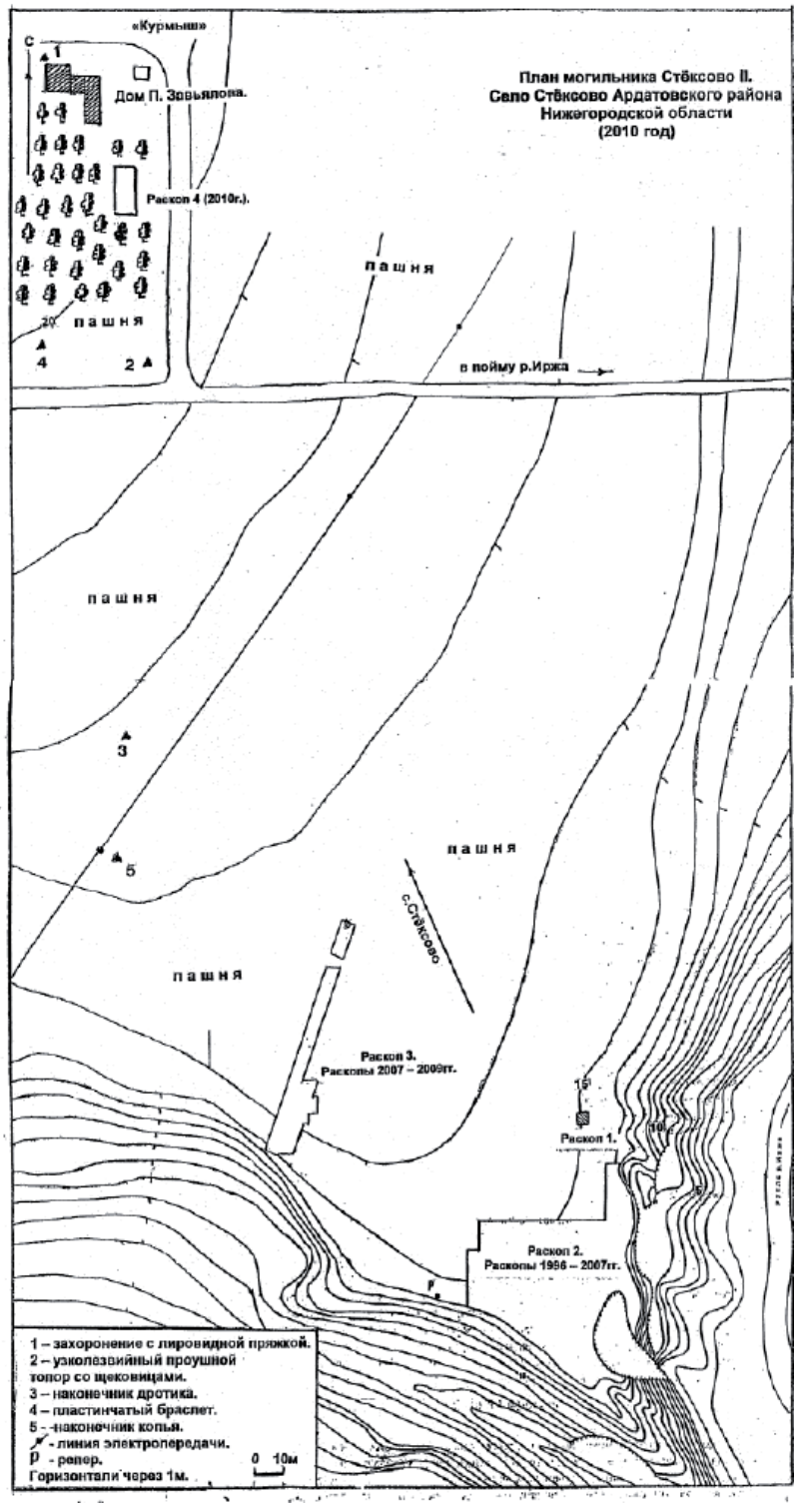

Рис. 1. План могильника Стёксово II.

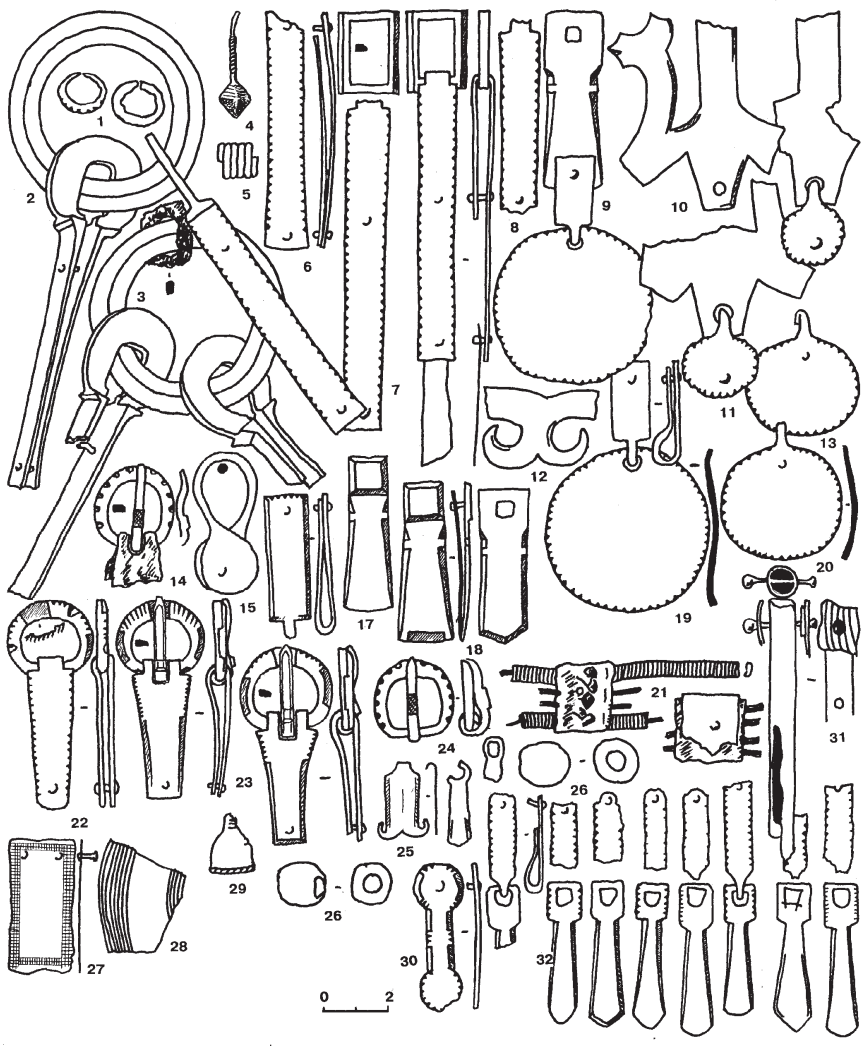

Рис. 2. Вещи из разрушенных погребений 1975 года.

название улицы – «Курмыш»). Высота берега до 15 м. С юга территория могильника ограничивается оврагом. Судя по находкам костей, фрагментов лепной керамики и рассказам жителей о находках вещей, территория могильника простирается до 150–180 м вдоль берега и до 400 м вглубь. Могильник занимает площадь не менее 9 га и охватывает значительный промежуток времени функционирования – целое тысячелетие (III–XIII вв.) (рис. 1). Берег разрушается талыми водами во время весенних половодий, выходами подземных вод. Летом р. Иржа высыхает полностью, лишь в 1998–1999 гг. в русле местами сохранялась вода в течение всего лета.

Исследование могильника начал в 1990 г. С. И. Алексеев (Марийский госуниверситет), который вскрыл три погребения (Алексеев, 1991).

С 1996 по 2010 гг. раскопки проводили В.Н. Мартьянов и А.Л. Егошин (Мартьянов, Егошин, 2010, с. 152–153).

При осмотре осыпей внизу, у самого русла реки, были найдены вещи из разрушенного погребения: фрагменты лепного горшка и бронзовые украшения.

Среди изделий из бронзы привлекают внимание две круглые бляхи диаметром 104–108 мм, украшенные по краю зубчатыми насечками. На каждой из них с противоположных сторон – по обойме трапециевидной формы для прикрепления блях к какому-то изделию из кожи, остатки которой сохранились в обоймах. Все пряжки одного типа. Форма рамки близка к кругу, сечение – почти круглое, передняя часть слегка утолщена. Язычок слегка прогнут, выступает за пределы рамки на 2 мм, у основания язычков имеются уступы и фасетки. Подвижный щиток изготовлен из согнутой вдвое пластинки, форма близка к трапециевидной. В середине, по бокам, имеются неглубокие выемки прямоугольной формы, по краям – насечки. Практически по всей длине подвесок – фасетки.

Семь полусферических бляшек диаметром 22–25 мм имеют в центре отверстие диаметром до 10 мм, одна бляшка диаметром 18 мм – без отверстия.

Две подвески сделаны из узких пластин трапециевидной формы. В широком конце сделано отверстие для подвешивания к обойме и сделаны фасетки, нижняя часть разрезана по всей длине и образовавшиеся полоски свернуты внутрь по спирали. Обоймы, с помощью которых подвески прикреплялись к коже, украшены по кругу зубчиками.

Весь комплекс вещей относится ко времени не позже IV в. Аналогии этим вещам следует искать, на наш взгляд, в кошибеевских древностях (рис. 3).

Можно было ожидать, что со временем могильник заполнялся от мыса в глубь берега. Однако ранние погребения были найдены и на мысу, и в 400 м от мыса (пп. 30, 75, 78, 114, 120, 121, 122, 226, 240, 241, 246, 257, 267 и др.). Вокруг них группировались захоронения вплоть до XIII в. Всего исследовано 267 погребений (мужские – 124, женские – 83, неопределенные – 46, одно парное погребение под двумя номерами одно парное погребение под одним номером), в том числе 11 конских захоронений.

Основным типом погребального сооружения на могильнике является простая яма с отвесными стенками и горизонтальным дном, имеющая в плане форму прямоугольника со скругленными углами. Глубина ям колеблется в пределах от 60 до 200 см. Самые глубокие характерны для ранних этапов функционирования могильника. Длина мужских могил колебалась в пределах 230–270 см, женских – в 150–210 см. Ширина мужских могил достигала 60–100 см, женских в пределах 50–80 см.

На протяжении I тыс. н. э. характерен биритуальный обряд захоронения: ингумация и кремация. Погребения с ингумацией все ограблены в древности (даже глубиной около 2,5 м), кроме двух погребений девочек с полным набором украшений IX–X вв. (пп. 179 и 214). Напротив, все погребения с кремацией не тронуты (глубиной менее 1 м). С чем это связано, сказать трудно. Можно лишь отметить, что грабители закладывали длинные траншеи перпендикулярно

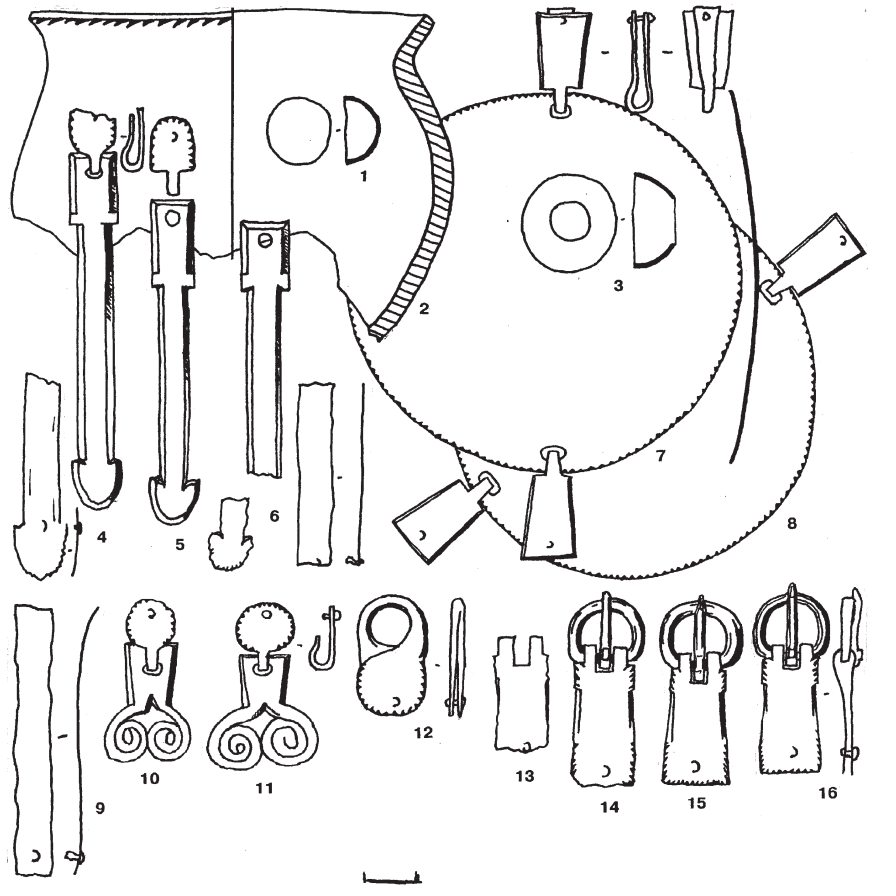

Рис. 3. Вещи из разрушенного погребения 1989 года.

линии СЗ – ЮВ. Поэтому сделать детализацию погребальной обрядности, как это сделано Ю.А. Зеленеевым (Зеленеев, 1990), не представляется возможным.

Обряд кремации в различных могильниках мордвы-эрзи в Притешье распространен неравномерно. Нами он зафиксирован в одном погребении могильника Личадеево V. На других могильниках погребения по обряду кремации пока не зафиксированы. Лишь на могильнике Стексово II 14 захоронений из 267 изученных совершены по обряду кремации (5,24%). Относятся они все ко времени не позднее начала IX в.

Из 14 захоронений по обряду кремации можно четко выделить лишь два женских. Одно из них (п. 30) с биконической височной подвеской. Преобладают мужские – 10, неопределенных – 2.

Можно выделить несколько вариантов погребального обряда, совершенного по обряду кремации.

1. Кальцинированные кости рассыпались по всей площади могильной ямы и на разной глубине, но ближе ко дну (характерно для мужских захоронений).

2. Очищенные от золы и углей кости складывались компактной массой на дне (чаще в центре могильной

ямы), вещи располагались в порядке ношения (характерно для мужских погребений).

3. Очищенные кости складывались в северо-западной половине могильной ямы, а на них укладывались головные, шейные, височные украшения, нож на поясе (женское захоронение).

Преобладающим является обряд ингумации. Умерших укладывали на лубяную подстилку (реже – на берестяную, меховую или из конских волос). Возможно, завертывали в луб или накрывали лубом. Встречаются в качестве подстилки плашки толщиной до 5 см. Куски обгоревшего дерева встретились в нескольких разрушенных погребениях. В погребении 82 вдоль одной из стенок могильной ямы сохранились фрагменты обожженных плах на высоте до 20 см. В засыпке почти всех погребений встречаются небольшие фрагменты лепных сосудов, мелкие угли, кальцинированные косточки, иногда – золистые включения, что свидетельствует о большой роли огня в погребальных обрядах.

Есть некоторые особенности в погребальном обряде мужских захоронений. Зафиксирован обряд положения жертвенного мяса в мужские погребения, как правило, в районе головы. Судя по сохранившимся костям, преобладало мясо коня (пп. 36, 42, 58, 73, 77, 83, 85, 148, 175, 185, 197, 199, 207, 257 – всего 14 погребений из 124 – 11,3%).

Лепная посуда на могильнике Стексово II встречалась и в женских, и в мужских захоронениях. 48,6% мужских захоронений, 66,0% женских и 50,0% неопределенных были совершены с одним или несколькими (чаще 2–3) сосудами. Среди посуды преобладали горшки (48%), несколько реже встречались миски (36,5%), редко – чаши, бокалы, кружки (15,5%).

Погребальный обряд женских захоронений менялся во времени. Лишь в нескольких погребениях из-за полного разрушения костяка нельзя было проследить положение умерших. Модели погребального обряда немногочисленны. Четко фиксируется на протяжении I тысячелетия только одна модель погребального обряда: умершую женщину укладывали на спину в вытянутом положении. И можно зафиксировать лишь положение рук: вытянуты вдоль туловища (чаще), на лоновой кости, на поясе.

В начале II тысячелетия умершую укладывали на правый бок с подогнутыми коленями, кистями рук у лица («в скорченном» положении). Реже ее укладывали на левый бок в скорченном положении и тоже с кистями рук у лица. Иногда на бок поворачивали лишь туловище.

На правый бок были положены 12 из 83 (погр. 11, 64, 68, 164, 71, 72, 75, 215) – 14,46%, на левый бок – 2 (№ 56, 82); всего на боку – 14 из 83 – 16,87%.

На могильнике преобладает северо-западная ориентировка в пределах от 290° до 315° (табл. 1).

Отличительной чертой погребального обряда в IX–XIII вв. является захоронение коней на общей площади могильника, чаще в общих рядах с умершими людьми. Особенностью погребального обряда коней является их противоположная ориентировка, принятая на могильнике для людей (Мартьянов, 1992, с. 53–68).

Можно выделить несколько моделей погребального обряда с конем:

1. Ритуальные захоронения отдельных предметов конского снаряжения.

Таблица 1. Ориентировка погребений

Мужские

235-240°	270-280°	290-295°	300-305°	310-315°	320-330°	340-345°	355-360°
1	3	26	35	39	16	2	2

100 из 124 – 80,4%

Женские

280°	290-295°	300-305°	310-315°	320-330°	335-340°
1	16	24	27	10	5

67 из 83 – 80,7%.

На могильнике трижды встречались в неглубоких ямках захоронения арочных стремян с двусоставными удилами со стержневидными железными псалиями и боталами.

2. Погребальный обряд отдельных конских захоронений. По составу и расположению костяков выделяются две группы погребений. К первой относятся захоронения полных туш животных, но чаще она расчленялась (вторая группа). При захоронении отдельных частей туши коня обычно в одном конце могильной ямы укладывалась на брюхо задняя часть (или только задние конечности с тазовыми костями), в противоположном конце – передняя часть, которая чаще укладывалась на правый бок. Голова укладывалась на дно могильной ямы или прислонялась к наклонной торцевой стенке, резцами чаще вниз. В погребении 109 (ориентировка 125°), череп был поставлен вертикально, резцами вниз в южный угол. Передняя часть с ребрами, но без шейных позвонков была положена на правый бок. В погребении 152 (ориентировка 280°) череп поставлен вертикально около западной стенки. В погребении 180 конь был положен головой на ЮЗ (240°). Череп был обнаружен сразу же после снятия пахотного слоя. Он находился в углублении, продлевающем ЮВ стенку. Длина углубления 54 см, ширина – 22–23 см. Шейные позвонки были прослежены около ЮВ стенки по высоте уступа до дна. Передние конечности (без черепа и шейных позвонков, частично с ребрами) имитировали положение передней части коня на левый бок. Задняя часть была положена на брюхо. Кости передних конечностей, как и череп, были частично разрушены. На одной из костей передних конечностей был надет плоский браслет с гвоздевидными концами. Такое захоронение коня найдено впервые и напоминает оно некоторые конские захоронения Безводнинского могильника (Краснов, 1980).

Хронология могильника хорошо устанавливается по инвентарю женских захоронений.

Самая ранняя дата могильника фиксируется по женскому погребению 78. Умершая была положена на спину в вытянутом положении, головой на ЗСЗ (295°). Кисти рук – на лоновой кости. В СЗ конце – лепной горшок. В районе верхней части груди лежала круглая бляха (диаметр 9 см) с круглым отверстием в центре и радиальной прорезью, с завернутыми в трубку краями и орнаментом в

виде концентрических кругов вокруг отверстия, лежавшая лицевой стороной вниз. Обойма иглы-держателя орнаментирована рядами точек вдоль края. В районе груди, до пояса – золоченые бусы диаметром до 4 мм и одна бусина цилиндрической формы из красного непрозрачного стекла, фрагмент сдвоенной (или строенной) круглой бляшки с петлей на обратной стороне. На нижней части живота лежала круглая бляха (диаметр 180 мм) с отверстием в центре и радиальной прорезью, с завернутыми в трубку краями и с орнаментом в виде концентрических кругов вокруг отверстия и по краю бляхи. Обойма иглы-держателя – без орнамента. Под бляхой, в районе пояса – кольцевая сюлгама, нож. Рядом с бляхой лежал перстень из трехгранной в сечении бронзовой проволоки в 1 оборот. На руках – бронзовые браслеты с сильно расплющенными и заходящими друг за друга концами. Один из них с каннелюрами, другой орнаментирован насечками в виде нескольких рядов «елочки». В засыпке в СЗ конце – бипирамидальный грузик височной подвески с частью стержня, в ЮВ конце – такая же подвеска (но без спиральки) и украшение ожерелья, состоящее из двух половинок трубчатых пронизок, соединенных длинными сторонами, с петлями на обратной стороне. Поверх браслетов и бляхи лежали фрагменты еще одной разрушенной бляхи подобного же типа, но диаметром 210 мм (рис. 4). Аналогии этим вещам имеются в захоронениях мордвы-мокши Верхнего Посурья в III–IV вв. (Полесских, 1974, с. 73–75; Вихляев, 1977, с. 6–29), в могильнике «Святой ключ» около г. Сергач на р. Пьяна, в Кошибеевском (Шитов, 1988а, с. 134–138; 1988б, с. 4–43) и Иваньковском могильниках (Ефименко, 1975, с. 7–36).

Подвески подобного типа, датируемые в пределах рубежа III–IV вв., были найдены в погребении 30 (трупосожжение), в разрушенном погребении, в погребении 122, 246. В детском разрушенном погребении 121 (ЮВ–СЗ, 300°) встречены четковидные, золоченые бусы, полулунница, к которой в средней части на короткой нитке, продетой в спиральную пронизку, прикреплена подвеска из двух крестообразных фигур. Концы крестов имели круглую форму и были заполнены красной эмалью. Рядом находилось еще одно украшение, состоящее из прямоугольного щитка, к которому были прикреплены два треугольника, заполненные красной эмалью. Подобные украшения были распространены в IV–V вв. (Корзухина, 1978, с. 56). В погребении 75 найдены поясные подвески, аналогии которым имеются в погребении 78 Селиксенского могильника ((Гришаков, 2008, рис. 9: 15).

Промежуточное положение между погребениями IV–V вв. и погребениями VIII–IX вв. занимает *погребение 240*. От костяка девочки сохранились бедренные кости и молочные зубы. Умершая была положена на спину головой на С–З (310°). В нижней части груди находилась бляха с крышечкой, а поверх нее – браслет и фаланги пальцев правой руки.

Диаметр бляхи 144 мм (рис. 5), крышечка удлиненно-ромбической формы. Вокруг центрального отверстия имеются 11 треугольных прорезей, по краю бляхи – один ряд крупных шишечек. На крышке такие же шишечки по углам и в центре. Шишечки есть между треугольными

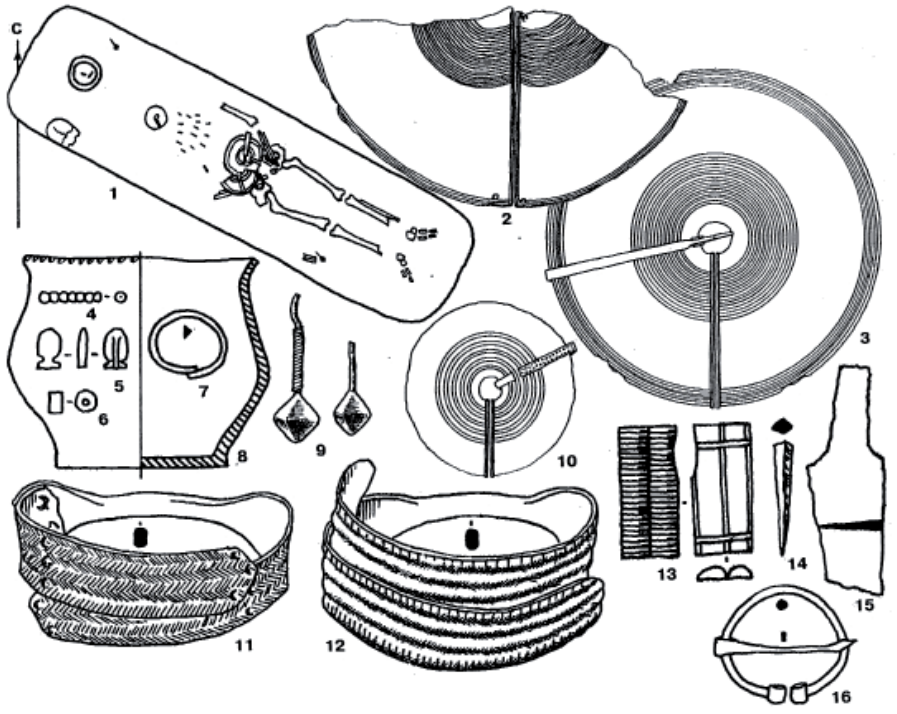

Рис. 4 Вещи из погребения 78

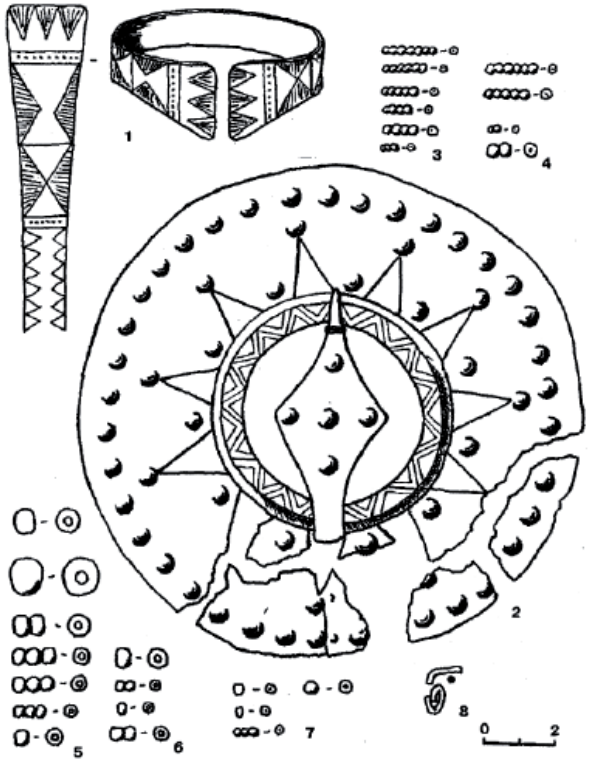

Рис. 5 Вещи из погребения 240

прорезями и в вершинах их. Варианты подобных блях (но более поздних) имеются в рязано-окских могильниках: с семью треугольными вырезами и крышечкой удлиненно-ромбической формы (Шатрищенский), с восьмью прорезями, но с шестигранной крышечкой (Кузьминский).

Браслет плоский, с расширенными концами, с геометрическим орнаментом по всей длине. Рапорт узоров – прочерченные треугольники, на концах заштрихованные и образующие фигуры ромбов.

Бусы встречались от верхнего уровня погребения до дна. Преобладают краснопастовые четковидные диаметром от 3 до 7 мм. Несколько меньше золоченых четковидных бус диаметром от 2 до 4 мм. В 5–7 см выше дна найдены фрагменты спиральки от височной подвески.

В *погребении 214* костяк девочки не сохранился. Лишь в районе головы и шеи сохранились эмалевые коронки зубов. Умершая была положена на спину в вытянутом положении, головой З–СЗ (295°). В западном-северо-западном конце находились два лепных горшка (рис. 6). В области головы, шеи, груди и живота находился почти полный набор украшений из бронзы, характерный для женского костюма мордвы-мокши VIII–IX вв. (Мартьянов, 1976, с. 88–106). Под всеми украшениями прослежена лубяная подстилка со следами оловянного бисера. В области головы – горшки, ложновитая гривна с многогранной головкой на одном конце и петлей на другом, две височные подвески с бипирамидальными грузиками на одном конце и спиральками на другом.

В верхней части груди находились два ожерелья (рис. 7). В центре одного из них находилась подвеска грушевидной формы, по бокам от нее – по 3 привески с прямоугольными щитками и трубчатыми подвесками. Щитки орнаментированы насечками по верхнему и нижнему краям и тремя рядами шишечек. Центральную часть другого ожерелья составляли три прямоугольных щитка, орнаментированных насечками по верхним и нижним краям и двумя рядами шишечек по бокам. По обеим сторонам от них находились по одной привеске с прямоугольными щитками и трубчатыми подвесками, что и в первом ожерелье. Среди составных частей ожерелий найдена одна обойма от «теменного» шнура, орнаментированная тремя рядами шишечек. Подобный элемент головного убора широко распространен в цнинских могильниках. По обеим сторонам груди находились по пять бутыльчатых подвесок на спиральных пронизках. Подобные украшения были составной частью чересплечных украшений. В нижней части живота найдена круглая бляха с крышечкой. Диаметр ее 130 мм. По внешнему краю орнаментирована тремя рядами шишечек. Между крышкой и внешним краем, с обеих сторон крышки – по три крупных шишечки. Крышка по внешнему краю орнаментирована двумя рядами шишечек, в центре – пять крупных шишечек, образующих фигуру ромба с центром посредине. Верхний край крышки оформлен в виде головы птицы с клювом и глазами. Хвост птицы в месте соединения пластины оформлен насечками по всей ширине бляхи (это предположение было высказано В. Н. Шитовым в 1975 г.). В области лучевых костей находились три браслета: слева – браслет с гвоздевидными концами

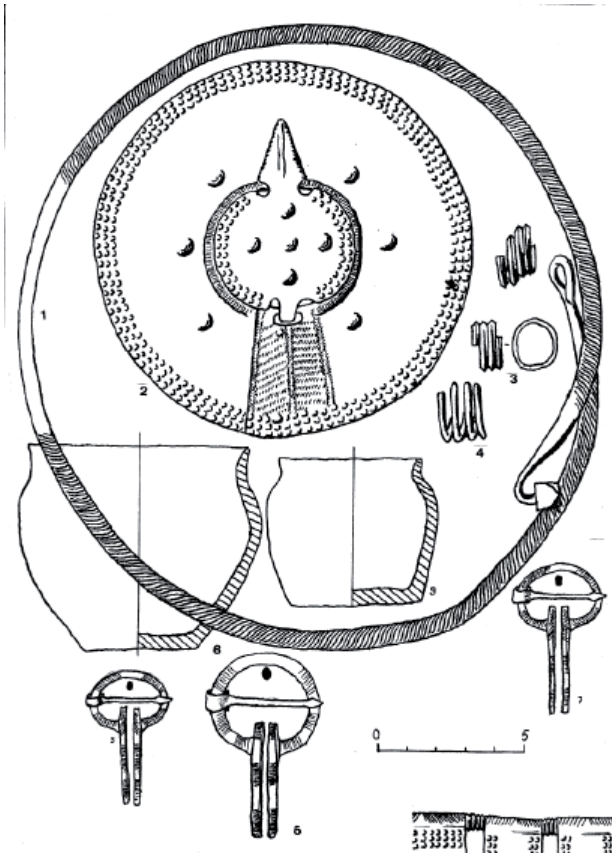

Рис. 6 Вещи из погребения 214

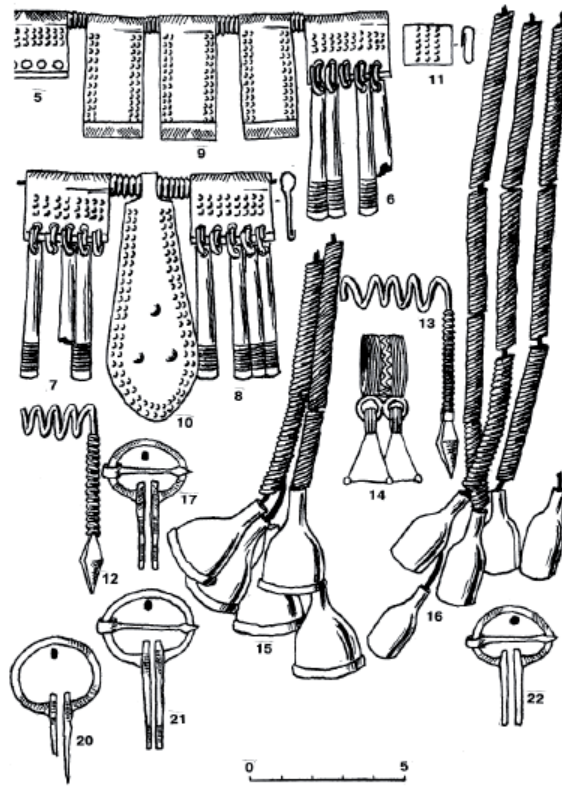

Рис. 7 Вещи из погребения 214

из восьмигранного в сечении дрота, справа – браслет с гвоздевидными концами из прямоугольного в сечении дрота и браслет из круглого в сечении дрота. Браслет слева орнаментирован насечками по всей длине, а браслет с гвоздевидными концами справа – насечками по концам. На левой руке находился спиральный перстень из трехгранной в сечении проволоки, а на правой – подобный же спиральный перстень и ажурный перстень с лапчатыми подвесками. С наружной стороны гривны находился еще один спиральный перстень из круглой в сечении проволоки. В области груди и живота находились 6 сюлгам. Часть из них имела насечки по кольцу и «усам». Сечение сюлгам разное: круглое, слегка уплощенное, прямоугольное. Украшения обуви разрушены. Устройство украшений обычное для этого могильника. Обувь кожаная. Лодыжку обхватывали два ряда спиральных пронизок, пропущенные через разрезы в коже. От этих пронизок, вниз по подъему стопы, отходили четыре трубчатых пронизки, ниже которых на коже прикреплялась шумящая привеска. Трубчатые пронизки с этой привеской были подвижны и на них с каждой стороны находилось по четыре шумящих привески. Пронизки не скреплялись с боковыми стенками обуви. Края обуви вдоль привесок по всей длине надрезались. Возможно, это было сделано для получения большей эластичности обуви.

Погребальный обряд и набор инвентаря в эрзянских могильниках XI–XIII вв. мало отличается от погребального обряда и набора инвентаря в мокшанских могильниках (кроме ориентировки).

На могильнике Стексово II хоронили в III–XIII вв. Другие известные могильники Притешья хронологически охватывают различные периоды. Захоронения на могильнике Личадеево V относятся к VIII–XIII вв., на могильнике Пятницы VII – к XI–XII вв., на могильниках Выползово I, II, VI – к IX–XIII вв., на могильнике Заречное – к VI–VIII вв., X–XIII вв. На могильниках Красное I и III захоронения конца VI–начала VIII вв. располагаются вплотную к захоронениям X–XIII вв., но нет ни одного случая перекрытия ранних захоронений более поздними (Алексеев, Зеленеев, Мартьянов, 1990). По материалам с могильника Стексово II, а также с учетом материалов других могильников можно с достаточной степенью достоверности восстановить этапы истории мордвы-эрзи в северной части Волго-Окско-Сурско-Цнинского междуречья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.И.* Отчет об археологических исследованиях в Нижегородской области в 1990 г. / Архив Института археологии РАН, 1991.

2. *Алексеев С.И., Зеленеев Ю.А., Мартьянов В.Н.* Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1990. – С. 83–100.

3. *Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. – Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1977. – С. 3–98.

4. *Гришаков В.В*. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. – Вып. 2. – Пенза, 2008. – С. 82–112.

5. *Ефименко П.П*. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Тр. МНИИЯЛИЭ. – Вып. 48. – Саранск, 1977. – С. 7–36.

6. *Зеленеев Ю.А*. Основные модели погребального обряда мордвы в V–XI вв. // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н. э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 115–126.

7. *Корзухина Г.Ф*. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. – Вып. Е1 – 43. – Л.: Наука, 1978. – С. 3–124.

8. *Краснов Ю.А*. Безводнинский могильник: (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М.: Наука, 1980. – С. 3–224.

9. *Мартьянов В.Н*. Могильник Стексово II // Дискуссионные вопросы российской истории. – Арзамас: Изд. АГПИ, 2000. – С. 3–18.

10. *Мартьянов В.Н*. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Тр. МНИИЯЛИЭ. – Вып.107. – Саранск, 1992. – С. 53–68.

11. *Мартьянов В.Н., Егошин А.Л*. Раскопки могильника Стексово II и разведка в Шатковском районе Нижегородской области // АО 2007 года. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 152–153.

12. *Полесских М.Р*. Шемышейский могильник селиксенского типа // Восточная Европа в I–II тысячелетиях н.э. / КСИА. – Вып. 140. – М.: Наука, 1974. – С. 73–75.

13. *Степанов П.Д*. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. – № 111. – М.: Наука, 1962. – С. 221–272.

14. *Шитов В.Н*. Сергачский могильник «Святой ключ» // Материалы по археологии Мордовии / Тр. МНИИЯЛИЭ. – Вып. 85. – Саранск, 1988а. – С. 134–138.

15. *Шитов В.Н*. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. / Тр. МНИИЯЛИЭ. – Вып. 93. – Саранск, 1988б. – С. 4–43.

Информация об авторах:

Мартьянов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (АФ ННГУ) (г. Арзамас, Россия); martyanov34@yandex.ru

Егошин Алексей Леонидович, старший преподаватель, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (АФ ННГУ) (г. Арзамас, Россия); mefodius_77@mail.ru

THE STEKSOVO II BURIAL GROUND

V.N. Mart'yanov, A.L. Egoshin

The article is dedicated to the results of many-years' (1990–2010) excavations on the ancient Mordovian Steksovo II burial ground site. The burial ground had functioned in the 3rd to 13th centuries AD. The investigations revealed hundreds of burials, which enabled the

researchers to judge upon the wealth of material items found and the variety of burial rites of the population that had formed the burial ground. The 1st millennium AD is characterized by bi-ritualism, while inhumation is characteristic of the 11–13th-century period; horses' burials were also discovered. The data of the burial ground make it possible to modify the concept of the stages in ancient Mordovians ethnogenesis. It is generally attributed to the Erzya Mordvins, but in early burials the combination of the Erzya and Moksha ancientries is traced. Complexes of the items of crucial importance for the chronology of the burial are discussed in the article with a representation of statistical data characterizing funeral rites and traditions.

Keywords: archaeology, the Oka River basin, the Middle Ages, the ancient Mordovians, burial ground, funeral inventory, burial rite, ethnogenesis, chronology.

REFERENCES

1. Alekseev, S. I. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v Nizhegorodskoi oblasti v 1990 g. (Report on the Archaeological Fieldworks in the Nizhny Novgorod Region in 1990)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

2. Alekseev, S. I., Zeleneev, Yu. A., Mart'ianov, V. N. 1990. In *Novye istochniki po etnicheskoi i sotsial'noi istorii finno-ugrov Povolzh'ia I tys. do n. e. — I tys. n. e. (New Sources of Ethnic and Social History of the Finno-Ugric Peoples of the Volga River Region in the I Millennium BC – I Millennium AD)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 83–100 (in Russian).

3. Vikhliaev, V. I. 1977. In *Drevniaia mordva Posur'ia i Primokshan'ia (The Ancient Mordovians of the Sura and Moksha Rivers region)*. Saransk: Mordovia State University, 3–98 (in Russian).

4. Grishakov, V. V. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza, 82–112 (in Russian).

5. Efimenko, P. P. 1977. In *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Materials on the History and Ethnography of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature. History, and Ethnography affiliated to the Council of Ministers of Mordovian ASSR 48. Saransk, 7–36 (in Russian).

6. Zeleneev, Yu. A. 1990. In *Novye istochniki po etnicheskoi i sotsial'noi istorii finno-ugrov Povolzh'ia I tys. do n. e. — I tys. n. e. (New Sources of Ethnic and Social History of the Finno-Ugric Peoples of the Volga River Region in the I Millennium BC – I Millennium AD)*. Yoshkar-Ola, 115–126 (in Russian).

7. Korzukhina, G. F. 1978. In *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-43. Leningrad: "Nauka" Publ., 3–124 (in Russian).

8. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–224 (in Russian).

9. Mart'ianov, V. N. 2000. In *Diskussionnye voprosy rossiiskoi istorii (The Discussion Issues on Russian History)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute, 3–18 (in Russian).

10. Mart'ianov, V. N. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological Investigations in the Oka and Sura Interfluves Area)*. Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature. History, and Ethnography affiliated to the Council of Ministers of Mordovian ASSR 107. Saransk, 53–68 (in Russian).

11. Mart'ianov, V. N., Egoshin, A. L. 2010. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2007 goda (Archaeological Discoveries of 2007)*. Moscow: Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 152–153 (in Russian).

12. Polesskikh, M. R. 1974. In *Vostochnaia Evropa v I–II tysiacheletiiakh n. e. (Eastern Europe in 1st — 2nd Millennia AD)*. Brief Communications of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR 140. Moscow: "Nauka" Publ., 73–75 (in Russian).

13. Stepanov, P. D. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 111. Moscow: "Nauka" Publ., 221–272 (in Russian).

14. Shitov, V. N. 1988. In *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials on the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature. History, and Ethnography affiliated to the Council of Ministers of Mordovian ASSR 85. Saransk, 134–138 (in Russian).

15. Shitov, V. N. 1988. In *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda v I — nachale II tysiacheletiia n. e. (Issues on Ethnical History of the Mordvinian People in the the I — Beginning of the II Millennia AD).* Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature. History, and Ethnography affiliated to the Council of Ministers of Mordovian ASSR 93. Saransk, 4–43 (in Russian).

About the Authors:

Martianov Vladimir N. Candidate of Historical Sciences, Professor. Arzamas branch of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Karl Marx St., 36, Arzamas, 607220, Nizhny Novgorod Oblast, Russian Federation; martyanov34@yandex.ru

Egoshin Alexei L. Arzamas branch of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Karl Marx St., 36, Arzamas, 607220, Nizhny Novgorod Oblast, Russian Federation; mefodius_77@mail.ru

УДК 903.02

РАБОТЫ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВЕТЛУЖЬЕ В 1957–2009 ГГ.

© 2014 г. А.В. Акилбаев

Приводится обзор работ Марийской археологической экспедиции в Нижегородском Поветлужье за период с 1957 по 2009 гг. В хронологическом порядке рассмотрены основные проведенные здесь разведки и раскопки, дана общая характеристика их результатов, а также картографированы известные археологические памятники рассматриваемой территории, относящиеся к различным эпохам. Особый акцент делается на результаты раскопок в 2008 г. могильников Веселовского и «Черемисского кладбища», датированных IX–XI вв. и отнесенных к марийскому населению. Прослежены свидетельства контактов средневековых марийцев с соседними народами.

Ключевые слова: археология, Ветлужско-Вятский регион, Республика Мари Эл, археологические исследования, могильники, марийская культура.

В 1956 году, с созданием Марийской археологической экспедиции (далее – МарАЭ), развернулось систематическое обследование Ветлужско-Вятского региона. Годом позже были предприняты две археологические разведки в Поветлужье. В результате осмотрены известные археологические памятники: древнемарийские могильники Веселовский, «Черемисское кладбище» и Спасское городище. Кроме того, выявлены 3 местонахождения с единичными находками каменных орудий, городища у деревень Осетрово (датированное предположительно II тыс. н.э.), Шилиха, а у деревни Ефанихи осмотрена площадка, где местные жители находили украшения, близкие к материалам Веселовского могильника, что позволило предположить наличие здесь древнемарийского могильника, одновременного с Веселовским (ввиду занятости площадки огородами, раскопок не производилось).

Кроме разведок, в 1957 году МарАЭ были проведены раскопки на ранее известном памятнике «Чертово городище». Заложенные два раскопа выявили богатый керамический материал, датированный III–V вв. н.э. На площадке городища были обнаружены также три погребения начала VI в., принадлежавшие, по мнению исследователей, предкам древнемарийского населения. В этом же году МарАЭ провела раскопки могильников Веселовского и «Черемисского кладбища». В результате работ на Веселовском могильнике вскрыто 15 погребений (Халиков, Безухова, 1957), на «Черемисском кладбище» – 13 (Халиков, 1957).

Итоги исследований опубликованы А.Х. Халиковым и Е.А. Безуховой в «Материалах к древней истории Поветлужья» (Халиков, Безухова, 1960).

Работы продолжались и в 1958 году (Халиков, Архипов, 1958). На Веселовском могильнике было вскры-

то еще 15 погребений, кроме того изучено 3 городища. Раскопки Шилихинского городища выявили наличие двух слоев: V–IV вв. до н.э. и I тыс. н.э., а также остатков оборонительных сооружений на валу. На Богородском городище раскопан вал, выявлено 4 культурных слоя: 1 – начала I тыс. до н.э., 2 – VII–VI вв. до н.э., 3 – V–IV вв. до н.э., 4 – середина I тыс. н.э. Исследование Русенихинского городища дало керамический материал, представленный двумя группами – аналогичный второму слою Богородского городища (VII–VI вв. до н.э.) и «городецкого облика» I тыс. н.э., но их стратиграфическое распределение вызвало затруднение (Архипов, 1982, с. 13–16).

По результатам исследований 1957–1958 гг. сделаны некоторые выводы о средневековой марийской культуре: был определен погребальный обряд марийских некрополей IX–XI вв., установлен круг предметов, характерных и этноопределяющих для марийцев в средневековье (Архипов, 1973, с. 12–62). Выявлено также наличие контактов с волжскими булгарами, соседними финно-угорскими народами и славянами на основании близости некоторых найденных предметов к древностям перечисленных народов (Халиков, Безухова, 1960, с. 58).

Работы в Нижегородском Поветлужье возобновились в 1979 году (Шикаева, 1979). МарАЭ проведена разведка по левому берегу р. Ветлуга в Воскресенском районе Горьковской области. В результате обследования обнаружено поселение у д. Красный Яр с 27 жилищными впадинами. По керамическому материалу памятник отнесен к позднему этапу волосовской культуры. Найдено также селище у деревни Анненка. Керамический материал, собранный в осыпи, охарактеризован как позднесредневековый. У села Воздвиженское открыто местонахождение, где обнаружены мелкие фрагменты гончарной керамики с примесью дресвы и шамота.

В 2002 г. МарАЭ проводились разведочные работы в Воскресенском районе (Михеев, 2002). Открыты 9 поселений у деревни Буслаево (Буслаево I–IX) и могильник. Первые три поселения отнесены к волосовской культуре, остальные интерпретированы как мезолитические. Вскрытые на Буслаевском могильнике два погребения дали материал, датируемый XVII в. и относящийся к позднесредневековой марийской культуре.

В 2007 г. в связи с сообщениями о грабительских раскопках на Веселовском могильнике и «Черемисском кладбище», считавшихся ранее полностью изученными, МарАЭ был произведен их осмотр (Никитина, 2007). Он показал, что на площадке памятников имеются многочисленные кладоискательские вкопы. С поверхности собран материал, оставленный кладоискателями (фрагменты котлов, украшений). Разведочные работы, таким образом, выявили перспективность дальнейшего изучения этих могильников.

В связи с этим в следующем 2008 г. были предприняты раскопки на указанных могильниках (Никитина, 2008). На «Черемисском кладбище» вскрыто 2 погребения и 1 жертвенный комплекс. Вещевой инвентарь обоих погребений схож. В области головы располагается головная цепочка и височные кольца с заходящими друг за друга (рис. 2, *а*) и завязанными кон-

цами (рис. 2, *б*), на груди – ажурная подвеска с лапчатыми привесками (рис. 2, *в*), руки украшают браслеты (витые завязанные и граненые) и широкосрединные «усатые» перстни (рис. 2, *г*). Кроме того, погребения содержали пояса, котлы, топоры, ножи, кресала, перстень с подвесками (рис. 2, *д*) и некоторые другие предметы. В жертвенном комплексе обнаружены бронзовый котел, две льячки, литейная форма, две «копоушки» и деревянная чаша. Вне погребений на территории могильника найден целый дирхем (909/910 гг. чеканки) и обломок дирхема X в. (определение монет произведено Д.Г. Мухаметшиным). Инвентарь в целом характерен для марийских могильников IX–XI вв. (Архипов, 1973; Никитина, 2002). Одно погребение можно датировать XI в. по височному кольцу с сужающимися концами, которые встречаются в Северной Руси в XI – первой пол. XII в. (Археология севернорусской деревни, 2008, с 101). Другое погребение датируется временем не ранее X в. на основании витых завязанных браслетов, широко представленных на памятниках Восточной Европы в X–XII вв. (Древняя Русь, 1997, с. 74). Содержащиеся в обоих погребальных комплексах ажурные нагрудные подвески с привесками не встречаются в марийских могильниках XII–XIII вв., что определяет верхнюю дату обоих погребений.

На Веселовском могильнике изучено 2 целых и 2 разрушенных погребения. Вещевой комплекс представлен браслетами (витыми завязанными (рис. 2, *е*), граненым (рис. 2, *ж*)), плоским ширококонечным (рис. 2, *з*), дротовыми без орнамента (рис. 2, *и*)), спиралеконечной фибулой (рис. 2, *к*), фрагментами щиткового перстня, поясов, кошелька, подвесками в виде когтя (рис. 2, *л*), птицы (рис. 2, *м*), каплевидной подвеской (рис. 2, *н*) и круглой ажурной застежкой (рис. 2, *о*), деревянной чашей, а также наконечниками стрел, топорами (рис. 2, *п*), копьем, котелком, калачевидным кресалом и некоторыми другими предметами. Из сборов происходят стрелы, копье (рис. 2, *р*), крест (рис. 2, *с*), котел и фрагменты чаши. Датировка погребений затруднительна, но большинство найденных предметов характерны для древнемарийских некрополей IX–XI вв. (Архипов, 1973; Никитина, 2002).

Таким образом, вещевой материал, а также обряд изученных погребений (сосуществование трупосожжения и трупоположения, наличие жертвенных комплексов, небольшая глубина погребений, см.: Никитина, 2002, с. 62–88) не противореча выводам предшествующих исследователей (Халиков, Безухова, 1960; Архипов, 1973; Никитина, 2002) как об этнической принадлежности, так и датировке рассматриваемых могильников. Имеются предметы, свидетельствующие об этнокультурных и торговых связях марийского населения. О связях с волжскими булгарами свидетельствуют дирхемы. С территории Руси происходят височное кольцо с сужающимися концами и фибула. Интересной находкой является равносторонний крест. Данный тип крестов в литературе получил название скандинавского, бытовали они в XI в. на территории Руси (Древняя Русь, 1997, с. 173, табл. 103, *12*).

В 2009 году были продолжены разведочные работы в Нижегородском Поветлужье (Акилбаев, 2009). Осмотр

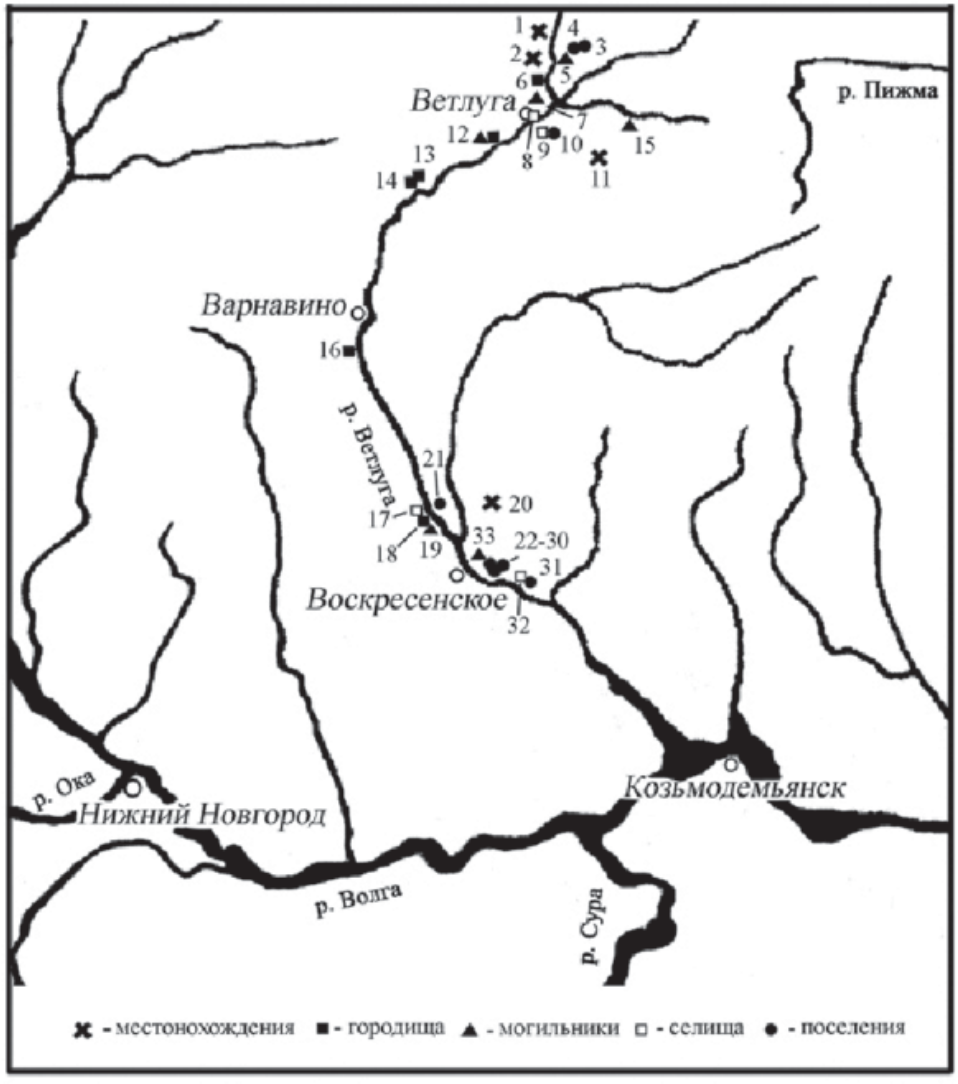

Рис. 1. Месторасположения памятников Поветлужья.
1 – Валовское местонахождение; 2 – Макарьевское местонахождение; 3 – Валовское I поселение; 4 – Валовское II поселение; 5 – «Черемисское кладбище»; 6 – Спасское городище; 7 – Ефанихинский могильник; 8 – Ветлужское селище; 9 – селище у урочища Кордон Взвоз; 10 – поселение у урочища Кордон Взвоз; 11 – Соколовское местонахождение; 12 – «Чортово городище»; 13 – Осетровское городище; 14 – Шилихинское городище; 15 – Веселовский могильник; 16 – Богородское городище; 17 – Асташихинское селище; 18 – Русенихинское городище; 19 – Русенихинский могильник; 20 – Воздвиженское местонахождение; 21 – Троицкое поселение; 22 – Буслаевское I поселение; 23 – Буслаевское II поселение; 24 – Буслаевское III поселение; 25 – Буслаевское IV поселение; 26 – Буслаевское V поселение; 27 – Буслаевское VI поселение; 28 – Буслаевское VII поселение; 29 – Буслаевское VIII поселение; 30 – Буслаевское IX поселение; 31 – поселение Красный Яр; 32 – Анненковское селище; 33 – Буслаевский могильник.

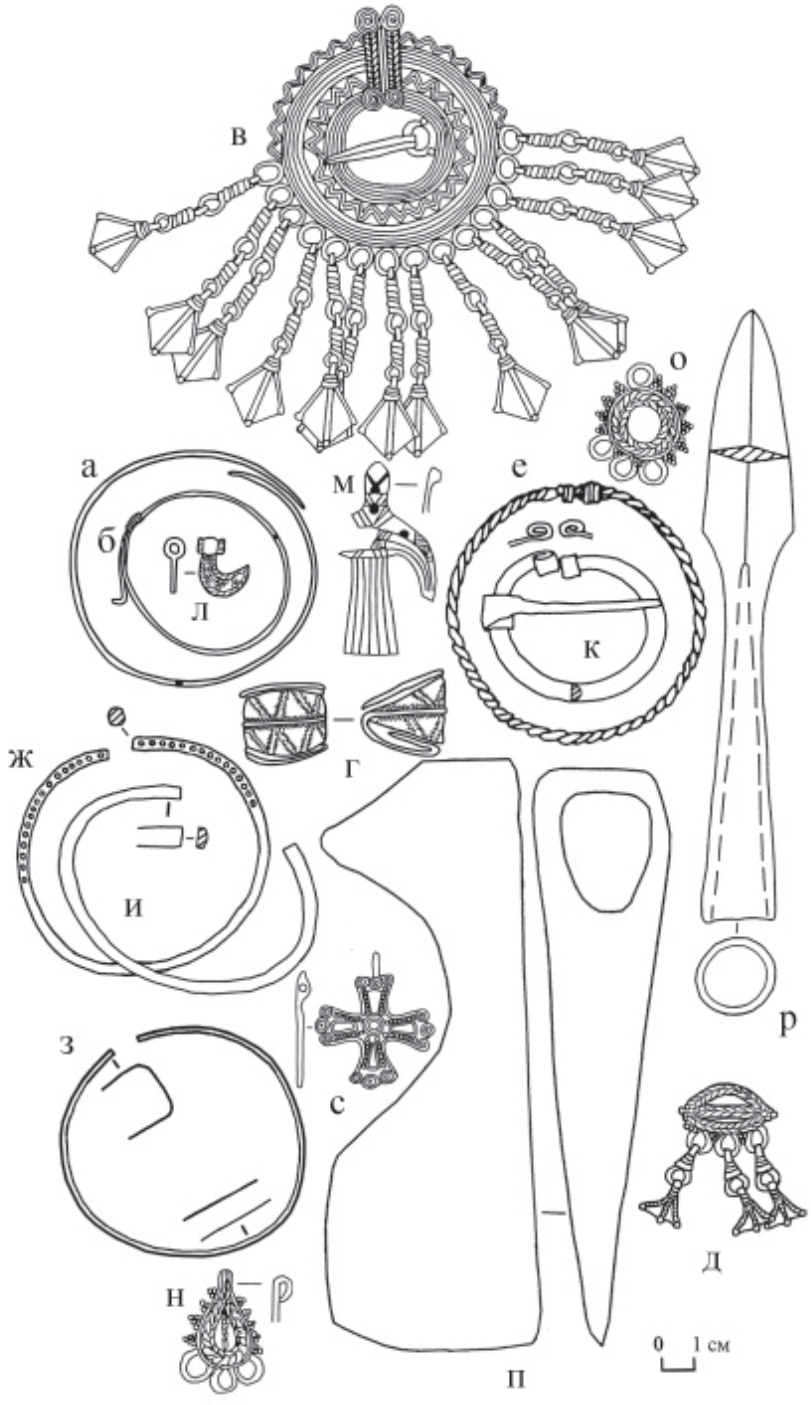

Рис. 2. Находки из раскопок Веселовского могильника и “Черемисского кладбища” (прорисовки выполнены Т.Б. Никитиной).

местности производился выборочно, без сплошного обследования территории. Осматривались ранее известные городища (Шилихинское и Спасское), их окрестности и некоторые другие места, перспективные для нахождения памятников археологии.

В городе Ветлуга обнаружено селище. Культурную атрибутацию и датировку памятника (в виду незначительности керамического материала) произвести затруднительно. Предположительно селище позднее оставлено русским населением.

Возле урочища Кордон Взвоз открыто поселение, состоящее из трех впадин, содержащих керамику, относящуюся к позднему этапу существования памятников волосовского круга, а также разрушенное обрывом селище с керамикой двух типов: аналогичной керамике поселения у урочища Кордон Взвоз и позднесредневековой русской.

В 3 км от деревни Валово найдены два поселения. Первое поселение состоит из двух впадин. Керамический материал схож с керамикой позднего этапа памятников волосовского круга, но есть и фрагменты посуды ямочно-гребенчатого типа. Второе поселение, судя по материалу, предварительно может быть отнесено к кругу памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.

Была также предпринята попытка обнаружить известное по результатам разведки 1957 г. Осетровское городище, находящееся рядом с Шилихинским, но очевидно из-за неточности указания месторасположения (деревня Осетрово, возле которой находится памятник, располагалась вблизи р. Вол, а не на Ветлуге), допущенной при составлении отчета о разведке 1957 г. (Халиков, 1957), а также из-за того, что Осетрово ныне не существует, городище не было обнаружено.

В этом же году МарАЭ проводила работы в Воскресенском районе Нижегородской области. В ходе обследования выявлены два поселения и один могильник, а также осмотрено Русенихинское городище. Вблизи деревни Асташиха открыто селище с керамическим материалом, отнесенным предварительно к древнерусской посуде XIV–XV вв. У села Троицкое обнаружено поселение с керамикой, аналогичной материалам Русенихинского городища, относящейся к ананьинской культуре. На окраине деревни Русениха открыт могильник. Обследованием территории установлено, что памятник разрушается кладоискателями, о чем свидетельствуют многочисленные вкопы и оставленные вещи из раскопанных комплексов. Заложенные траншеи выявили два погребения и жертвенный комплекс, материал которых показал, что памятник, вероятнее всего, относится к древнемарийской культуре IX–XI вв. Вещевой материал (особенно височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут, признаны этноопределящими для марийского населения IX–XI вв.) и отдельные детали погребального обряда (глубина могильных ям, жертвенные комплексы между могилами) соответствуют находкам из известных марийских некрополей IX–XI вв. (Никитина, 2002, с. 61–68, 97–98).

Таким образом, за период с 1957 по 2009 год МарАЭ в Нижегородском Поветлужье открыто 22 археологических памятника и 4 местонахождения отдельных предметов, изучено раскопками 7 памятников. Основным на-

правлением работ стало изучение археологии средневекового марийского населения этой территории (Архипов, 1973; Никитина, 2002). Проведенные работы свидетельствуют о значительной роли Поветлужья в формировании этноса и культуры марийцев, перспективности дальнейшего исследования памятников эпохи средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акилбаев А.В.* Отчет о разведочных работах в бассейне р. Ветлуга в Ветлужском и Шахуньском районах Нижегородской области в 2009 году / НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. – Д. 1142.

2. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. – М.: Наука, 2008. – 363 с.

3. *Архипов Г.А.* Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Археология и этнография Марийского края. – Вып. 6. – Йошкар-Ола: Республиканская типография Госкомиздата Марийской АССР, 1982. – С. 5–50.

4. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. – 198 с.

5. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 22. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 110–158.

6. Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997. – 367 с.

7. *Никитина Т.Б.* Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2008 году / НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. – Д. 1128.

8. *Михеев А.В.* Отчет о разведочных работах Марийской археологической экспедиции в 2002 г. / НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. – Д. 1084.

9. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 2002. – 430 с.

10. *Никитина Т.Б.* Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2007 г. / НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. – Д. 1118.

11. *Халиков А.Х.* Отчет об археологических раскопках могильника «Черемисское кладбище», произведенных летом 1957 года на реке Луданге в Ветлужском районе Горьковской области // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год / Архив ИА РАН. – Оп. 1. – Д. 1470, 1471.

12. *Халиков А.Х., Архипов Г.А.* Отчет о раскопках Веселовского могильника летом 1958 года // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год / Архив ИА РАН. – Оп. 1. – Д. 1874, 1874-а.

13. *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). – Горький: Горьковская правда, 1960. – 59 с.

14. *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Отчет о раскопках Веселовского могильника // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год / Архив ИА РАН. – Оп. 1. – Д. 1470, 1471.

15. *Шикаева Т.Б.* Отчет о полевых работах III отряда Марийской археологической экспедиции летом 1979 года // Отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 год / НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. Д. 555.

Информация об авторе:

Акилбаев Александр Владимирович, младший научный сотрудник, МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Россия); akilbaev.alexandr@yandex.ru

INVESTIGATIONS OF THE MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE VETLUGA RIVER WITHIN THE NIZHNIY NOVGOROD AREA 1957–2009

A.V. Akilbaev

An overview of investigations conducted by the Mari Archaeological Expedition on the Vetluga River in the vicinity of Nizhniy Novgorod in 1957 to 2009 is made. A chronological analysis of basic archaeological surveys and excavations is offered, with a general description of their results and mapping of the known archaeological sites in the territory under study that refer to different epochs. Special attention is paid to the results of 2008 excavations on the Veselovskoe and "Cheremisskoe cemetery" burial ground sites dated by the 9th to 11th centuries and attributed to the Mari population. The traits of medieval Maris' contacts with the peoples inhabiting the neighboring territories are traced.

Key words: archaeology, the Vetluga-Vyatka area, the Republic of Mari El, archaeological study, burial grounds, the Mari culture.

REFERENCES

1. Akilbaev, A. V. 2009. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v basseine r. Vetluga v Vetluzhskom i Shakhun'skom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2009 godu (Report on the Explorations in the Vetluga River Water Storage Area in the Vetluzhskiy and Shakhunskiy Districts of the Nizhniy Novgorod Region in 2009)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Inv. 1, dossier 1142 (in Russian).

2. *Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vekov (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th — 13th Centuries)*. 2008. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

3. Arkhipov, G. A. 1982. In *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 6. Yoshkar-Ola: "Respublikanskaia tipografiia Goskomizdata Mariiskoi ASSR" Publ., 5–50 (in Russian).

4. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv. (Mari People in 9th — 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

5. Bader, O. N. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).

6. Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). 1997. *Drevniaia, Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

7. Nikitina, T. B. 2008. *Otchet o rabotakh tret'ego otriada Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2008 godu (Report on the Fieldworks of 3rd Team of the Mari Archaeological Expedition in 2008)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Inv. 1, dossier 1128 (in Russian).

8. Mikheev, A. V. 2002. *Otchet o razvedochnykh rabotakh Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2002 g. (Report on the Fieldwalking of the Mari Archaeological Expedition in 2002)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Inv. 1, dossier 1084 (in Russian).

9. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (in Russian).

10. Nikitina, T. B. 2007. *Otchet o rabotakh tret'ego otriada Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2007 g. (Report on the Fieldworks of 3rd Team of the Mari Archaeological Expedition in 2007)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Inv. 1, dossier 1118 (in Russian).

11. Khalikov, A. Kh. 1957. In *Otchet o polevykh rabotakh Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1957 god (Report on the Fieldworks of the Mari Archaeological Expedition in 1957)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, dossier 1470, 1471 (in Russian).

12. Khalikov, A. Kh., Arkhipov, G. A. 1958. In *Otchet o polevykh rabotakh Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1958 god (Report on the Fieldworks of the Mari Archaeological Expedition in 1958)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, dossier 1874, 1874-a (in Russian).

13. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetulga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky: "Gor'kovskaia pravda" Publ. (in Russian).

14. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1957. In *Otchet o polevykh rabotakh Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1957 god (Report on the Fieldworks of the Mari Archaeological Expedition in 1957)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. 1, dossier 1470, 1471 (in Russian).

15. Shikaeva, T. B. 1979. In *Otchet Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1979 god (Report of the Mari Archaeological Expedition for 1979)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Op. 1. D. 555 (in Russian).

About the Author:

Akilbaev Alexander V. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Republic of Mari El, Russian Federation; akilbaev.alexandr@yandex.ru

Статьи

УДК 902

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

© 2014 г. М.А. Очир-Горяева

Рассматриваются памятники классического скифского времени второй половины VI–IV вв до н.э. Нижнего Поволжья на фоне синхронных культур степной зоны Евразии: памятников скифов степей Северного Причерноморья, памятников Южного Приуралья, сакских памятников Ишимской, Кулундинской степей и степных долин Семиречья, памятников пазырыкской культуры Горного Алтая и уюкско-саглынской культуры степных долин Саянского нагорья. Сопоставление проведено по определенным аспектам: географическому расположению, количеству памятников, соотношению основных и впускных погребений, наличию оседлых поселений на рассматриваемых территориях, наличию элитных погребений у каждой группы памятников. Это позволило выявить общие и особенные черты культуры нижневолжских кочевников скифского времени. Они оказались самыми малочисленными среди сравниваемых культур скифского круга. Во всех регионах, кроме Нижнего Поволжья, представлены поселения и стойбища с регулярным культурным слоем, свидетельствующие об одновременном проживании оседлого и кочевого населения в этих регионах. В Нижнем Поволжье не зафиксированы элитные погребальные комплексы с предметами роскоши из золота, греческим и восточным импортом, с захоронениями подчиненных лиц и верховых коней, представленные во всех остальных регионах. В связи с этим автор обращает внимание на несоответствие археологических памятников Нижнего Поволжья образу савроматов, с которыми они идентифицируются.

Ключевые слова: археология, степи Евразии, Нижнее Поволжье, скифское время, элитные погребения, курганы, поселения, оседлое и кочевое население, соотношение основных и впускных погребений, савроматы.

Постановка проблемы. Памятники Нижнего Поволжья, датирующиеся классическим скифским временем конца VI–IV вв. до н.э., являются одной из региональных культур скифского круга, или скифского типа степной зоны Евразии, протянувшейся от Черного моря до Алтайских гор. Традиционно в археологии понимается, что культуры скифского круга классического скифского времени являются если не родственными, то близкими. Такое представление базировалось на результатах изучения погребального инвентаря, в котором прослеживалась так называемая скифская триада – единые формы оружия, конского снаряжения и искусства звериного стиля. Установленная общность в материальных объектах интерполировалась на область идеологических религиозно-мифологических

представлений. Все это вместе взятое подводило к мысли о том, что и в языковом отношении носители культур скифского круга были также близки и относились к одной языковой группе, а именно ираноязычной. Несмотря на установленные региональные различия по предметам звериного стиля и типам вооружения, круг культур скифского облика в целом воспринимается большинством исследователей как некое единое этнокультурное явление степного пояса Евразии. Все культуры классического скифского времени примерно синхронны памятникам степной зоны Северного Причерноморья, которые принадлежали «собственным скифам», в землях которых побывал в середине V в. до н.э. Геродот[1]. К названному кругу культур относятся памятники степей Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, памятники сакской культуры степных долин Семиречья, Ишимских и Кулундинских степей[2], памятники степных долин Горного Алтая (пазырыкская культура) и степных долин Саянского нагорья[3] (саглынско-уюкская культура).

По наличию предметов скифской триады ряд археологических культур классического скифского времени лесостепной зоны также традиционно включаются в круг культур скифского типа: памятники лесостепей Северного Причерноморья, лесостепей Среднего Дона, ананьинской культуры лесостепного Волго-Камья, саргатской культуры лесостепей Западной Сибири, быстрянской и каменской культур и среднего этапа тагарской культуры лесостепей Южной Сибири.

Весь этот массив археологических культур степной и прилегающей лесостепной зоны традиционно делится на западный и восточный ареалы по расположению с западной или восточной стороны области распространения памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Можно сказать, памятникам этих двух регионов была отведена роль межевого камня.

Причиной такого неадекватного восприятия памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья послужила история их изучения. Согласно фундаментальной культурно-хронологической периодизации сарматской

---

[1] Термин «собственные скифы» был введен Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой (Граков, Мелюкова, 1952, с. 93).

[2] Территории, которые традиционно в скифской археологии определяют как степи Северного Казахстана, географически совпадают с территориями Ишимской и Кулундинской степей. Последние относятся к южной части Западно-Сибирской низменности, они вполне адекватны пониманию этой территории археологами, так как включают кроме североказахстанских в археологическом отношении единые памятники на территории Российской Федерации. Ишимская степь расположена между рр. Тобол и Иртыш, к ней относятся территории севера Казахстана и Курганской, Тюменской, Омской областей РФ. Кулундинская степь расположена в междуречье Иртыша и Оби, к ней относятся территории Павлодарской области Казахстана и Алтайского края РФ. Ишимская степь совпадает примерно с Сергеевским и Ишимско-Чаглинским микрорайоном, а Кулундинская – с Павлодарским микрорайоном, выделенными М. Хабдулиной (Хабдулина, 1994).

[3] То же самое с территорией, которую в российской археологии традиционно определяют как Тува или Верхний Енисей (Савинов, 2002). Географическое определение степные долины (котловины) Саянского нагорья, на мой взгляд, более точно отражает приуроченность археологических памятников к степному ландшафту.

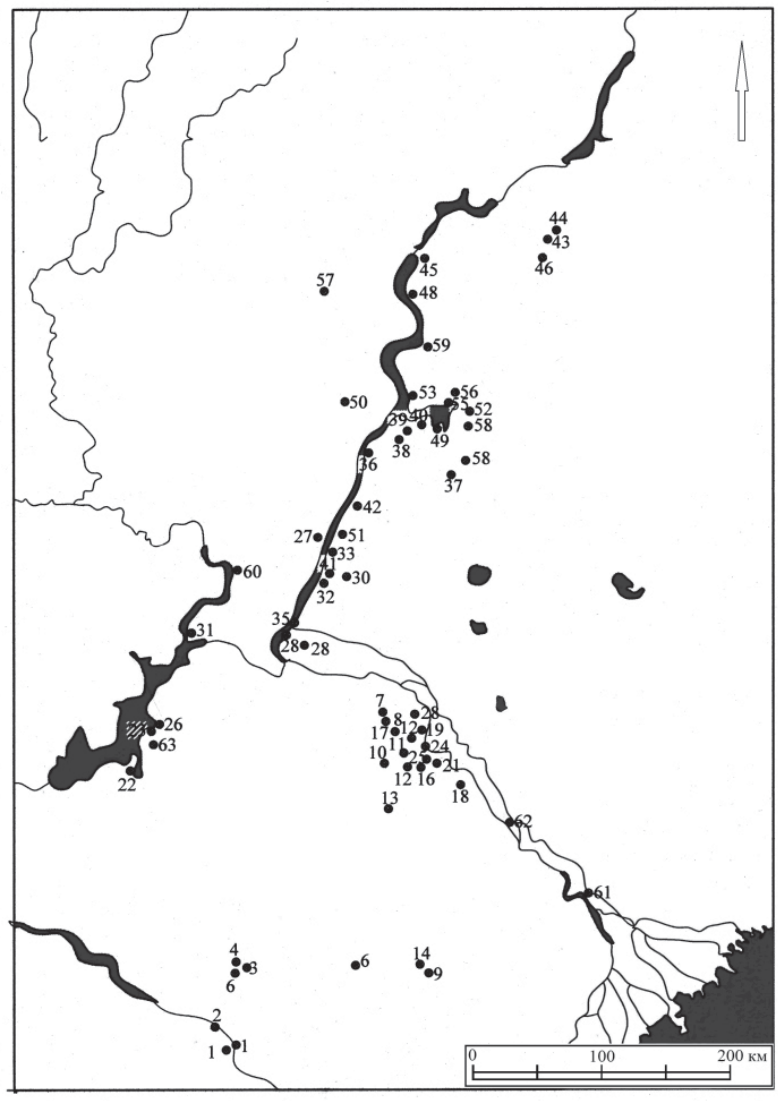

Рис. 1. Памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья.
1 – Восточный Маныч, 2 – Архаринский, 3 – Три Брата, 4 – Элистинский, 5 – Бичкин Булук, 6 – Улан Эрге, 7 – Балкин, 8 – Хохлацкий, 9 – Цаган Усн, 10 – Заханата, 11 – Гува, 12 – Купцын Толга, 13 – Эвдык, 14 – Гашунский, 15 – Ики-Зегиста, 16 – Кермен Толга, 17 – Дюкер, 18 – Никольское, 19 – Барановка, 20 – Старица, 21 – Сазонкин бугор, 22 – Верхнеяблочный, 23 – Жутово, 24 – Капитанский, 25 – Кривая Лука, 26 – Аксеновский, 27 – Горная Пролейка, 28 – Волжский, 29 – Царев, 30 – Вишневка, 31 – Ильевка, 32 – Верхнее Погромное, 33 – Ново-Никольское, 34 – Заплавное, 35 – 15-й поселок, 36 – Политотдельское, 37 – Шульц, 38 – Молчановка, 39 – Новая Молчановка, 40 – Бережновка, 41 – Калиновка, 42 – Быково, 43 – Суслы, 44 – Боаро (Бородаевка), 45 – Энгельс, 46 – Усатово, 47 – Визенмиллер (Луговое), 48 – Скатовка, 49 – Потемкино, 50 – Норка, 51 – Степан Разин, 52 – Блюменфельд (Цветочное), 53 – Иловатка, 54 – Комаровка, 55 – Фриденберг (Мирное), 56 – Харьковка, 57 – Меркель (Макаровка), 58 – Альт-Веймар (Старая Иванцовка), 59 – Зеельман (Ровное), 60 – Вертячий, 61 – Комсомольский, 62 – Аксай, 63 – Хошеутово, 64 – Адрык.

культуры, разработанной в трудах Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи рассматривались как относящиеся к савроматской археологической культуре и имеющие прямое отношение прежде всего к сарматам, их истории и культуре. Не случайно основное исследование по нижневолжскому и южноприуральскому регионам называлось «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов» (Смирнов, 1961; 1964). Таким образом, скифский мир евразийских степей и прилегающей лесостепи в умах исследователей делился на западный и восточный ареалы, между которыми располагался некий довольно обширный в территориальном отношении клин памятников от Волги до Урала, который, несмотря на свою хронологическую синхронность с остальными памятниками скифской эпохи и наличие скифской триады, воспринимался исследователями как относящийся к другому культурному явлению, а именно сарматскому (Очир-Горяева, 1993, с. 132).4 Наглядно эта особенность процесса исследования проявилась в том, что М.П. Грязновым при перечислении им локальных зон культур скифского круга, целых два региона, а именно Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, оказались неучтенными (Грязнов, 1980). А.Ю. Алексеев признал выделенные М.П. Грязновым зоны «вполне удобными», но при внесении «одного существенного корректива» относительно поволжских и приуральских памятников (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 20).

Думается поэтому, что попытка рассмотреть памятники одного из этих двух регионов, а именно Нижнего Поволжья, на общем фоне древностей синхронной им скифской эпохи для выявления в них общего и особенного представляет интерес для дальнейшего их изучения[5].

Географические условия региона. Памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья распространены в степной и полупустынной части нижнего течения Волги: на правобережье – от Каспийского моря до отрогов Ергенинской возвышенности и излучины Дона и Волги, на левобережье – от низовьев Волги до границы с лесостепью на широте современного г. Саратова. Очерченный регион укладывается в границы южной части бассейна Волги. Согласно географическому районированию эти места определяются: правый берег как Приволжье, а левый – Заволжье.

Особенностью нижневолжских памятников является выявленная географическая приуроченность расположения памятников (Ochir-Goryaeva, 2005, p. 135–146; Очир-Горяева, 2005, с. 15–34). На левобережье памятники распределяются дисперсно, равномерно, образуя более или менее регулярную полосу вдоль течения Волги. На правобережье памятники образуют несколько скоплений, оставляя значительные пространства почти

[4] В практической жизни это проявлялось в том, что на научных конференциях мой доклад по памятникам скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья включался в сарматскую секцию, хотя параллельно работала скифская секция.

[5] Памятники Южного Приуралья были рассмотрены в аналогичном ракурсе в статье «Памятники Южного Приуралья: общее и особенное» (Очир-Горяева, 2010, с. 285–295).

пустыми. Одно скопление (1) можно отметить на юге правобережья. Оно имеет вид более или менее растянутой в широтном направлении цепочки от г. Элисты к яшкульским озерам. Другое скопление (2) с более высокой плотностью памятников локализуется на севере Сарпинской низменности, очень близко подходя к побережью Волги. Еще одно, более слабо выраженное, скопление (3) наблюдается в месте наибольшего сближения Волги и Дона у побережья современного Цимлянского водохранилища, вдоль мелких речушек. Нетрудно заметить, что на правом берегу археологические обьекты показывают строгую приуроченность – расположены кучно в определенных местах, а на остальной территории они встречаются очень редко, единичными комплексами (рис. 1). На правом берегу, на высокой нагорной стороне реки располагались места, удобные для содержания скота на подножном корму в течение всей зимы и ранней весны – бесснежные, открытые ровные пространства, окаймленные долинами мелководных степных речушек и мелких озер с густыми зарослями камыша, дающего защиту от холодных ветров скоту и топливо для кочевников. Как показал специальный анализ, скопления погребальных памятнков скифской эпохи на правобережье локализуются в местах, наиболее удобных для зимовок[6], а скопление кочевнических некрополей – по берегам мелководных Яшкульских озер на юге (1), по течению небольших речек у излучины Дона (3) и по ответлениям сухих русел Волги и цепи уходящих в глубь степи, в Сарпинскую низменность, мелких степных озер (2). В этих же местах имелись также удобные переправы через Волгу. Весной и осенью кочевники вместе со скотом могли перебираться на левый луговой берег Волги, оставляя в сохранности траву на осенних и зимних пастбищах, и возвращаться на зимники.

Согласно описаниям карт и другим сведениям исторического времени левый берег Волги является низкой луговой стороной реки с холмистым рельефом. В летнее время это были прекрасные пастбища, образующиеся после весеннего разлива Волги. Но в зимнее время глубина снежного покрова в сочетании с холмистым рельефом, способствовавшим концентрации снега в низменных местах, не позволяет содержать скот на подножном корме.

На основе приведенных данных разница в географическом распространении археологических памятников скифской эпохи может быть объяснена спецификой экстенсивного

[6] Аналогичная скученность по названным скоплениям характерна и для последующих эпох, прежде всего, сарматской. Эти места маркируются наиболее богатыми «золотыми» погребениями сармат. Среди памятников первого скопления на юге республики, в районе Яшкульских озер, особо выделяется погребение воина из погребения Яшкуль, которое входит в число наиболее известных, выдающихся сарматских памятников (Очир-Горяева, Лапа, 2002, с. 200–205; Otchir-Goriaeva, 2002, p. 353–387). Известное погребение скептуха из Косики относится к продолжению описанного выше второго скопления в Сарпинской низменности (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 141–174). Из описанного выше третьего скопления памятников в долине небольшой речки Есауловский Аксай происходят и знаменитый Жутовский курган и Октябрьский-5 (Шилов, 1975; Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 149–166) .

скотоводства кочевников скифской эпохи. Получается, что оба берега Волги использовались ранними кочевниками скифской эпохи попеременно для сезонных миграций. При этом с максимальной выгодой учитывались географические особенности двух побережий. Скудость жизнеобеспечивающих ресурсов полупустынных степей на правом берегу, не позволявший выпасывать там скот круглый год, и высокий снежный покров степей на левом берегу Волги, препятствовавший использовать их под пастбища зимой, приводили к необходимости предпринимать сезонные меридиональные миграции в 300–700 км.

По остальным регионам ситуация различается от региона к региону. Основной массив погребальных памятников скифов Северного Причерноморья располагался в нижнем течении Днепра, региона по благоприятности водных и кормовых ресурсов, напоминавших в скифскую эпоху плодородную дельту Нила, поскольку в этом регионе скифская эпоха совпадает с этапом климатического оптимума с заметным потеплением климата. В нижнем течении Днепра леса тянулись сплошной широкой полосой на 40–50 км до начала Крымского полуострова. В районе расположения лиманов более крупных рек, таких, как Днепр, Южный Буг и Днестр, которые в связи с понижением уровня Черного моря либо еще не существовали, либо были заметно мельче, господствовали заливные низины (Ievlev, 1991, S. 18–23; Ивлев, 1991, с. 311–319). Это обстоятельство позволяет предполагать, что амплитуда кочевания скифов давала возможность не изнурять себя длительными сезонными миграциями. Протяженные сезонные миграции, по всей видимости, вынуждено было совершать южноприуральское население скифской эпохи. Согласно разработкам А.Д. Таирова, они во многом совпадали с путями миграций степных антилоп и по протяженности достигали нескольких сот километров (Таиров, 1993, с. 35–40). По Ишимским и Кулундинским степям данные мне неизвестны. Население степных горных долин Семиречья, Горного Алтая и Саянского нагорья, то есть племена сакские, пазырыкские и уюкско-саглынские, могли кочевать только в пределах своих долин, протяженность которых варьировала в пределах десятков километров, редко – пары сотен километров. Например, самая крупная Чуйская степь Горного Алтая представляет собой слабоволнистую равнину длиной 70 км и шириной от 10 км до 40 км (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98).

В отличие от других регионов, в Нижнем Поволжье не исследовано до сих пор ни одного поселения или стоянки скифской эпохи. Имеются сведения о находках раннескифского и скифского времени на развеянных дюнах на юге Республики Калмыкия и Астраханской области, на Маныче, на левом берегу Волги, основанные на разведках, проведенных в 1929–1947 гг. Они были указаны в своде памятников и в статье К.Ф. Смирнова «Производство и характер хозяйства ранних сарматов» (Смирнов, Петренко, 1963, с. 10–17; Смирнов, 1964, с. 45–63). Но в последующие годы, несмотря на масштабные раскопки ряда поселений среднего бронзового века (Малов, Филипченко, 1995, с. 52–61) и многочисленных поселений позднего бронзового века (Памятники срубной культуры, 1993),

ни разу не были зафиксированы слои скифского времени на левом берегу Волги. В указанных К.Ф. Смирновым местах на юге Республики Калмыкия и Астраханской области были проведены разведки поселений в 1970-х годах (Кольцов, 1982, с. 100–107) , в 1980 – 1990-х годах (Малов, 1989; Шаральдинов, 1995), а также автором этих строк в 2002 и 2010 г. (Очир-Горяева, 2003; 2011), тем не менее не удалось обнаружить ни одного местонахождения, которое можно было бы интерпретировать как поселение или стоянку скифского времени. Отдельные находки скифо-сарматской эпохи были сделаны В.И. Марковиным на территориях, приграничных с Республикой Дагестан (Марковин, 1979, с. 117–118; 1980, с. 117; 1991, с. 20–52). Очевидно, что даже если поселения скифской эпохи и существовали, количество и размеры их были незначительными, соответственно они не играли существенной роли в экономике племен скифского времени в Нижнем Поволжье.

В Северном Причерноморье, по данным Н.А. Гаврилюк, памятники оседлости известны по берегам пойм всех крупных рек: в Побужье-Поингульце, Поднестровье, Подонье, на реках Молочной, Утлюках, Корсаке и т.д. Но среди всех областей, именно в Нижнем Поднепровье, плотность поселений скифской эпохи особенно высока. Здесь, кроме Каменского городища, имеются еще два крупных городища (Совутинское и Копуловское), а также насчитывается 106 поселений, различных по размерам и степени изученности. Все они находятся на той же территории среднего течения Днепра, где находится большинство скифских курганов, в том числе царских. По данным разведок, известно также, что десятки памятников оседлости скифской эпохи не удалось исследовать до затопления их водами Каховского водохранилища (Гаврилюк, 2013, с. 158). Аналогией столь интенсивному заселению в скифскую эпоху является Нижнее Подонье с Елизаветовским городищем в центре. О плотности населения степного Причерноморья свидетельствует также впечатляющее количество грунтовых могильников скифского населения. По сводке М.А. Остапенко, только в Правобережном Приднепровье насчитывается 22 грунтовых могильника, часть из которых насчитывает десятки погребений (Остапенко, 2007, с. 143–179). Например, в могильнике Скельки было исследовано более 50 скифских грунтовых погребений (Попандопуло, 2011), в некрополе у с. Николаевке – 68 погребений (Мелюкова, 1975). Особенно следует выделить могильник Мамай-Гора, в котором было открыто 341 погребение V–IV вв. (Тощев, 2009, с. 189–190).

В степях Южного Приуралья также пока не исследованы поселения скифской эпохи. М.Г. Мошкова в публикации Аландского могильника предполагала частичную оседлость племен, живших в бассейнах рек Сакмары, Чагана, Илека и Белой, исходя из природно-географической среды, факта существования обширных дромосных могил с последовательными подхоронениями и преобладания в качестве заупокойной пищи костей КРС (Мошкова, 1972, с. 49). Позднее к аналогичному предположению о частичной оседлости населения на более обширной фактологической базе пришел Б.Ф. Железчиков (1983, с. 56). Список из семи местонахождений с

керамикой скифского времени, «позднесавроматской и раннепрохоровской» (Пшеничнюк, 1987, с. 74) был опубликован Н.С. Савельевым. Пока ни одно из этих местонахождений не подвергнуто стационарным раскопкам, но примечательна серийность местонахождений и приуроченность памятников проживания к крупным курганным могильникам скифской эпохи: Аландского и Переволочанского и др. (Савельев, 1998, с. 53–58).

В Ишимских и Кулундинских степях, по данным М. Хабдулиной, насчитывается целый ряд поселений раннего железного века, а также ряд более мелких поселений-стойбищ с тонким культурным слоем, открытых А.З. Бейсеновым в Каркалинских горах (Хабдулина, 2003, с. 189–199). Поселения Кеноткель X, Таскора, Таскора-1 были открыты впервые в 90-х годах прошлого века. На этих памятниках были исследованы жилища двух типов: землянки и полуземлянки, стены которых были часто выложены камнем. На поселениях насчитывается от 3–4 до 10–40 следов жилых конструкций. Керамика этих памятников определена как кеноктельско-таскорский комплекс, который служит датирующим признаком. По аналогиям с материалом вновь открытых поселений (мотыжек и кеноктельско-таскорской керамики) были передатированы сакским временем поселения, ранее относимые к переходному периоду: Тагибай Булак, Кулман. «Существование поселений с капитальными и трудоемкими по возведению строениями – свидетельство их круглогодичного и стационарного использования. Наличие оседлых памятников второго типа – небольших по площади стойбищ, расположенных в горных мелкосопочных долинах, свидетельствует о сезонном характере отгонного скотоводства» (Хабдулина, 2003, с. 198). В горных долинах Семиречья, где расположены знаменитые Бесшатырские курганы и курган Иссык, в 1994–2001 гг. казахско-американской экспедицией были проведены комплексные исследования. В долинах небольших рек Талгар, Цыганка и Талды-Булак было обнаружено 16 поселений сакского времени. На трех из них – поселениях Тузусай, Цыганка-8 и Цыганка-4 – проведены раскопки, которые выявили жилища полуземляночного типа, с очагами и обмазкой полов. Палеоботанические исследования выявили наличие зерен пшеницы, проса, ячменя. На поселении Тузусай обнаружены зерна риса и рисовая шелуха. Один из найденных сортов пшеницы мог культивироваться только с помощью искусственного орошения. Кроме скотоводства оседлая часть сакского населения практиковала богарное и орошаемое земледелие, выращивала ячмень, просо, пшеницу и, возможно, рис. (Chang and i.al, 2002).

На территории распространения пазырыкской археологической культуры в степных долинах Горного Алтая с 1983 по 1990 г. было открыто 92 поселения эпохи энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Культурный слой раннего железного века встречался намного чаще и зафиксирован на 89 поселениях. Из них 37 поселений были однослойными пазырыкскими. Важным является то, что поселения так же, как и в Ишимских и Кулундинских степях, делятся на два типа. Одни из них, с тонким культурным слоем, расположены в высокогорных районах и демонстрируют строгую ландшафную

приуроченность. Все они находятся в логах горных долин, защищенных от ветров. Поселения с мощным культурным слоем расположены на склонах южной экспозиции в широких долинах правых притоков р. Катуни. П.И. Шульга предполагает, что поселения с тонким слоем были оставлены скотоводами, в то время как поселения с мощным культурным слоем – населением, ведшим комплексное земледельческое хозяйство. По результатам разведочных раскопок на ряде поселений установлено наличие солидного культурного слоя – до 40 см, с костями животных и фрагментами керамики. Поселенческая керамика сходна с фрагментами керамики из насыпей и поминальных колец пазырыкских курганов На исследованных П.И. Шульгой поселениях получено более 10 тысяч фрагментов костей животных. Вид животных удалось установить на 5940 фрагментах костей. В процентном отношении первое место занимают кости лошадей, затем овец и последнее место – кости крупного рогатого скота, т.е. коров. Соотношение перечисленных видов животных варьирует в различных регионах Горного Алтая (Шульга, 1990; 1998, с. 44–47).

На территории распространения уюкско-саглынской культуры в последние годы также открыто несколько поселений с культурным слоем, часть которого сформировалась в скифское время. Одно из них открыто П.И. Шульгой в знаменитой Уюкской долине Саянского нагорья, где были раскопаны два царских кургана Аржан и Аржан-2. «Судя по мощности культурного слоя (более 80 см) и керамике, поселение функционировало в раннем железном веке и, возможно, в гунно-сарматское время. Нельзя полностью исключить и наличие более ранних слоев III–II тыс. до н.э. Культурный слой насыщен хорошо сохранившимися колотыми костями животных, керамикой (сосуды с валиками, один – с поддоном) и углями. Зафиксированы фрагменты жилищных (?) конструкций из камня» (Шульга, 2011, с. 267). Схема расположения полностью совпадает с пазырыкскими поселениями, в чем выражается, конечно же, одинаковая ландшафтно-географическая ситуация поселений. Судя по приведенным данным, племена Нижнего Поволжья оказываются чуть ли не единственными в степной зоне Евразии, ведшими экстенсивное кочевое скотоводство без симбиоза с анклавами оседлого населения на их территории.

Количество памятников. На всей территории Нижнего Поволжья в конце 1980-х годов мной было учтено 226 инвентарных погребений конца VI – начала IV в. до н.э. (Очир-Горяева**,** 1988, приложение 1). По моим наблюдениям, количество погребений скифской эпохи в Нижнем Поволжье пополняется единицами и вряд ли перевалило на сегодняшний день число 300. Поэтому, учитывая приблизительность расчетов, можно считать именно эту цифру как приемлемую для памятников классической скифской эпохи Нижнего Поволжья. Если сравнивать количество памятников других региональных культур, то Нижневолжские памятники оказываются самыми малочисленными по всей степной зоне. В сводке «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», опубликованной в 1986 г., учтено 124 погребения конца VI–V в. до н.э. и 2300 по-

гребений, датирующихся IV – началом III в. до н.э. (Черненко и др., 1986, с. 352). С учетом раскопок в последующие годы количество курганных погребений скифской эпохи Северного Причерноморья можно округлить до 2600. Это количество только курганных захоронений. Скифы-степняки Северного Причерноморья оставили также немалое количество грунтовых захоронений. В последнем издании труда по экономике Скифии Н.А. Гаврилюк оценивает общее количество погребений (курганных и грунтовых) приблизительно в 4000 (Гаврилюк, 2013, с. 85).

В Южном Приуралье в свое время мною было учтено 106 инвентарных погребений (Очир-Горяева**,** 1988, приложение 1). Однако в последующие годы погребения скифской эпохи были раскопаны целыми сериями, и, по моим подсчетам, в настоящее время насчитывается около 500 инвентарных комплексов скифского времени (Очир-Горяева, 2006, с. 107–122; 2006б, с. 94–107). В Ишимских степях М. Хабдуллиной были учтены 165 погребений V–II вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, с. 19). Это без учета семиреченских сакских погребений, количество которых явно превышает количество погребений северных степей. Согласно последним опубликованным данным, насчитывается почти 600 погребений пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144). В степных долинах Саянского нагорья, согласно учету памятников, проведенному в 1989 г., насчитывалось 334 погребения саглынской культуры скифского времени (Савинов, 2002, с. 107). С учетом последующих раскопок в последние 24 года количество памятников должно достичь 400. Несмотря на то что территория Нижнего Поволжья никак не меньше территории степных долин Саянского нагорья и во много раз больше территории степных долин Горного Алтая, количество памятников скифской эпохи здесь остается наиболее малочисленным во всей степной зоне.

Соотношение курганов и погребений. В Нижнем Поволжье преобладают впускные погребения в курганы эпохи бронзы, они составляют 61,6% от общего числа. Впускных погребений в свои курганы очень мало, они составляют 4% от общего числа (Очир-Горяева, 1989, с. 35–54). Такое соотношение прослеживается во всех могильниках Нижнего Поволжья. Исключение составляют три могильника: курганный могильник у с. Усатово, Аксеновский-1 и Аксеновский-II. В могильнике у с. Усатово из 5 погребений скифского времени 4 – основные и только одно впускное. В Аксеновских-I–II могильниках 29 погребений скифского времени были основными и единственными в кургане (Шилов, Очир-Горяева, 1997, с. 127–153). Тем не менее получается, что в среднем только каждое третье погребение скифской эпохи в Нижнем Поволжье было основным. О скифах Северного Причерноморья готовых данных не нашла, но удалось вручную подсчитать по таблицам на 148 страницах, что среди более чем 2000 погребений только 722 погребения были основными (Черненко и др., 1986, с. 58–206), то есть у скифов примерно каждое третье погребение также было впускным. В Южном Приуралье, наоборот, преобладают основные погребения, только 35,4 % погребений были впускными, при этом половина из них была впущена в свои же курга-

ны (Очир-Горяева, 1989, с. 35–54). По сакским погребениям как Семиречья, так и Ишимских и Кулундинских степей не удалось найти статистических данных. По основным публикациям можно сделать некоторые выводы. В бесшатырских курганах почти всегда одно погребение, только в некоторых курганах были боковые погребения с южной и северной сторон основного погребения (Акишев, Кушаев, 1963). Судя по монографии М. Хабдулиной, преобладают небольшие курганы с одним единственным погребением (Хабдулина, 1994, с. 17–29). Абсолютно точно установлено, что в пазырыкской культуре каждое погребение было основным (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144). В уюкско-саглынской культуре преобладают многократные погребения в деревянных срубах, каждое под своей небольшой курганной насыпью. Таким образом, получается, что чем восточнее, тем выше процент основных погребений.

Погребальный обряд населения скифской эпохи в Нижнем Поволжье не отличается большим разнообразием. В основном это захоронения в простых прямоугольных ямах (узких или широких). Преобладающее положение погребенных – на спине, вытянуто. Ориентировка погребенных головой в широтном направлении, в подавляющем большинстве – на запад. П.Д. Рау, впервые выделяя в особую группу памятники культуры скифского времени, считал их основным признаком обряд погребения, резко отличающийся от предшествующих – погребений бронзового века и последующих – сарматских меридиональных могил: закругленные углы у ямы прямоугольной или овальной формы, с перекрытием из хвороста при редком использовании дерева. Покойники лежали в вытянутом положении на спине, головами на запад, реже на восток, часто правая рука погребенного находилась на нижней части живота. В качестве заупокойной пищи в могилы клали расчлененные и обезглавленные туши овцы, части туши лошади и коровы (Rau, 1929).

Тщательному анализу был подвергнут погребальный обряд в трудах К.Ф. Смирнова и В.Г. Петренко. В них рассмотрены топография могильников и типы курганов, оборудование погребальных помещений и надмогильные сооружения, ориентировка и поза погребенных, различные формы проявления культа огня. Однако анализ погребального обряда Нижнего Поволжья и Южного Приуралья был выстроен так, что нивелировал особенности каждой группы (Смирнов, 1964, с. 75–100; Смирнов, Петренко, 1963, с. 18, табл. II–VII). Анализ погребального обряда, проведенный мной в кандидатской диссертации, был нацелен, напротив, на выявление различий в погребальном обряде Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Очир-Горяева, 1988; 1989, с. 35–54). По данным всех исследований погребального обряда, нижневолжские курганы (в случаях, когда погребение скифской эпохи было основным) содержали одно погребение и имели очень простое устройство. Высоты насыпей варьировали от 0,30 до 1,70 м[7]. Именно это обстоятельство не позволило использовать данные

[7] Исключением был только один меморативный (без погребения) курган с каменной насыпью из могильника Горная Пролейка с насыпью высотой 2,5 м.

по Нижнему Поволжью для анализа планиграфии курганов.

При применении планиграфического анализа на памятниках других регионов скифского круга культур мною установлено, что погребальные сооружения, в нашем случае курганы, ориентированы по местности и организованы внутри и вокруг так, чтобы переход души умершего в мир мертвых проходил в пределах кургана, соответственно на территории кургана проходила граница между двумя мирами.

По виду ориентированности погребальных сооружений широтной (по линии восток – запад) и меридиональной (по линии юг – север) устанавливается место расположения страны мертвых. При широтной ориентации устанавливается расположение страны мертвых в западной стороне, внизу, а при меридиональной – в северной стороне, наверху. Судя по различным деталям, можно полагать, что широтно ориентированные курганы строили те, кто ориентировался на местности стоя лицом на восток, а меридионально ориентированные курганы строили те, кто ориентировался стоя лицом на юг или на север. Вид ориентированности погребальных сооружений выражается как во внутреннем устройстве каждого погребального сооружения (положение погребенного, порядок расположения погребенных в одной могиле, взаиморасположение могил и других элементов насыпи и т.д.), так и во внешнем устройстве погребальных сооружений – расположении курганов на местности, расположении балбалов, тризн, рвов вокруг курганов и т.д. (Очир-Горяева, 2012). Очевидно, что ориентированность погребальных сооружений носит системный характер и пронизывает погребальное сооружение от самого элементарного уровня до самого общего.

К археологическим культурам с широтной ориентацией погребальных сооружений относятся курганы Северного Причерноморья, сакские курганы[8] и пазырыкские курганы Горного Алтая. Погребения кочевников Нижнего Поволжья обнаружили одинаковую с Северным Причерноморьем, Семиречьем и Горным Алтаем ориентировку и положение погребенных на спине, головой на запад, и одинаковое с Горным Алтаем расположение уздечных наборов с северной стороны, символизирующее захоронение коня за пределами ямы. На этом основании они были отнесены мною к археологическим культурам с широтной ориентацией погребальных сооружений (Очир-Горяева, 2012).

Элитные погребения. Среди погребальных комплексов кочевников Евразии в каждом регионе особо выделяются наиболее богатые, или «элитные» комплексы. В силу многочисленности, богатства, разнообразия погребального инвентаря и сложности могильных сооружений «элитные» комплексы наиболее ярко выражают хронологические позиции и этнокультурные особенности своей группы. Погребения верховых коней и транспортные средства, наряду с трудоемкостью погребального сооружения, наличием захоронений сопровождающих лиц, количеством и каче-

[8] За исключением Сергеевского микрорайона, где расположен курган Байкара и подобные ему памятники. Особый характер памятников Сергеевского микрорайона и их отличие от окружающих сакских памятников многократно подчеркивала М.Х. Хабдулина (Хабдулина, 1994)

ством сопровождающего инвентаря являются одним из основных признаков определения социального статуса погребенных (Курочкин, 1980, с. 105–117).

Среди памятников скифской эпохи Нижнего Поволжья не удается выделить ни одного погребения, которое можно было бы отнести к категории элитных. Наиболее знаменитым и богатым считается погребение А-12 могильника Блюменфельд. В обширной подквадратной яме было обнаружено погребение двух воинов с оружием и уздечными наборами (Смирнов, 1964, рис. 11а: 1). Погребения с золотыми предметами насчитываются единицами. Это, прежде всего, погребения с нашивными бляшками из золотой фольги с изображением животного из трех женских погребений и двух случайных находок (Очир-Горяева, 1993, с. 35–38). Бляшки эти были единственными золотыми предметами в погребении. Наиболее выдающейся золотой находкой является пара серег из кургана Сазонкин Бугор (Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965, с. 143–153). При женском костяке найдены золотые серьги в виде двух всадников на конях с колесницами и зеркало пелопонесского типа. Подобные серьги были найдены в женском погребении из Ахалгори и в погребении 6 на нижней террасе городища Вани (Лордкипанидзе, 1977, с. 164, рис. 85–90; Очир-Горяева, 1992, с. 18–19). В кургане 2 Сазонкин Бугор и в кургане 3 Жутово были найдены обкладки деревянных сосудов из золотой фольги. В мужском погребении у с. Комсомольское железные уздечные бляшки и наносник были инкрустированы золотыми пластинками. Этим исчерпывается список погребений с предметами из золота.

В Нижнем Поволжье зафиксирована всего одна находка греческого импорта – это родосская расписная амфора из впускного погребения 3 кургана 3 у с. Аксай, которая по аналогиям из Гермонассы и Ольвии датируется второй половиной VI в. до н.э. (Дьяченко и др., 1999, с. 108).

Инвентарь большинства нижневолжских погребений состоит из грубого лепного сосуда и железного ножа. Именно скудость инвентаря и отсутствие импорта, позволяющего выйти на абсолютные даты, были причиной установления периодизации культуры нижневолжских кочевников на основе типологии бронзовых наконечников стрел (Очир-Горяева, 1996, с. 41–45; Ochir-Goryaeva, 1998, p. 129–132). Не встречены в Нижнем Поволжье и сопровождающие захоронения коней. Имеется только 17 погребений с предметами узды.

В целом отсутствие элитных погребений обнаруживает некий провинциальный характер культуры и скудость материальных и социальных ресурсов.

Проведем сравнение с другими культурами скифского круга степной зоны.

В Северном Причерноморье, по подсчетам Б.Н. Мозолевского, выделялись 23 кургана царского ранга (Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4) и более 40 курганов знати, которые он разделил на четыре категории по высоте курганов от 3 м до 21 м. Несметные в буквальном смысле слова сокровища скифских элитных курганов приобрели всемирную известность, о чем свидетельствуют десятки со-

лидных томов каталогов выставок по скифскому золоту (Artamonov, 1970; Gold der Steppe, 1991; Gold der Skythen,1993; Scythian Gold, 1999).

В соседнем Южном Приуралье категорию царского имеет курган 1 Филипповского могильника (Пшеничнюк, 1989; The golden deer of Eurasia, 2001). Около десятка элитных курганов того же Филипповского могильника и могильника Прохоровка содержат солидное количество золота, предметов искусства и импортов из Передней Азии (Яблонский, 2008; 2010). Элитными курганами саков являются Чиликтинский курган, Иссык с погребением «золотого человека», а также большие курганы Бесшатырского могильника (Черников, 1963; Акишев, Кушаев, 1963; Акишев, 1976).

Элитными курганами пазырыкской культуры являются два Туэктинских, два Башадарских (Грязнов, 1960; Руденко, 1953; 1960), Большой Катандинский (Радлов, 1979), курган Шибе (Баркова, 1978, с. 37–44) и два кургана могильника Берель (Сорокин, 1969, с. 208–236; Samashev u.a., S. 237–277). Пять курганов могильника Ак-Алаха, один курган из могильника Кутургунтас также обладают всеми признаками элитных погребений (Полосьмак, 2001; Феномен алтайских мумий, 2001). В степных долинах Саянского нагорья имеется ряд богатых погребений развитой уюкско-саглынской культуры. Ярким элитным погребением раннего алдыбельско-уюкского этапа является курган Аржан-2 (Cugunov, Parzinger, Nagler, 2003, S. 113–162). Культура кочевников Нижнего Поволжья отличается от уюкско-саглынской культуры явным этнокультурным единством на всей территории ее распространения. В качестве элитных можно было бы рассмотреть нижневолжские погребения с церемониальными уздечными наборами, среди которых выделяется выдающийся комплекс погребения 1 могильника Хошеутово, содержавший 332 бронзовых предмета конской упряжи (примерно от 11 наборов), из которых 196 оформлены в зверином стиле (Ochir-Goryaeva, 2005). Но проблема в том, что во всех этих комплексах были найдены только предметы узды. Создается впечатление, что с церемониальными уздечными наборами были погребены жрицы, проводившие обряды с участием коней, украшенных церемониальными уздечными наборами. Нижнее Поволжье – единственный регион во всей степной зоне, не представленный памятниками правящей элиты – показателем зрелости социальных структур общества и экономического могущества его правителей. Почти полное отсутствие импорта как греческого, которым просто насыщены северопричерноморские памятники, так и импорта восточного, который широко представлен в соседнем Южном Приуралье, также характеризует слабую вовлеченность нижневолжских кочевников в торговый, дипломатический, политический и иной кругооборот как с ближайшими, так и с дальними регионами, без которого невозможно накопление предметов роскоши у верхушки общества.

Слабая экономическая база племен Нижнего Поволжья в скифскую эпоху может объясняться тем, что на их территории не существовало значительных поселений, анклавов оседлого населения, занятого обработкой земли, добычей полезных ископаемых,

ремеслами и другой интенсивной деятельностью, то есть производством прибавочного продукта. Экстенсивное скотоводство в чистом виде без указанного симбиоза не способно привести к стабильному экономическому развитию и обогащению правящей верхушки. По определению А.М. Хазанова, проживание в одной экологической зоне кочевников и оседлого населения приводило к интеграции их в единую социально-политическую и экономическую систему (Хазанов, 2002, с. 366–369). Такую же схему предполагает К. Чанг для саков Семиречья, когда усиление кочевников и подчинение оседлого сельскохозяйственного населения региона привело к накоплению огромного богатства благодаря контролю над торговыми путями и развитию сельских и урбанистических поселений в конце сакского времени (Chang et al., 2002, p. 89–90).

Заключение. Проведенный обзор по ряду показателей для оценки общего и особенного в культуре кочевников Нижнего Поволжья классической скифской эпохи показал, что данная группа памятников является неотъемлемой частью круга культур скифской эпохи степной зоны Евразии. В силу полупустынного характера правобережной части нижневолжских степей и отсутствия значительного оседло-земледельческого компонента культура кочевников Нижнего Поволжья отличается некоторым «отставанием» по уровню социально-экономического развития по сравнению с остальными культурами степного пояса.

В связи с этим хотелось бы отметить, что отсутствие элитных погребальных сооружений с богатым инвентарем, золотыми изделиями, греческим импортом, доморощенность погребального инвентаря и, наконец, малочисленность и впускной характер большинства памятников, оставленных нижневолжскими кочевниками, не соотносятся с образом воинственного, а значит, обладающего военной и экономической силой племени савроматов, известных нам по сведениям греческих авторов, прежде всего, Геродота. По данным письменных источников, савроматы были наиболее приближенным к скифам племенем, говорившем хоть и на издревле искаженном, но все же скифском языке, в отличие от других племен, для общения с которыми требовались переводчики. Савроматы были в числе трех племен, предложивших себя в качестве союзников скифов в войне с Дарием и принявших в этой войне активное участие. На указанное несоответствие автору этих строк приходилось указывать в ряде работ (Очир-Горяева, 1988, с. 95–99; 1992, с. 32–41; 1993, с.132–140). Предпринятый в данной статье анализ памятников Нижнего Поволжья в сравнении с другими археологическими культурами скифской эпохи степной зоны Евразии подтверждает высказанные почти четверть века назад аргументы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А.* Культура саков долины реки Или (VII–IV вв. до н. э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: б/и, 1963. – С. 9–136.

2. *Баркова Л.Л.* Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. – Вып. 19. – Л., 1978. – С. 37–44.

3. *Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. – 1965. – № 2. – С. 143–153.

4. *Гаврилюк Н.А.* Экономика Степной Скифии VI-*Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 255 с.

5. *Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР в 1952 г.). – М.: АН СССР, 1952. – С. 39–94.

6. *Грязнов М.П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 60 с.

7. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

8. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Сарматское погребение скептуха 1 в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. – 1993. – № 3. – С. 141–179.

9. *Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. – Вып. 2. – Волгоград, 1999. – С. 108–115.

10. *Железчиков Б.Ф.* Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов: Межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С. 54–58.

11. *Ивлев М.И.* Приложение 4. Палеогеографическая обстановка в районе Нижнего Поднепровья в IV в. до н. э. // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 311–319.

12. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. – 233 с.

13. *Кольцов П.М.* Результаты археологических разведок 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков / Отв. ред. проф. У.Э. Эрдниев. – Элиста, 1982. – С. 100–107.

14. *Курочкин Г.Н.* Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н. э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. – С. 105–117.

15. *Лордкипанидзе О.* Ванское городище: раскопки, история, проблемы (статья вторая) // Вани. Археологические раскопки. – Т. III. – Тбилиси, 1977. – С. 153–175.

16. *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989 / Архив ИА РАН. – Р-1. – 13669.

17. *Малов Н.М., Филипченко В.Р.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологический вестник. Вып. 4. – СПб., 1995. – С. 52–61.

18. *Марковин В.И.* Материалы к историко-археологической карте Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. – Элиста, 1991. – С. 20–52.

19. *Марковин В.И.* Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // АО – 1979. –М.: Наука, 1980. – С. 117–118.

20. *Марковин В.И.* Раскопки в юго-восточных районах Калмыкии // АО – 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 117.

21. *Мыськов Е.П., А.В.Кияшко А.В., Скрипкин А.С.* Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. – Вып. 2. – Волгоград, 1999. – С. 149–166.

22. *Мелюкова А.И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. – М.: Наука, 1975. –259 с.

23. *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. – Київ: Наукова думка, 1979. – 213 с.

24. *Мошкова М.Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. – № 153. – М.: Наука, 1972. – С. 49–78.

25. *Остапенко М.А.* Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ользвия. Скифия. Боспор. – М., Киев, Запорожье, 2007. – С. 143–179.

26. *Очир-Горяева М.А.* Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста: КНИИ ИФЭ, 1987. – С. 35–53.

27. *Очир-Горяева М.А.* О расселении савроматов // Вестник ЛГУ. – Сер. 2. – № 16. – Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1988. – С. 95–99.

28. *Очир-Горяева М.А.* Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н. э.). Дис... канд. ист. наук. – Л., 1988б. – 197 с.

29. *Очир-Горяева М.А.* Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // Российская археология. – 1996. – № 1. – С. 41–45.

30. *Очир-Горяева М.А., Лапа Н.Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого Республиканского Краеведческого Музея // ВДИ. – 2002. – № 3. – С. 200–205.

31. *Очир-Горяева М.А.* Золотые серьги в виде двух всадников из кургана у хут. Сазонкин Бугор // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: тезисы докладов. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1992. – С. 18–19.

32. *Очир-Горяева М.А.* Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // Петербургский Археологический Вестник. – Вып. 6. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 35–38.

33. *Очир-Горяева М.А.* Савроматы Геродота // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. – Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993а. – С. 132–140.

34. *Очир-Горяева М.А.* Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // Российская археология. – 1992. – № 2. – С. 32–41.

35. *Очир-Горяева М.А.* Памятники Южного Приуралья: общее и особенное // Археология и антропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: Институт археологии РАН, 2010. – С. 285–295.

36. *Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. – М.: Таус, 2012. – 486 с.

37. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 г. / Архив КИГИ РАН. – Оп. 2. – Д. 48.

38. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2010 г. / Архив КИГИ РАН. – Оп. 2. – Д. 54.

39. *Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 72–80.

40. *Пшеничнюк А.Х.* Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989б. – 32 с. (Препринт).

41. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

42. *Тощев Г.Н.* Мамай-Гора и археологические культуры степного Причерноморья // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XV. Збірник науковых праць. – Запоріжжя, 2009. – С. 189–190.

43. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – М., 1975. – 170 с.

44. *Шилов В.П., Очир-Горяева М.А.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I–II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. – Вып. 1. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 127–153.

45. Памятники срубной культуры. Волго-уральское междуречье // САИ. – Вып. В 1-10. – Т. 1. – Саратов, 1993. – 198 с.

46. *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

47. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., Л.: АН СССР, 1953. – 401 с.

48. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., Л.: АН СССР, 1960. – 359 с.

49. *Савельев Н.С.* К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический сборник. – № 1. – Уфа, 1998. – С. 53–58.

50. *Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 204 с.

51. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. – № 104. – М.: АН СССР, 1961. – 101 с.

52. *Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – Вып. Д. 1–9. – М.: АН СССР, 1963. – 76 с.

53. *Смирнов К.Ф.* Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. – 1964а. – № 3. – С. 45–63.

54. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: АН СССР, 1964. – 377 с.

55. *Сорокин С.С.* Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока / Труды ГЭ. – Вып. 7. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. – С. 208–236.

56. *Таиров А.Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в 1 тысячетелетии до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1993. – С. 3–24.

57. *Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. – 429 с.

58. Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

59. *Хабдулина М.Х.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

60. *Хабдулина М.Х.* Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. – Астана, 2003. – С. 189–198.

61. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк Пресс, 2002. – 604 с.

62. *Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1986. – 353 с.

63. *Шаральдинов С.В.* Отчет о разведках в Яшкульском районе Республики Калмыкия / Архив КИОН РАН. – Оп.1, 123.

64. *Шаральдинов С.В.* Отчет о разведках в Яшкульском районе Республики Калмыкия / Архив КИОН РАН. – Оп.1, 123.

65. *Шульга П.И.* Поселения раннего железного века в Горном Алтае. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово: КемГУ, 1990. – 24 с.

66. *Шульга П.И.* Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: среда, культура, социум. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. – С. 44–47.

67. *Шульга П.И.* О топографии поселений древних скотоводов в горно-степных ландшафтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года. – Т. XVII. – Новосибирск, 2011. – С. 265–268.

68. *Яблонский Л.Т.* Прохоровка: у истоков сарматской археологии / МИАР. – № 12. – М., 2010. –383 с.

69. *Яблонский Л.Т.* Сокровища сарматский вождей (материалы раскопок Филипповких курганов). – Оренбург: Димур, 2008. – 142 с.

70. Artamonov M. Goldschatz der Skythen in der Ermitage. Leningrad, Prague: Artia Publ., 1970, 341 p.

71. Chang C., Tourtellotte P., Baipakov K.M.,Grigoriev F.P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age to Medieval Periods in Southern Kazakhstan (Zhetysu). (The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001). Sweet Briar-Almyty, 2002, 179 p.

72. Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Arzan 2 in Tuva. *In*: *Eurasia Antiqua*. 2003, Bd. 9, pp. 113–162.

73. The golden deer of Eurasia. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2001, 303 p.

74. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Neuenünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991. 423 p.

75. Gold der Skythen. Schaetze aus der Staatliches Eremitage St Petersburg. Neumuenster: Karl Wachholtz Verlag, 1993. 262 p.

76. Ievlev M.M. Die naturräumliche Gliederung der Ukraine. *In*: *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991, pp. 18–23.

77. Ochir-Goryaeva M. Early Iron Age Nomads of Low Volga Region (model of Cultural Development). – Oxford: Archaeopress, 1998. pp. 129–132 (BAR International Series; 717).

78. Otchir-Goryaeva M. Ein Sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmykien. *In*: *Eurasia Antiqua*. Bd. 8. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2002, pp. 353–387.

79. Ochir-Goryaeva M. The peculiarities of the geographical distribution of the archaeological sites in Lower Volga region (Scythian epoch). *In*: *The Use of Living Space in Prehistory*. Oxford: BAR, 2004, pp. 135–146 (BAR International Series; 1224).

80. Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk: Deutscher Staatsverl.“Nemgosisdat” ASRR d. Wolgadeutschen, 1929. 112 p.

81. Samasev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu. *In*: *Eurasia Antiqua,* 2002, Bd. 8, pp. 237–277.

82. Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. N.Y: Abrams Inc., 1999, 352 p.

Информация об авторе:

Очир-Горяева Мария Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mariaochir@rambler.ru

CULTURE OF THE NOMADS ON THE LOWER VOLGA DURING THE SCYTHIAN TIME: GENERAL AND ESPECIAL

M.A. Ochir-Goryaeva

The Lower Volga archeological sites of the Classical Scythian period (dating back between the late 6th and 4th cc. BC) are considered against the background of synchronous cultures of the Eurasian steppes, including the Scythian burials of the North Black Sea steppes, the sites of the Southern Ural steppes, the Saka burials of the Ishim and Kulunda steppes, and Semirechye valleys, the sites of the Pazyryk culture in the Altai mountains, and the Uyuk-Saglynsky culture in the steppe valleys of the Sayan highlands. This comparative study has taken into consideration such aspects as the geographical position and the statistics of the sites, the ratio of their main burials to the secondary ones, the presence of sedentary population in the regions in question and of the royal burials in each group of the sites. As a result, both general and specific characteristics of the culture of the Lower Volga nomads in the Scythian epoch have been identified. Thus, it is clear that this was the least numerous group among the cultures of the Scythian world under comparison. Besides, the Lower Volga sites lack settlements and camps with a regular cultural layer of the other groups, testifying to the coexistence of both sedentary and nomadic population in the regions. No royal kurgans (barrows) with luxury items such as gold artifacts, Greek and Oriental import and burials of race horses or subordinate personnel have been registered in the Lower Volga sites either, in contrast to those of other regions. Hence the author argues that the association of this group with the Sawromats may be misplaced.

Keywords: archaeology, Eurasian steppes, the Lower Volga area, the Scythian period, royal burials, kurgans (barrows), settlements, sedentary and nomadic population, the ratio of main to secondary burials, the Sawromats.

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1963. In Akishev, K. A., Kushaev, G. A. *Drevniaia kul'tura sakov i usunei doliny reki Ili (Ancient Culture of the Saka and Usun Tribes from the Ili Valley)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 9–136 (in Russian).

2. Barkova, L. L. 1978. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 19. Leningrad, 37–44 (in Russian).

3. Berkhi,n-Zasetskaia, I. P., Malovitskaia, L. Ya. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 143–153 (in Russian).

4. Gavriliuk, H. A. 2013. *Ekonomika Stepnoi Skifii VI—III vv. do n. e. (Economy of Steppe Scythia in 6th—3rd Centuries BC)*. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine; "O. Filyuk" Publ. (in Russian).

5. Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v Tsentre Azii (Ancient Nomads in the Centre of Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

6. Grakov, B. N., Meliukova, A. I. 1952. In *Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (po materialam konferentsii IIMK AN SSSR v 1952 g.) (Issues of Scythian and Sarmatian Archaeology (basing on Proceedings of the Conference of the Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR, in 1952))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–94 (in Russian).

7. Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan: the Royal Barrow of Early Scythian Time)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Zaitseva, G. I. et al. (eds.). 2005. *Evraziia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiia (Eurasia in Scythian Time. Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ. (in Russian).

9. Dvornichenko, V. V., Fyodorov-Davydov, G. A. 1993. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 141–179 (in Russian).

10. D'iachenko, A. N., Meib, E., Skripkin, A. C., Klepikov, V. M. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2. Volgograd, 108–115 (in Russian).

11. Zhelezchikov, B. F. 1983. In *Istoriia i kul'tura sarmatov (History and Culture of Sarmatians)*. Saratov: Saratov State University, 54–58 (in Russian).

12. Ivlev, M. I. 1991. In Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do, n. e. (Chertomlyk. A Scythian Royal Barrow from 4th Century BC)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 311–319 (in Russian).

13. Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia. Ch. I. Kul'tura naseleniia v ranneskifskoe vremia (Scythian Epoch of the Gorny Altai I. Culture of Population in Early Scythian Time)*. Barnaul: Barnaul: Altai State University (in Russian).

14. Kol'tsov, P. M. 1982. In *Pamiatniki Kalmykii kamennogo i bronzovogo vekov (Sites of the Stone and Bronze Ages in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute for History, Philology, and Economics, 100–107 (in Russian).

15. Kurochkin, G. N. 1980. In *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo (Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 105–117 (in Russian).

16. Lordkipanidze, O. 1977. In *Vani. Arkheologicheskie raskopki (Vani. Archaeological Excavations)* III. Tbilisi, 153–175 (in Russian).

17. Malov, N. M. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v Kalmytskoi ASSR, Saratovskoi i Volgogradskoi oblastiakh v 1989 g. (Report on the Archaeological Fieldworks in Kalmyk ASSR, Saratov and Volgograd Regions in 1989)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 13669 (in Russian).

18. Malov, N. M., Filipchenko, V. R. 1995. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 4. Saint Petersburg, 52–61 (in Russian).

19. Markovin, V. I. 1991. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kalmykii (Proceedings and Research on the Kalmykia Archaeology)*. Elista, 20–52 (in Russian).

20. Markovin, V. I. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 g. (Archaeological Discoveries in 1979)*. Moscow: "Nauka" Publ., 117–118 (in Russian).

21. Markovin, V. I. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 g. (Archaeological Discoveries in 1979)*. Moscow: "Nauka" Publ., 117 (in Russian).

22. Mys'kov, E. P., Kiiashko, A. V., Skripkin, A. S. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2. Volgograd, 149–166 (in Russian).

23. Meliukov,a, A. I. 1975. *Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Settlement and Necropolis of Scythian Age near the Village of Nikolaevka)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Mozolevs'kiy, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla (Tolstaja Mogila Barrow)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

25. Moshkova, M. G. 1972. In *Pamiatniki iuzhnogo Priural'ia i Zapadnoi Sibiri sarmatskogo vremeni (Sites of the Sarmatian Time in Southern Cis-Urals and Western Siberia)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 153. Moscow: "Nauka" Publ., 49–78 (in Russian).

26. Ostapenko, M. A. 2007. In *Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy. Ol'viia. Skifiia. Bospor (The World of Classical Antiquity and the Barbarians in the South of Russia and the Ukraine. Olbia, Scythia, the Bosporus)*. Moscow; Kiev; Zaporozhzhya: "Dikoe Pole" Publ., 143–179 (in Russian).

27. Ochir-Goryaeva, M. A. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia Kalmykii (Archaeological Investigations in Kalmykia)*. Elista: Kalmykia Scientific and Research Institute for History, Philology and Economics, 35–53 (in Russian).

28. Ochir-Goryaeva, M. A. 1988. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Leningrad State University)*. Series 2, no. 16. Leningrad, 95–99 (in Russian).

29. Ochir-Goryaeva, M. A. 1988. *Savromatskaia kul'tura Nizhnego Povolzh'ia VI—IV vv. do, n. e. (Sauromatian Culture of Lower Volga Region in the 6th—4th Centuries BC)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

30. Ochir-Goryaeva, M. A. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 41–45 (in Russian).

31. Ochir-Goryaeva, M. A., Lapa, N. L. 2002. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 200–205 (in Russian).

32. Ochir-Goryaeva, M. A. 1992. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i v srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in the Antiquity and in the Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Rostov State University, 18–19 (in Russian).

33. Ochir-Goryaeva, M. A. 1993. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 6. Saint Petersburg: "Farn" Publ., 35–38 (in Russian).

34. Ochir-Goryaeva, M. A. 1993. In *Skifiia i Bospor (Scythia and Bosphorus)*. Novocherkassk: Museum of the History of the Don Cossacks, 132–140 (in Russian).

35. Ochir-Goryaeva, M. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 32–41 (in Russian).

36. Ochir-Goryaeva, M. A. 2010. In *Arkheologiia i antropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Anthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Moscow: "Taus" Publ., 285–295 (in Russian).

37. Ochir-Goryaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepei Evrazii (Ancient Riders of the Eurasian Steppes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

38. Ochir-Goryaeva, M. A. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii Respubliki Kalmykiia v 2002 g. (Report on the Archaeological Fieldworks on the Territory of Republic of Kalmykia in 2002)*. Archive of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies. Inv. 2, dossier 48 (in Russian).

39. Ochir-Goryaeva, M. A. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii Respubliki Kalmykiia v 2010 g. (Report on the Archaeological Fieldworks on the Territory of Republic of Kalmykia in 2010)*. Archive of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies. Inv. 2, dossier 54 (in Russian).

40. Pshenichniuk, A. Kh. 1983. In *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of Southern Urals)*. Ufa, 72–80 (in Russian).

41. Pshenichniuk, A. Kh. 1989. *Raskopki "tsarskogo» kurgana na Iuzhnom Urale (Excavations of the "Royal" Barrow on the Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Urals Branch, Bashkirian Scientific Center (preprint) (in Russian).

42. Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika (From Siberia. Pages from the Diary)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

43. Toshchev, G. N. 2009. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* XV. Zaporizhzhya, 189–190 (in Russian).

44. Shilov, V. P. 1975. *Ocherk po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia (Essay on the History of Ancient Tribes of Lower Volga Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Shilov, V. P., Ochir-Goryaeva, M. A. 1997. In *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Pre-Scythian and Scythian Sites in the South of Eastern Europe)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of Russia 1. Moscow: Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 127–153 (in Russian).

46. Pamiatniki, srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya Culture Sites: Volga-Ural Interfluve). 1993. Series: Corpus of Archaeological Sources V 1-10. Vol. 1. Saratov (in Russian).

47. Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Ukok Riders)*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).

48. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v Skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR,— 401 s (in Russian).

49. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (The Culture of the Central Altai Population in Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

50. Savel'ev, N. S. 1998. In *Ufimskii arkheologicheskii sbornik (Ufa Archaeological Collection)* 1. Ufa, 53–58 (in Russian).

51. Savinov, D. G. 2002. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia (arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenez) (Early Nomads on the Upper Yenisei (Archaeological Cultures and Cultural Genesis))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

52. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The Armament of Sauromatians)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 104. Moscow: AN SSSR (in Russian).

53. Smirnov, K. F., Petrenko, V. G. 1963. *Savromaty Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia (Sauromatians of Volga and Southern Ural Regions)*. Corpus of Archaeological Sources D1–9. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

54. Smirnov, K. F. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 45–63 (in Russian).

55. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

56. Sorokin, S. S. 1969. In *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka (Culture and Art of the Peoples of Orient)*. Proceedings of the State Hermitage Museum 7. Leningrad: State Hermitage Museum, 208–236 (in Russian).

57. Tairov, A. D. 1993. In *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei (The Nomads in the Steppes of Ural and Kazakhstan)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ., 3–24 (in Russian).

58. Tishkin, A. A., Dashkovskii, P. K. 2003. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi (Social Structure and Worldview System of the Altai Inhabitants of the Scythian Era)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

59. Fenomen, altaiskikh mumii (The Phenomenon of Altai Mummies). 2000. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

60. Khabdulina, M. Kh. 1994. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppes of Ishim River Region in Early Iron Age)*. Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).

61. Khabdulina, M. Kh. 2003. In *Stepnaia tsivilizatsiia Vostochnoi Evrazii (The Steppe Civilization of Eastern Eurasia)* 1. Astana, 189–198 (in Russian).

62. Khazanov, A. M. 2002. *Kochevniki i vneshnii mir (Nomads and Outside World)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).

63. Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. P., Skoryi, S. A., Bokii, N. M., Grebennikov, Yu. S. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamiatniki stepei Severnogo Prichernomor'ia (Scythian Burial Sites of the Northern Black Sea Steppes)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

64. Sharal'dinov, S. V., s. a. *Otchet o razvedkakh v Iashkul'skom raione Respubliki Kalmykiia (Report on the Fieldwalking in the Yashkul District, Republic of Kalmykia)*. Archive of the Kalmyk Institute for Social Studies. Inv. 1, 123 (in Russian).

65. Shul'ga, P. I. 1990. *Poseleniia rannego zheleznogo veka v Gornom Altae (Early Iron Age Settlements in Gorny Altai)*. PhD Thesis. Kemerovo: Kemerovo State University (in Russian).

66. Shul'ga, P. I. 1998. In *Poseleniia: sreda, kul'tura, sotsium (Settlements: Environment, Culture, Society)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 44–47 (in Russian).

67. Shul'ga, P. I. 2011. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjacent Territories)* XVII. Novosibirsk: Institute for the Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 265–268 (in Russian).

68. Yablonsk,y, L. T. 2010. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoi arkheologii (Prokhorovka: at the Origins of Sarmatian Archaeology)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of Russia 12. Moscow (in Russian).

69. Yablonsk,y, L. T. 2008. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei: materialy raskopok Filippovskikh kurganov (Treasures of the Sarmatian Chieftains: Materials from the Excavations of the Fillipovka Kurgans)*. Orenburg: "Dimur" Publ. (in Russian).

70. Artamonov, M. 1970, *Goldschatz der Skythen in der Ermitage*. Leningrad, Prague: Artia Publ.

71. Shang, C., Tourtellotte, P., Baipakov, K. M., Grigoriev, F. P. 2002, *The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age to Medieval Periods in Southern Kazakhstan (Zhetysu)*. (The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001). Sweet Briar-Almyty.

72. Cugunov, K. V., Parzinger H., Nagler A. 2003, Der skythische Fürstengrabhügel von Arzan 2 in Tuva. In: *Eurasia Antiqua* 9, 113–162.

73. The golden deer of Eurasia. 2001, New York: The Metropolitan Museum of Art.

74. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. 1991. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag.

75. Gold der Skythen. Schaetze aus der Staatliches Eremitage St Petersburg. 1993. Neumuenster: Karl Wachholtz Verlag.

76. Ievlev, M. M. 1991, Die naturräumliche Gliederung der Ukraine. In: *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 18–23.

77. Ochir-Goryaeva M. 1998. *Early Iron Age Nomads of Low Volga Region (model of Cultural Development)*. BAR International Series; 717. Oxford: Archaeopress, 129–132.

78. Otchi,r-Goryaeva M. 2002, Ein Sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmykien. In: *Eurasia Antiqua* 8. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 353–387.

79. Ochir-Goryaeva M. 2004, The peculiarities of the geographical distribution of the archaeological sites in Lower Volga region (Scythian epoch). In: *The Use of Living Space in Prehistory*. BAR International Series; 1224. Oxford: BAR, 135–146

80. Rau, P. 1929. *Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze*. Pokrowsk: Deutscher Staatsverl. "Nemgosisdat" ASRR d. Wolgadeutschen.

81. Samasev, Z. S., Bazarbaeva, G. A., Zumabekova, G. S. 2002, Die "goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu. In: *Eurasia Antiqua* 8, 237–277.

82. Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. 1999. New York Abrams Inc.

About the Author:

Ochir-Goryaeva Maria A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mariaochir@rambler.ru

УДК 904

БУЛГАРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ГОРОДИЩА ИДНАКАР: К ВОПРОСУ О ТЮРКОЯЗЫЧНОМ КОМПОНЕНТЕ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ[1]

© 2014 г. А.В. Егоров

В статье рассмотрены булгарские материалы городища Иднакар на территории Удмуртской Республики, принадлежавшего местному финно-угорскому населению. За длительный период исследований на городище собран многочисленный материал, определяемый рядом исследователей как булгарский: фрагменты гончарной керамики, некоторые типы украшений, предметы быта и вооружения, которые датируются в целом X–XIII вв. Выдвинута гипотеза о наличии среди населения данного городища тюркоязычного компонента. Поставлен вопрос о функционировании на городище Иднакар торгового представительства Волжской Булгарии. Иднакар, крупнейший памятник региона, играл важную роль в булгарской торговле по Камскому торговому пути на территории Удмуртского Предуралья. Предполагается, что данная торговая фактория могла возникнуть с целью проведения торговых операций между северным фортпостом булгар – Рождественским комплексом в Пермском Предуралье (древняя Афкула) и более южным фортпостом – Елабужским городищем в Восточном Предкамье.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, Удмуртия, Волжская Булгария, городище Иднакар, Камский торговый путь, тюркоязычное население, булгарские материалы.

Временем наиболее интенсивных контактов тюркоязычного населения с финно-угорским населением Камско-Вятского междуречья является период существования в X – начале XIII вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье раннефеодального Булгарского государства. Значительную часть торговых операций булгарские купцы, причем монопольно, проводили на северо-востоке – в Прикамье (бассейн Чулмана), в Предуралье и на Урале, на севере Западной Сибири. Это был регион абсолютного господства булгарских купцов из северо-восточных булгарских городов, в том числе из Алабуги, являвшейся значительным торговым центром на территории Вятко-Камья, а также Рождественского городища (Афкуль?) с преимущественно булгарским населением в Пермском Предуралье.

Булгарские торговцы активно действовали и среди населения бассейна Чепцы и Чусовой на Каме (Моця, Халиков, 1997, с. 27). Территория Камско-Вятского междуречья, бесспорно, входила в зону торговых интересов булгар. В связи с вопросом присутствия булгар среди населения Камско-Вятского междуречья крайне интересны археологические материалы городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской республики – крупнейшего торгового, ремесленного и административного центра средневековых

[1] Автор выражает благодарность М.Г. Ивановой и А.Н. Кириллову за предоставленные материалы и отчеты.

удмуртов. Некоторыми исследователями ранее уже поднимался вопрос присутствия тюркоязычного населения на данном поселении (Иванова, 1990; 1997; Иванов, 1997, с. 140; Напольских, 2006; Коробейников, 2007 и др.), мы попытаемся рассмотреть данный вопрос на более широком материале.

Керамика. Наиболее многочисленной категорией булгарской материальной культуры на многих памятниках Удмуртского Предуралья является глиняная посуда общебулгарской группы. Это по известной классификации Т.А. Хлебниковой – высококачественная гончарная керамика, мелкопесочная, хорошего обжига, преимущественно красного и коричневого цвета, с лощением или без него. Наиболее выразительная керамика Волжской Булгарии представлена на городище Иднакар. За период исследований городища с 1974 по 1992 г. была собрана внушительная коллекция такой керамики; результаты ее изучения приведены в статье Н.А. Кокориной (1995, с. 56–72). Исследования последующих лет лишь подтверждают выводы автора и увеличивают процент булгарской керамики, найденной на городище.

Согласно Н.А. Кокориной, использовавшей в своей статье классификацию Т.А. Хлебниковой, на Иднакарском городище выделяются I, IX, XI и XIII этнокультурные группы.

Ремесленная общебулгарская керамика (I группа) составляет основной массив булгарских керамических изделий. По форме определяются горшки, кувшины, кринки, кружки, блюда, чашки, миски и корчаги. Их поверхность украшена разными видами лощения – вертикальным, горизонтальным и перекрестным. Столовая посуда украшалась также резной волной, линейно-волнистым и линейным орнаментом, многозубчатым штампом, а также оттисками «фигурного» штампа. Хронологически этот комплекс относится к домонгольскому периоду (Кокорина, 1995, с. 57).

В третьем пласте культурного слоя Иднакара, отложенном, по мнению М.Г. Ивановой, в XI–XII вв., выявлен фрагмент лепной чаши с округлым дном, имеющей в составе глиняного теста известняковую крошку, без орнамента. Истоки данной группы посуды связываются, по мнению Н.А. Кокориной, с гузо-куманами (Кокорина, 1995, с. 57, IX группа).

Представляют интерес четыре фрагмента горшкообразных сосудов, обнаруженные в слоях X–XI вв. Три из них, с мелким шамотом, по краю украшены косой насечкой, у одного имеется рифление. Они имеют салтово-маяцкие истоки происхождения. Появление этой группы керамики в начале X в. исследователи связывают с булгарами второй волны – выходцами из районов Среднего Подонья (Кокорина, 1995, с. 57, XI группа посуды). Эта группа керамики характерна для культуры раннебулгарских поселений Закамья, в Предкамье она встречается довольно редко. Единичные находки гошковидных сосудов шамотного теста происходят из раскопок Казанского кремля (Хузин, 1999, с. 9, рис. 5: 1, 2, 7) и Кирменского городища (Нигамаев, 2005, с. 42).

Следует отметить также обломок горшковидного сосуда с округлым дном, изготовленного из глины с примесью крупного песка, орнамент – многорядный волнистый узор, нанесенный с наклоном. Он найден в

слое X–XI вв. По характерным признакам фрагмент относится к группе керамики типа «джукетау», широко распространенного в XI–XIV вв. среди булгарского населения Западного и Восточного Закамья, Предкамья вплоть до бассейна р. Казанки. Подобная посуда изготовлялась, по мнению специалистов, булгарами-сакетимами/джекетауцами (Кокорина, 1995, с. 57; Набиуллин, 2011, с. 62–64, XIII группа посуды).

По мнению А.М. Белавина, частое и устойчивое появление в керамическом комплексе определенной археологической культуры керамики иного культурного происхождения является не только показателем экономических контактов, но и свидетельством переселений групп инокультурного населения в местную среду или других форм этнического проникновения (межэтнические браки, пленники или невольники в результате военных походов и т.д.) (Белавин, 2000, с. 43). Таким образом, находки импортной керамики, в верхних слоях городища Иднакар довольно значительные, могут говорить не только о торговых, но и об этнокультурных связях древних удмуртов с булгарами.

Украшения – одна из наиболее массовых категорий вещевого инвентаря археологических культур Предуралья в период средневековья. На памятниках Верхнего Прикамья, Повычегодья, Зауралья и Приобья выделены значительные группы булгарских изделий X–XIII вв., представленные художественными изделиями из серебра, иногда с позолотой или чернением, имеющие сканно-зерновой декор, филигрань или «булгарские» элементы орнамента (Иванов, 1997, с. 130). Подобные предметы фиксируются исследователями и на городище Иднакар.

Височные украшения, изготовленные из серебра (реже бронзы и золота) представляют собой овальные проволочные кольца с привесками в виде полых шаров или зерни. На Иднакаре можно выделить два типа височных украшений.

Тип 1. Височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием. Височное украшение с крупной каплевидной подвеской, двумя боченкообразными пронизями и нередко крупной бусиной на конце. Часто они украшены треугольниками зерни и сканью, что характерно для домонгольско-булгарского искусства, в котором продолжились и развились «салтовские традиции» (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 46–47). На Иднакаре обнаружена поврежденная отливка серебряной височной подвески с грушевидной привеской, свидетельствующая об отливке подобных украшений непосредственно на месте (рис. 1: 1). Такие украшения исследователи относят к булгарскому кругу ювелирных изделий (Смирнов, 1951, рис. 80; Степи Евразии, 1981, рис. 79: 13, 16; Белавин, 2000, с. 77–78). Аналогичные подвески известны там, где обнаруживаются булгарские следы среди финно-угров. Например, только на территории Пермского Предуралья на могильниках, в кладах и поселениях их собрано более 60 экземпляров. В Удмуртском Предуралье такие подвески найдены в погребениях Мало-Венижского, Чемшай и Варнинского могильников (Белавин, 2000, с. 78).

Тип 2. Бусинные височные кольца. Подобные изделия, характерные для культуры булгар, выполнялись в технике скани и зерни, нередко с золоче-

нием и чернением. Количество полых бус на таких подвесках варьировалось от одной до трех. Такие украшения можно датировать X–XIII вв. и отнести их как к домонгольскому так и к золотоордынскому времени (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 87). В коллекции Н.Г. Первухина имеется трехбусинное височное кольцо, изготовленное из золота (рис. 1: 2). Оно было обнаружено в Иднакаре. Похожие украшения (но с разным числом бусин) неоднократно находили на территории Волжской Булгарии (Казаков, 1978, рис. 33: 35; Руденко, 2001, рис. 40: 10, 13; Степи Евразии, 1981, рис. 79: 11; Валеева, 2008, рис. 2: 4). Известны в археологических материалах Золотаревского поселения в Западном Поволжье (Белорыбкин, 2001, с. 41). В материалах Болгара и Биляра есть литейные формы для отливки подобных трехбусинных колец (Кузьминых, Семыкин, 2006, с. 269). Присутствуют такие украшения в материалах Пермского и Удмуртского Предуралья (Белавин, 2000, с. 73–77; Иванов, 1997, с. 131–132). В инвентаре могильников Перми Вычегодской имеются серебряные бусинные височные кольца, одно из которых представлено на Ыджыдъельском могильнике в комплексе с бесспорно булгарскими украшениями (Савельева, Королев, 2011, с. 94).

Перстни. Находки на Иднакаре представлены перстнями двух типов.

Тип. 1. Перстни с щитком в виде круга, украшенным зернью и сканью. На городище Иднакар обнаружено два таких перстня (рис. 1: 3, 4). Один из них (рис. 1: 3), выполненный из серебра и определенный как «накладка серебряная с зернью», имеет полную аналогию с перстнями, обнаруженными на территории Волжской Булгарии (Степи Евразии, 1981, рис. 79: 17) и Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 182: 12).

Тип. 2. Цельнолитые перстни, имеющие вместо щитка или шатона в верхней вытянутой части обруча глубокое, а иногда и низкое, гнездо для камня. Известно 2 экз. таких перстней на городище Иднакар (рис. 1: 5, 6). Данные перстни т. н. «салтовского типа», по мнению А.М. Белавина, имеют южное происхождение и использовались в качестве импортируемого товара (Белавин, Крыласова, 2008, с. 369–370). Массово они встречаются на Большетиганском, Танкеевском, Тетюшском раннебулгарских могильниках (Казаков, 1992, рис. 22: 15; 61: 15; 73: 42). Похожие перстни со вставками из сердолика и стекла известны на некоторых памятниках Пермского Предуралья, их отнесят к числу булгарских (Белавин, 2000, с. 104).

Браслеты были широко распространенным у булгар украшением для рук. Известны дротовые, пластинчатые, плетеные и составные с самоцветами браслеты (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 94). На Иднакаре найдено 3 пластинчатых браслета с расположением узора на всей поверхности (рис. 1: 7, 8, 9). Похожие экземпляры известны по материалам булгарских селищ (Руденко, 2001, рис. 43: 1; Казаков, 1991, с. 122) и ряда памятников в Пермском Предуралье; они отнесены к числу булгарских (Белавин, 2000, рис. 43). Такие браслеты датируются X–XII вв.

Изделия из кости и рога. Как отмечает А.Г. Иванов, среди изделий из кости «в качестве булгарских можно предполагать некоторые изделия, не типичные для чепецких памятников

Рис. 1. Городище Иднакар. Изделия из цветных металлов (по М. Г. Ивановой): 1 – отливка подвески с грушевидным окончанием; 2 – трехбусинное височное кольцо; 3,4 – щитковые перстни; 5,6 – цельнолитые перстни со вставками; 7,8,9 – пластинчатые браслеты.

и несколько отличающиеся от основной массы предметов особенностями обработки – из качественной светлой кости, с хорошо отполированной поверхностью и часто имеющие циркульный орнамент» (Иванов, 1997, с. 135).

Пуговица из светлой кости с хорошо отполированной поверхностью, украшенной циркульным орнаментом, найдена на городище Иднакар (рис. 2: 1, 2). Подобные изделия относятся к булгарскому кругу (Иванов, 1997, с. 135; Иванова, 1998, с. 209; Белавин, 2000, с. 123) и известны по материалам Биляра, Болгара, Сувара, других памятников домонгольской Булгарии и Золотой Орды (Закирова, 1988, рис. 102: 8–26), Рождественского городища в Пермском Предуралье (Белавин, 2000, с. 123).

Подвеска-амулет из кости найдена на городище Иднакар в ямном сооружении XII–XIII вв. (рис. 2: 3) Подобные изделия, квадратной формы с циркульным орнаментом по периметру и с просверленным отверстием для подвешивания в резной головке, по И.А. Закировой, представляют собой культовые подвески. Являясь подражаниями мусульманским арабским амулетам, они получили распространение в булгарском обществе после принятия ислама (Иванов, 1997, с. 135). Аналогичные подвески часто встречаются в материалах домонгольских памятников Волжской Булгарии (Закирова, 1988, рис. 103: 14, 15; Нигамаев, 2005, рис. 37), были распространены и среди булгар Пермского Предуралья (Белавин, 2000, с. 123).

Гребень. В коллекциях Иднакарского городища имеется булгарский гребень арочной формы с циркульным орнаментом с точкой в центре (рис. 2: 4). Абсолютно аналогичные

Рис. 2. Городище Иднакар. Изделия из кости и рога, орудия труда и оружие (по М. Г. Ивановой): 1,2 – пуговицы из рога; 3 – культовая подвеска-амулет; 4 – костяной гребень; 5,6 – затыльники; 7,8 – перекрестия сабель; 9 – литейная форма; 10 – тигль.

гребни встречались среди массовых находок в Биляре и Болгаре (Закирова, 1988, с. 230), Кирменского комплекса (Нигамаев, 2005, рис. 37) и ряде булгарских селищ (Казаков, 1991, с. 142–143). Известны находки похожих гребней и в древностях Пермского Предуралья (Белавин, 2000, с. 123).

Затыльники из кости, в значительном количестве обнаруженные при раскопках булгарских городов, а также хранящиеся в качестве подъемного материала в музейных коллекциях (Закирова, 1988, с. 222), встречены и на Иднакарском городище (рис. 2: 5, 6).

Орудия труда и оружие в коллекциях Иднакара представлены единичными экземплярами.

Литейные формы. На городище Иднакар найдена литейная форма, изготовленная из камня, и служившая для отливки калачевидных серег булгарского типа, украшенных по поверхности имитацией зерни и скани (рис. 2: 9). Данная форма аналогична литейной форме из темно-серого сланца, найденной в Биляре (Археологические коллекции К(П)ФУ, инв. № 85-189, см.: Белавин, 2000, с. 79). Любопытно, что на Иднакаре в свое время была обнаружена связка из 8 калачевидных серег, которые М.Г. Иванова рассматривала как продукцию местных мастеров (Иванова, 1994, с. 120-121). Мы же солидаризуемся с А.М. Белавиным, который, учитывая факт их нахождения у металлургического горна, считает, что «этот случай указывает на наличие среди населения городища булгар-ювелиров» (Белавин, 2000, с. 79).

Тигли. На городище Иднакар обнаружены также глиняные тигли характерной для булгар цилиндрической формы (рис. 2: 10). Многочисленные аналоги им можно найти среди материалов булгарских городищ. Особенно много их в Биляре Великом – крупнейшем ремесленном центре домонгольской Булгарии (Культура Биляра, 1985, с. 85, табл. XXXIII).

Сабли. На Иднакарском городище обнаружены фрагменты сабельных перекрестий (рис. 2: 7, 8). Рядом исследователей сабли относятся к предметам восточного импорта в Булгарию (Иванов, 1997, с. 134; Белавин, 2000, с. 114–115), однако они изготовлялись и самими булгарами. Из их оружейных мастерских этот вид оружия, характерный в основном для воинов-кочевников, попал в Иднакар. Эти находки, на наш взгляд, можно рассматривать как показатель присутствия булгар среди местного древнеудмуртского населения.

* * *

Выделяя различные категории булгарских предметов в материалах Иднакара, необходимо отметить, что не все исследователи единодушны в определении их как булгарских. Так, некоторые из описанных выше украшений ряд ученых считает продукцией местного производства (Подосенова, 2007, с. 209; Руденко, 2006, с. 91–114; Иванова, 1998, с. 210 и др.). Действительно, вряд ли все украшения с зернью и сканью, найденные на прикамских памятниках, можно безоговорочно считать булгарскими, хотя вопросы происхождения техники зерни и скани в ювелирном деле древних удмуртов до сих пор еще окончательно не решены. С другой стороны, традиционно считается, что, во-первых, некоторые категории даже собственно финских украшений, в частности, коньковые подвески, изготовлялись в производственных центрах Волжской Булгарии по прикамским образцам на продажу местным финнам, во-вторых, в Приуралье (особенно в Пермском), еще с VIII в. испытывавшем сильное влияние хазарской (салтово-маяцкой) культуры, жили булгары, владевшие всеми тонкостями высокоразвитого ювелирного дела (Хузин, 2011, с. 14–15).

Более сложная ситуация складывается с определением предметов, имеющих широкое распространение (цилиндрические замки, элементы поясной гарнитуры, наконечники стрел и т. п.). Как отмечает Ф.Ш. Хузин, «вызывает недоумение попытка авторов объявлять даже широко распространенные по всей Восточной Европе «интернациональные» вещи типа железных пряжек, накладок, кресал, цилиндрических замков и ключей к ним, наконечников стрел самых простых конструкций «асскизскими» или «древнерусскими» по происхождению, отказываясь от их булгарской атрибуции» (Хузин, 2011, с. 14). Так, найденные на городище Иднакар цилиндрические замки интерпретируются как предметы древнерусского производства (Иванова, 1998, с. 205). Вместе с тем подобные замки во множестве встречаются и в материалах Волжской Булгарии (Руденко, 2001, рис. 18; Казаков, 1991, рис. 28; Савченкова, 1996, рис. 14–15 и др.). А.М. Белавин относит их (в т.ч. и замок из Иднакара) к числу наиболее ярких примеров булгарского импорта (Белавин, 2000, с. 79). То же самое можно сказать в отношении некоторых элементов поясной гарнитуры,

отдельных типов наконечников стрел с городища Иднакар – будучи широко распространенными, они имеют самые прямые аналоги в материалах Волжской Булгарии, а ряд исследователей безоговорочно относит их к булгарским изделиям.

Отмечая отсутствие единства мнений ученых относительно интерпретации некоторых категорий находок, мы должны констатировать наличие в коллекциях Иднакара значительного количества предметов, считающихся бесспорно булгарскими. Часть из них справедливо относится исследователями к булгарскому торговому импорту. Однако присутствуют и такие предметы, которые могли попасть на городище только с их носителями. К таковым относятся немногочисленные изделия из кости: затыльники, пуговицы, гребни. Показательно наличие среди материалов городища костяной подвески-амулета. Подобные изделия полностью отсутствуют в материалах Удмуртского Предуралья и известны лишь на некоторых памятниках Пермского Предуралья, где среди населения исследователи выделяют значительный булгарский компонент. И.А. Закирова подобные амулеты относит к культовым, владельцы которых очень берегли их и хранили, а в случае поломки – ремонтировали (Закирова, 1988, с. 235). Маловероятно, что подобные вещи могли выступать в качестве предметов торговли. То же касается и других изделий из кости – сомнительно, что финно-угорское население, обладавшее довольно высокими навыками косторезного дела, покупало или обменивало у булгар такие простые, незатейливые предметы, как пуговицы для одежды.

Кроме того, о наличии булгарского компонента в составе населения Иднакара могут свидетельствовать и ряд других находок, которые вряд ли следует относить к категории импорта – тигли, литейные формы для булгарских украшений, бусинное височное кольцо из золота. Об этом же свидетельствует массовость находок булгарской керамики – на Иднакаре ее более 2% от общего количества. По количеству булгарской керамики городище Иднакар лидирует среди памятников Удмуртского Предуралья и соседней Кировской области, где находок такой керамики выявлено значительно меньше. По мнению Н.А. Кокориной, специально исследовавшей гончарную керамику Иднакара, находки булгарской посуды могут свидетельствовать как о проживании здесь булгар, так и о наличии смешанных с булгарами древнеудмуртских родов (Кокорина, 1995, с. 62). Вместе с тем стоит отметить, что данные находки относятся в основном к позднему периоду существования памятника и составляют небольшую часть находок, в то время как местные финно-угорские находки встречаются в более ранних слоях и количественно преобладают.

У городища Иднакар прослеживаются некоторые аналогии с Рождественским городищем в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008) и Елабужским городищем в Восточном Предкамье в Республике Татарстан (Нигамаев, 2005, с. 7–26). Они бесспорно считаются поселениями, на которых среди местного населения проживали и булгары, причем в значительном количестве. По аналогии с Рождественским и Елабуж-

ским памятниками около Иднакара можно выделить некоторые городища, служившие, вероятно, дозорными постами булгар (например, Кушманское городище, где также обнаружено значительное количество булгарских предметов), использовавшимися для контроля подступов к основной торговой фактории. Ряд исследователей фиксируют на могильнике, расположенном на городище Иднакар, элементы мусульманского погребального обряда (в 54% погребений наблюдается ориентировка на кыблу), что тоже роднит его с некрополями Рождественского и Елабужского комплексов (Крыласова, Белавин, Ленц, 2003, с. 68–69). Из Иднакарского городища известен ряд предметов (элементы поясной гарнитуры и конского снаряжения), связываемых учеными с асскизской культурой (древние хакасы). Данные находки могли оказаться на городище вследствие торговли, а могли попасть вместе с носителями. На Рождественском городище подобные находки связываются исследователями с посещением его аскизами в составе торговых караванов (Белавин, 2003, с. 78–79).

Функции городища Иднакар как военно-оборонительного, ремесленного, торгового и культурного центра Удмуртского Предуралья убедительно доказаны в ходе его многолетних исследований. Более того, по мнению М.Г. Ивановой, «представляется бесспорным, что Иднакар более чем остальные городища подходил в качестве центра достаточно прочного этносоциального образования», т.е. был важным племенным центром (Иванова, 1998, с. 232–233). Можно предположить, что такой центр был известен и за пределами его ближайшей округи и посещался торговыми и дипломатическими миссиями. Подобные гипотезы уже высказывались учеными. Так, по мнению Л.Д. Макарова, некоторые находки древнерусского происхождения, которых, кстати, значительно меньше по сравнению с булгарскими, дают основания говорить о вероятном присутствии русского представительства на данном поселении – торгового, даннического или дипломатического (Макаров, 2001, с. 21). Все это позволяет предположить наличие булгарского компонента (причем, не только торговцев, но и ремесленников, смешанных с булгарами семей и родов) на крупнейшем памятнике региона, игравшем видную роль в системе булгарской торговли по Камскому торговому пути – Иднакарском городище. Несомненно, Иднакар служил крупным торговым форпостом волжских булгар на древнеудмуртских землях, форпостом рождественско-елабужского типа, где совместно проживали пришлые тюркоязычные булгары и местное финно-угорское население – предки удмуртов и коми-пермяков. Данная торговая фактория могла возникнуть с целью контроля территорий между северным фортпостом булгар – Рождественским комплексом в Пермском Предуралье (древняя Афкула) – и более южным фортпостом – Елабужским городищем в Восточном Предкамье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.

2. *Белавин А.М.* Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 3. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003.– С. 72–79.

3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. – 603 с.

4. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. – СПб., Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед ун-та, 2001. – 198 с.

5. *Валеева Д.К.* Искусство города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 125–191.

6. *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 204 с.

7. *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–244.

8. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 309 с.

9. *Иванова М.Г.* Удмуртско-болгарские связи в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 117–124.

10. *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1994. – 192 с.

11. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 294 с.

12. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 129 с.

13. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – 176 с.

14. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

15. *Кокорина Н.А.* Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар (IX–XIII вв.). – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 56–71.

16. *Коробейников А.В.* Иднакар: родовой центр, булгарская колония или фактория? К истории одного научного спора // Иднакар. – 2007. – № 1. – С. 65–75.

17. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т.* Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 3. – Пермь: ПГПУ, 2003. – С. 56–72.

18. *Кузьминых С., Семыкин Ю.* Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. – Т. 2. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – С. 258–272.

19. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 215 с.

20. *Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск: Удмуртский университет, 2001. – 140 с.

21. *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар-Киев. Пути-связи-судьбы. – Киев: Наукова думка, 1997. – 192 с.

22. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме. – Казань: Таткнигоиздат, 2011. – 143 с.

23. *Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен. – Т. 2. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – С. 100–115.

24. *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 228 с.

25. *Подосенова Ю.А.* «Булгарские» височные украшения из Пермского Предуралья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 208–211.

26. *Руденко К.А.* Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: Школа, 2001. – 220 с.

27. *Руденко К.А.* К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. – 2006. – № 9. – С. 91–114.

28. *Савельева Э.А., Королев К.С.* Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Изв. Коми научного центра УрО РАН. – Вып. 3 (7). – Сыктывкар, 2011. – С. 89–97.

29. *Савченкова Л.Л.* Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: Институт истории АН РТ, 1996. – С. 5–88.

30. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 300 с.

31. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 299 с.

32. *Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань: институт истории АН РТ, 1999. – С. 5–31.

33. *Хузин Ф. Ш.* Исследования по булгаро-татарской археологии. – Казань: Фолиант, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 468 с.

Информация об авторе:

Егоров Андрей Владимирович, младший научный сотрудник, Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров, РФ); general882007@yandex.ru

MATERIALS OF THE BULGARS FROM THE IDNAKAR HILL-FORT: TO THE ISSUE OF THE TURKIC COMPONENT IN THE POPULATION

A.V. Egorov

The Bulgar materials from the Idnakar settlement site in the territory of the Udmurt Republic, which had belonged to the local Finno-Ugric population, are considered. Over a long period of research in this hill-fort, a vast material was found and defined by a number of

researchers as related to the Bulgars: potsherds, certain types of jewelry, household items and weapons, dating in general to the 10th – 13th centuries. A hypothesis concerning the presence of the Turkic component among the population of this fortified settlement is put forward. The problem of the Volga Bulgaria's trade mission functioning in the Idnakar hill-fort is formulated. Idnakar, a major monument of the region, had played an important role in the Bulgar trade along the Kama trade route in the territory of the Udmurt Cis-Urals. It is assumed that the trading post could be set up inorder to conduct trade operations between the Bulgar northern outpost – the Rozhdestvenskoye complex in Perm Cis-Urals (ancient Afkula) and a more southern outpost – the Yelabuga fortified settlement in the eastern Cis-Kama area.

Keywords: archaeology, the Volga-Ural region, Udmurtia, the Volga Bulgaria, the Idnakar hill-fort, the Kama River trade route, Turkic component, the Bulgar materials.

REFERENCES

1. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

2. Belavin, A. M. 2003. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 3. Perm: Perm State Pedagogical University , 72–79 (in Russian).

3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

4. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg, Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

5. Valeeva, D. K. 2008. In Starostin, P. N. (ed.)., Poluboiarinova, M. D. (comp.). *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, torgovlia (Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 125–191 (in Russian).

6. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 1987. *Drevnee iskusstvo Tatarii (Ancient Art of Tataria)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

7. Zakirova, I. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–244 (in Russian).

8. Ivanov, A. G. 1997. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsa River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th — First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

9. Ivanova, M. G. 1990. In *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope (Early Bulgarians and Finno-Ugrians in Eastern Europe)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 117–124 (in Russian).

10. Ivanova, M. G. 1994. *Istoki udmurtskogo naroda (Origin of the Udmurt People)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature (in Russian).

11. Ivanova, M. G. 1997. *Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Fortified Site from 9th — 13th Centuries)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature (in Russian).

12. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th—13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

14. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of Early Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Kokorina, N. A. 1995. In *Materialy issledovanii gorodishcha Idnakar (IX–XIII vv.) (Materials from the Investigations on the Idnakar Fortified Site (9th — 13th Centuries)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature, 56–71 (in Russian).

16. Korobeinikov, A. V. 2007. In *Idnakar (Idnakar)* 1, 65–75 (in Russian).

17. Krylasova, N. B., Belavin, A. M., Lents, G. T. 2003. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 3. Perm: Perm State Pedagogical University , 56–72 (in Russian).

18. Kuz'minykh, S., Semykin Yu. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ., 258–272 (in Russian).

19. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X — XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th—15th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

21. Motsia, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, sviazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

22. Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgarians on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

23. Napol'skikh, V. V. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)* 2. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ., 100–115 (in Russian).

24. Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bulgarian Towns of the Cis-Kama: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

25. Podosenova, Yu. A. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (Permian Finns: archaeological cultures and ethnic groups)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 208–211 (in Russian).

26. Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI—XIV vv. (Material Culture of Bulgar Unfortified Settlements in the Low Kama Region in 11th – 14th Centuries)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

27. Rudenko, K. A. 2006. In *Finno-Ugrica* 9, 91–114 (in Russian).

28. Savel'eva, E. A., Korolev, K. S. 2011. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN (Bulletin of the Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences)* 3(7). Syktyvkar, 89–97 (in Russian).

29. Savchenkova, L. L. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

30. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

31. Pletneva, S. A. (manag. ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Khuzin, F. Sh. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 5–31 (in Russian).

33. Khuzin, F. Sh. 2011. *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; "Foliant" Publ. (in Russian).

About the Author:

Egorov Andrey V. Research and Production Center for the Protection of the objects of cultural heritage of the Kirov Region. Karl Liebknecht St., Kirov, 610019, Russian Federation; general882007@yandex.ru

УДК 391.4

ЗОЛОТОТКАНАЯ ШАЛЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2014 г. О.В. Орфинская, О.Б. Лантратова

Представлены результаты комплексного анализа и реконструкции фрагмента шелковой золототканой шали, найденного в мавзолее № 5 Болгарского городища. Структура ткани и состав металлического покрытия нитей изучались с помощью методов микроскопии и микрорентгеноспектроскопии. Результаты исследования золотных нитей позволяют предположить их западное производство. Скорее всего, подобные шали поступали из района Средиземного моря. Данную шаль можно отнести к дорогим изделиям, что указывает на высокий социальный статус погребенной. Тонкие шали встречаются в женских погребениях мусульманских стран начиная с VII в. Вероятно, шаль входила в обязательный набор погребальных одежд мусульманских женщин. Находки шелковых шалей на золотоордынских городищах свидетельствуют о развитых торговых связях, включающих Поволжье в единую систему средневекового мира.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Болгарское городище, шелк, шаль, золотные нити, костюм, технологические исследования, погребальный обряд, торговые связи.

Фрагмент текстиля с золотными нитями был передан М.Д. Полубояриновой для исследования в Институт Наследия им. Д.С. Лихачева. Текстиль был обнаружен Н.Д. Аксеновой во время археологических раскопок в погребении, расположенном в одном из мавзолеев Болгарского городища (мавзолей № 5 на окраине города недалеко от южных ворот, раскоп LXXXVIII 1983–1985 гг.). После проведения исследования и реставрации (реставратор РОСИЗО Н.Н. Цветкова) фрагмент был передан на хранение в Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Методы исследования. Структура ткани исследовалась методами оптической микроскопии в неполяризованном свете (МБС-10 и Leica), увеличение от 10 до 40^{x}. Природу текстильных волокон определяли по морфологическим признакам микроскопическим методом в проходящем поляризованном свете с помощью поляризационного микроскопа ПОЛАМ Р-211. Для исследований готовились постоянные препараты волокон в пихтовом бальзаме. Для сравнения использовалась коллекция эталонных текстильных волокон. Качественный и количественный состав металлического покрытия золотных нитей был определен микрорентгеноспектральным методом (микрозондом) в Научном центре волоконной оптики РАН зав. лабораторией Л.Д. Исхаковой.

Результаты исследования. Фрагмент ткани был сжат, скручен и сильно загрязнен (рис. 1), поэтому до начала исследовательских работ его необходимо было промыть в дистиллированной воде и пластифицировать (слабый раствор полиэтиленгликоля (ПЭГ) 400). Расправив фрагмент, уда-

лось определить полную ширину ткани равную 88-90 см (рис. 2).

Объект можно реконструировать как фрагмент шелковой шали с тканым декором, проходящим полосами на ее концах. Центральная часть изделия – это тонкая, редкая ткань полотняного переплетения (рис. 3). Нити основы и утка имеют одинаковые характеристики: светлый шелк (рис. 4) с Z-круткой, шаг крутки неравномерный, на отдельных участках крутка полностью отсутствует. Толщина нитей в среднем около 0,1 мм, промежутки между нитями от 0,3 до 0,5 мм, плотность ткани около 20/30 н/см.

Тканый декор (рис. 5) располагался поперек полотна. Изделие было декорировано двумя полосами из золотных нитей. Каждая полоса обрамлялась полосами, вытканными из шелковых нитей темного и светлого цветов (рис. 6).

Участок А. Ширина полосы около 2 мм. При переходе на эту полосу нити основы группируются по парам. В полосе нити утка проходят плотно, создавая непрозрачные участки. Порядок проброса цветных утков: 4 ряда темной нити, 6 рядов светлой нити, 2 ряда темной нити, 1 ряд светлой, 1 ряда темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной и 1 ряд светлой нити. Расчетная плотность в этой полосе 10/100 н/см. Нити основы парные.

Участок Б. Ширина полосы около 12 мм. На участке с золотными нитями меняется схема текстильного переплетения. Из полотняного переплетения она переходит в уточную саржу (1/3). Нити золотного утка плотно прижаты друг к другу. Нить базового утка пробрасывается не в каждом ряду, а через ряд. Всего в полосе 26 нитей золотного утка. Расчетная плотность 20/20 н/см.

Золотные нити пряденые (рис. 7), представляют собой шелковую нить, обвитую металлической полоской в S-направлении. Диаметр нити – 0,37–0,38 мм, ширина металлической полоски – 0,37–0,38 мм, шаг крутки – 0,40–0,42 мм.

Таблица 1. Качественный и количественный элементный состав металла золотной нити

Элемент	Содержание элемента в атомных %	
	лицевая поверхность	оборотная поверхность
O	26,48	38.44
Al	1,09	0.89
Fe	0,38	
Cu	4,14	1.02
Ag	42,28	56.18
Au	25,62	-
Si	-	0.51
P	-	0.21
S	-	0.90
Cl	-	1.83

Рис. 1. Общий вид фрагмента шали до начала реставрации

Рис. 2. Общий вид фрагмента в процессе реставрации

Рис. 3. Микрофотография основной ткани полотняного переплетения (сторона квадрата равна 1 см).

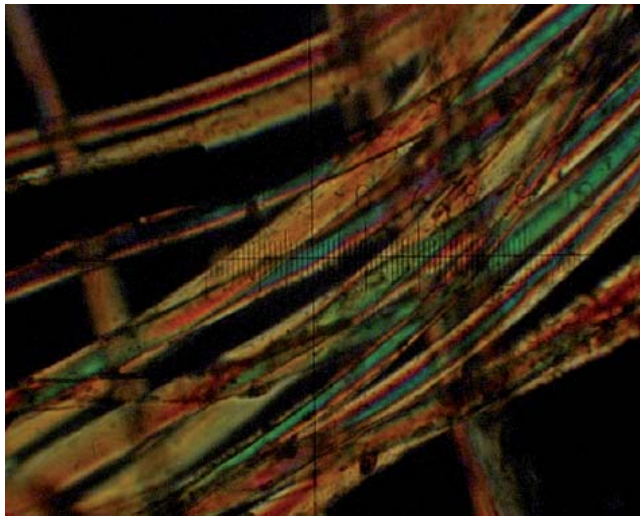

Рис. 4. Микрофотографии волокон шелка исследуемого образца в проходящем поляризованном свете. Цена деления шкалы 0,0017 мм. Поляризатор и анализатор перпендикулярны (темное поле).

Рис. 5. Участок ткани с декором из двух золотных полос.

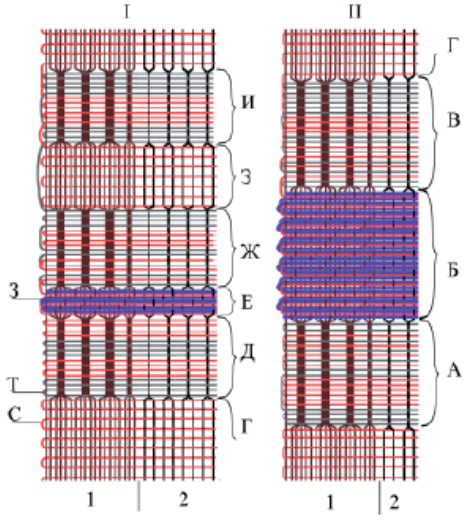

Рис. 6 Схема текстильных переплетений
I и II – единая схема, разделенная на две части в зоне участка Г (на участке Г 21 нить базового утка); А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И – участки декора. 1 – темные нити основы, 2 – светлые нити основы; С – светлые нити утка; Т – темные нити утка; З – золотные нити утка.

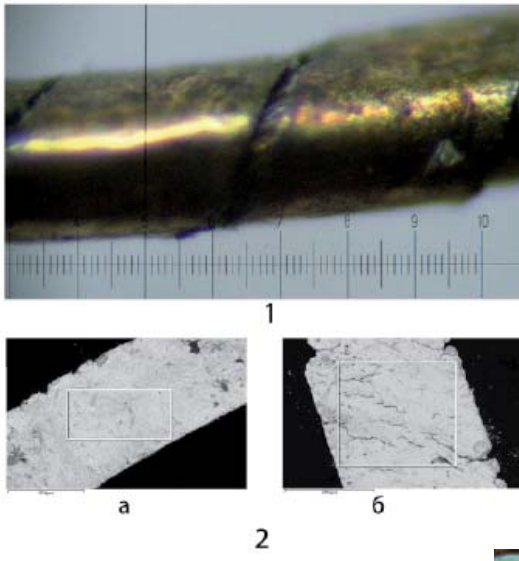

Рис. 7. Золотные нити.
7.1. Микрофотография пряденой золотной нити. Цена деления шкалы 0,012 мм. 7.2. Электронные изображения участков металлической полоски. а – лицевая сторона, б – оборотная сторона. Прямоугольниками обозначены площадки, на которых был произведен качественный и количественный анализ поверхности.

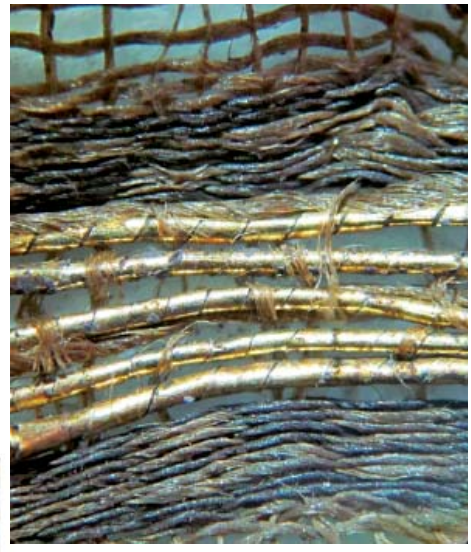

Рис. 8. Декор. Участки Д, Е, Ж.

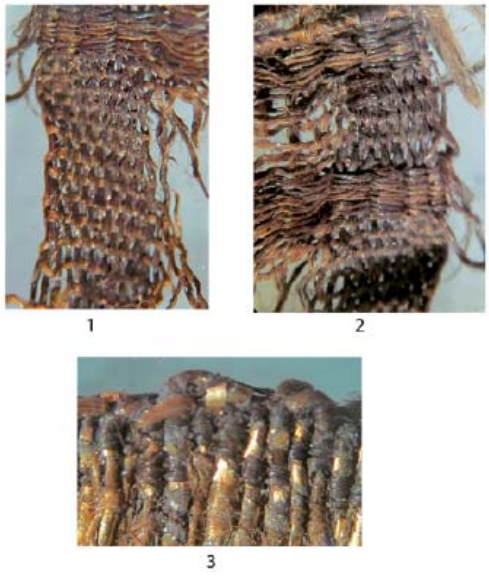

Рис. 9. Кромки ткани:
1. Кромка с темными нитями основы;
2. Кромка, где нити основы собранны в группы;
3. Кромка на участке с золотной полосой.

В таблице 1 приведен качественный и количественный элементный состав металла лицевой и оборотной поверхности металлической полоски золотной нити (рис. 7:2).

Из таблицы видно, что металлическая полоска изготовлена из серебра с небольшой добавкой меди и позолочена с лицевой стороны. На поверхности серебра (обороте полоски) имеются небольшие количества продуктов коррозии – сульфид и хлорид серебра. Остальные элементы входят в состав загрязнений.

Участок В. Ширина полосы около 2,5 мм. Полоса аналогична полосе участка А, но с другим порядком проброса утков: 2 ряда темной нити, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 1 ряд светлой, 1 ряд темной, 5 рядов светлой нити и 7 рядов темной нити. Расчетная плотность в этой полосе 10/100 н/см. Нити основы парные.

Участок Г. Ширина полосы около 8 мм. Основная ткань.

Участок Д (рис. 8). Ширина полосы около 1.5 мм. Полоса аналогична полосе участка А, но с другим порядком проброса нитей утка: 4 ряда темной нити, 4 ряда светлой, 4 ряда темной, 4 ряда светлой. Расчетная плотность в этой полосе 10/100 н/см. Нити основы парные.

Участок Е. Ширина полосы около 4 мм. Полоса аналогична полосе участка Б, но с меньшем числом нитей золотного утка. В этой полосе их всего 5.

Участок Ж. Ширина полосы около 1,5 мм. Полоса аналогична полосе участка А, но с другим порядком проброса нитей утка: 1 ряд темной нити, 1 ряд светлой, 1 ряд темной нити, 1 ряд светлой, 1 ряд темной нити, 1 ряд светлой, 2 ряда темной, 4 ряда светлой, 4 ряда темной. Расчетная плотность в этой полосе 10/100 н/см. Нити основы парные.

Участок З. Ширина полосы около 4 мм. Основная ткань.

Участок И. Ширина полосы около 1,5 мм. Полоса аналогична полосе участка А, но с другим порядком проброса нитей утка: 4 ряда темной нити, 6 рядов светлой, 5 рядов темной нити. Расчетная плотность в этой полосе 10/100 н/см. Нити основы парные.

Далее идет основная ткань.

Кромки. Кромки сохранились с двух сторон. С левой стороны в кромке нити основы темного цвета (рис. 9: 1), с правой стороны – светлые. Конечно, не исключен вариант, что нити с одной стороны ткани просто обесцветились.

В кромках, на участках шелковых полос (участки А, В, Д, Ж, И), нити основы сгруппированы в следующем порядке: крайняя нить одиночная, затем следуют группы из 5 нитей основы и группа из 3 нитей основы (рис. 9: 2). По кромке можно определить, что золотные утки пробрасывали парами с одной стороны (рис. 9: 3), то есть золотную нить пробрасывали слева направо вместе с шелковой базовой нитью утка. Затем меняли зев, и с этой же стороны пробрасывали нить золотного утка без шелковой нити. Затем опять прокидывали справа налево золотный уток с шелковой нитью и т.д.

Заключение. Фрагменты шелковых шалей уже встречались в погребениях золотоордынского времени на Водянском городище (Орфинская, 2011, с. 235–240). Шерстяные, очень тонкие, полупрозрачные шали с декором на концах хорошо известны

по погребениям арабского периода в Египте (Pritchard, 2006, p. 128-130). Близкая шелковая ткань была обнаружена в Нетайловском могильнике, который относится к салтово-маяцкой археологической культуре (Крупа, 2009, с. 399).

Можно предположить, что наличие тонкой шали в женских погребениях не является уникальным явлением. Вероятно, они поступали на рынок как до, так и после XIII–XIV вв.

Результаты исследования золотных нитей позволяют предположить их западное производство. Скорее всего, подобные шали поступали из района Средиземного моря. Шелковую шаль можно отнести к дорогим изделиям, что указывает на хороший достаток, а следовательно, на высокий социальный статус погребенной женщины. Находка фрагмента шелковой шали с декором из золотных нитей является небольшим, но значимым шагом к пониманию роли текстиля в погребальном обряде на территории Болгарского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крупа Т.Н.* Текстиль и органика салтовского времени из Нетайловского могильника // Степи Европы в эпоху средневековья / Гл. ред. А.В. Евглевский. – Т. 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. – С. 343–359.

2. *Орфинская О.В.* Текстильные находки с Селитренного и Водянского городищ // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V международной конференции. – Казань; Астрахань, 2011. – С. 235–240.

3. Pritchard Frances. Clothing Culture: Dress in Egypt in the First Millennium AD: Clothing from Egypt in the collection of the Whitworth Art Gallery. The University of Manchester. Manchester, 2006.

Информация об авторах:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт природного и культурного наследия РАН (г. Москва, Россия), orfio@yandex.ru

Лантратова Ольга Борисовна, кандидат химических наук, ведущий сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия), olga.lantratova@mail.ru

THE SHAWL, WOVEN WITH GOLD FROM THE GOLDEN HORDE

O.V. Orfinskaya, O.B. Lantratova

The results of complex analysis and reconstruction of a fragment of shawl woven in gold-metallic strands found in mausoleum No 5 of the Bolghar fortified settlement site are represented. The structure of the fabric and composition of the metallic strand coating have been studied with the microscopy and micro-roentgen spectroscopy methods. The study results of the gold-metallic strands make it possible to suppose their Western production origin. Similar shawls could possibly be imported from the Mediterranean. The present find can be attributed to expensive items, which testifies to the high social ranking of the buried person. Thin shawls have been encountered in female burials of Moslem countries dating from the 7th century. The shawl could probably be included in the mandatory set of Islamic women's burial clothes. The finds of silk shawls on the Golden Horde fortified settlement sites attest to developed trade relations that had included the Volga River area into an integral system of the medieval world.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, the Bolghar fortified settlement, silk, shawl, gold-metallic strands, clothing, technological studies, burial rite, trade relations.

REFERENCES

1. Krupa, T. N. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 7. Donetsk: Donetsk National University, 343–359 (in Russian).

2. Orfinskaia, O. V. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 235–240 (in Russian).

3. Pritchard, F. 2006. *Clothing Culture: Dress in Egypt in the First Millennium AD: Clothing from Egypt in the collection of the Whitworth Art Gallery*. Manchester: The University of Manchester.

About the Authors:

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Bersenev Emb., 20, Moscow, Russian Federation; orfio@yandex.ru

Lantratova Olga B. Candidate of Chemistry. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; olga.lantratova@mail.ru

УДК 930. 271

Г.В. ЮСУПОВ И ПРОБЛЕМЫ ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

© 2014 г. Д.Г. Мухаметшин

В статье рассматривается значительный вклад Гаруна Валеевича Юсупова в развитие татарской эпиграфики и освещаются основные достижения и главные задачи современной эпиграфической науки в Татарстане. Экспедиции Г.В. Юсупова в 1946–1957 гг. охватили большинство районов Татарстана, Чувашии и Башкортостана (около 150 населенных пунктов) и выявили несколько сотен татарских эпиграфических памятников от XIII-XIV до XIX – начала XX вв., в основном надгробных эпитафий. Его публикации отличались точностью и информативностью и стали эталоном для последователей. На основании выявленных материалов Г.В. Юсупов создал новую классификацию эпиграфических памятников XIII–XIX вв. Современные исследования значительно расширили географию находок, включив Астраханскую, Пензенскую и Иркутскую области и Северный Казахстан, а также позволили проследить особенности развития традиции надгробных эпитафий. Основной задачей эпиграфистов Татарстана остается фиксация и полноценная публикация намогильных камней, а также сохранение данного вида источника, который представляет уникальную информацию по языку, искусству и истории татарского народа.

Ключевые слова: археология, Татарстан, эпиграфист Г.В. Юсупов, татарские эпитафии, средние века и новое время, региональные особенности, проблемы изучения и охраны эпитафий.

Татарские эпиграфические памятники – яркие информативные источники по истории татарского народа – были введены в научный оборот Петром I почти триста лет тому назад. Более или менее подробно история исследования эпиграфических памятников освещена в работах С.М. Шпилевского (1877), Н.И. Ашмарина (1902), С.И. Порфирьева (1922), Г.В. Юсупова (1960), А. Рона-Таша и И. Фодора (Rona-Tas, Fodor, 1973), Р.Г. Фахрутдинова (1975), Ф.С. Хакимзянова (1976). Поэтому нет необходимости на ней подробно останавливаться. Вплоть до середины XIX в. эпиграфические исследования были связаны в основном с памятниками Болгарского городища. Наиболее крупный вклад в исследование эпиграфических памятников внес Гарун Валеевич Юсупов – этнограф, эпиграфист, археолог. В течение двадцати лет, организовывая экспедиции по выявлению эпиграфических памятников, он объездил территории Татарстана, Башкортстана, Чувашии и других регионов, где компактно проживает татарское население. Итогом экспедиционных работ явились монографическая работа «Введение в булгаро-татарскую эпиграфику», давно ставшая настольной книгой историков-эпиграфистов, и десятки статей, опубликованных на страницах журнала «Эпиграфика Востока» и других научных изданиях.

Г.В. Юсупов своей первостепенной задачей считал научную фиксацию и публикацию памятников, включающие в себя фотоснимки, определение размеров памятника, воспроизведе-

ние и перевод текста на русский язык, ссылка на литературу. Публикации Г.В. Юсупова выгодно отличались от других, более ранних, публикаций своей точностью и информативностью, являясь эталоном для последующих публикаций эпиграфических памятников. Без этого последние не могли бы стать полноценным историческим источником. Эта работа была продолжена Ф.С. Хакимзяновым (1978 а; 1978 б; 1980; 1987), М.И. Ахметзяновым (1997; 1998; 1999; 2000), И.Г. Хадиевым, Р.Ф. Мардановым (2001; 2008), Д.Г. Мухаметшиным (1976; 1981; 1987; 1993; 2008; 2012; 2014 а; 2014 б) и др. Значительное количество эпиграфических памятников было опубликовано В.М. Усмановым (2005; 2008; 2011; 2013; 2014). Его публикации посвящены графическому воспроизведению надписи и рисунка.

Данные публикации за счет включения памятников XIX–XX вв. значительно расширили географию находок: на востоке – Иркутск, на юго-востоке – Северный Казахстан, на юге – Астрахань, на западе – Пензенская область. Появились отдельные публикации мусульманских эпитафий из Санкт-Петербурга и других городов России, где проживает татарская диаспора. Общее количество эпиграфических памятников перевалило за три тысячи единиц. Увеличение их числа произошло за счет включения в список памятников второй половины XVIII – первой трети XX в. Количество памятников Золотой Орды и Казанского ханства практически осталось неизменным. Небольшое количество памятников, выявленных во время археологических исследований в Болгаре и Казани, пока не введено в научный оборот.

Несмотря на значительные успехи в учете эпитафий, данная проблема и на сегодняшний день остается актуальной. Экспедиционные материалы Г.В. Юсупова остались не опубликованными. В первую очередь он считал нужным опубликовать наиболее значимые памятники XIII–XVI вв. Дефектные памятники Золотой Орды и Казанского ханства, а также практически все памятники более позднего времени, выявленные им в ходе экспедиции, отражены только в полевых дневниках или в отчетах. Хранящиеся в фонде Г.В. Юсупова фотоматериалы в значительной степени депаспортизированы и сопоставить их с его полевыми дневниками крайне сложно. Учитывая, что многие памятники, изученные Г.В. Юсуповым, физически не сохранились или надписи полностью разрушились, снятые им эстампажи еще долгое время будут служить первоисточником для историков. Большую ценность представляют полевые дневники ученого, куда обычно заносятся все данные, характеризующие памятники, и надписи на нем. Последние имеют огромное значение потому, что тексты на многих памятниках дошли до нас в выветренном, трудночитаемом виде и не очень четко выходят на фотографиях. В этом мы убедились во время экспедиции летом 2014 г. в Тюлячинском районе РТ. Большинство осмотренных нами памятников оказались сильно коррозированными. К счастью, они были зафиксированы Г.В. Юсуповым, и восстановить текст эпитафий по его материалам не составило труда.

Гарун Валеевич Юсупов в ходе исследований 1946–1957 гг. посетил 28 районов Татарстана, Урмарский район Чувашии и 12 районов Респу-

блики Башкортостан с охватом около 150 населенных пунктов. Только в Татарстане им было обследовано 60 булгаро-татарских кладбищ и изучено до 200 надгробий, из них 40 – относятся к XIII–XIV вв. (Юсупов, 1952). В 1964–1967 гг. он продолжил сплошное обследование Закамья (Дневник, 1964 г. и 1965 г.), Предволжья и Закамья (Дневник 1965 г. и 1967 г.).

На основании вновь выявленных материалов Г.В. Юсупов дал классификацию эпиграфических памятников XIII–XIX вв., отличную от классификации Н.Ф. Калинина. В ее основу ученый положил хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковой принципы. Последний имеет отношение только к памятникам XIII–XIV вв.

Он выделяет отличающиеся друг от друга два стиля эпиграфических памятников, характерные для XIII–XIV вв.: I стиль – надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на «новобулгарском» и арабском языках; II стиль – характеризуется куфическим шрифтом и исполнением текста на «древнебулгарском» языке. Эпитафии, написанные полностью на арабском языке, он не выделяет в отдельный стиль. Они, по его мнению, по оформлению, орнаментации и шрифту ничем не отличаются от памятников I стиля. По нашему мнению, это правильно, потому что эпитафий, написанных полностью на татарском («новобулгарском», по Г.В. Юсупову) языке, – единицы. С другой стороны, эпитафии, написанные на арабском и смешанном (татарский, арабский) языках, при частичной утрате текста, отличить невозможно. А единство стиля проявляется в оформлении памятника, стиле письма и т.д.

Если во второй половине XIV в. устанавливается единый язык эпитафий – татарский с включением некоторых канонических компонентов на арабском языке, – то язык эпитафий II группы XIII – первой половины XIV в. до сегодняшнего дня остается предметом острых дискуссий. Некоторые исследователи считают язык эпитафий специальным языком, употребляющимся для ритуальных целей (Г.В. Юсупов), не исключается возможность его употребления ранее и в коммуникационных целях (Ф.С. Хакимзянов). Часть языковедов считает язык булгарских эпитафий живым разговорным языком и связывает его с определенным носителем – чувашами (Н.И. Ашмарин, И.А. Андреев). А.Г. Мухамадиев полагает, что в языке булгарских эпитафий отражается хазарский язык (Мухамадиев, 1990, с. 80).

Еще в 20-е годы XX в. была сделана попытка рассматривать эпиграфику как часть истории искусства Татарстана (Корнилов, 1929; Дульский, 1929; Али-Рахим, 1930). Богатая декорировка, различные орнаментальные мотивы памятников являются ценными источниками для изучения художественной пластики изобразительного искусства волжских булгар и казанских татар, что нашло отражение в работах Ф.Х. Валеева (1969; 1970; 1975; 1984). Он классифицирует эпитафии только по их художественному оформлению, не учитывая другие стороны стиля, языка, каллиграфии и др. По характеру декорировки он разделяет булгарские памятники на два типа: первый тип, характеризующийся «определенной массивностью, сравнительно большой шириной и закругленностью углов», и второй тип

Рис. 1. Эпитафия золотых дел мастера Шахидуллы. Болгар. 1317г.

Рис. 2. Эпитафия в форме ствола дерева. Иркутск.

Рис. 3. Памятник из песчаника. Пензенская обл.

Рис. 4. Иске-Рязапский памятник. Дерево.

прямоугольной формы с килевидной или стрельчатой аркой. По происхождению первый тип Ф.Х. Валеев связывает с периферией, а второй – с г. Болгар и некоторыми княжескими резиденциями (Валеев, 1975, с. 159). На основе изучения орнаментации эпитафий он, вслед за Г.В. Юсуповым, в материалах второй половины XVI – XIX в. видит повторение отдельных элементов булгарских и казанских эпитафий (там же, с. 95).

Орнаментика, художественное оформление эпиграфических памятников в той или иной мере отражены в работах С.М. Червонной, Д.К. Валеевой и Г.Ф. Сулеймановой.

Д.К. Валеева считает, что в первой половине XIV в. искусство резьбы по камню достигает наивысшего расцвета. Это видно из каллиграфии надписи, прекрасной орнаментации и внешнего оформления эпитафий. Во второй половине XIV в. искусство резьбы по камню приходит к постепенному угасанию из-за изменившейся исторической обстановки в Золотой Орде (Валеева, 1998, с. 94). По ее мнению, падение высокого стиля отмечается во всем. В каллиграфии чаще встречается не «чистый» почерк, а «полу», в изображении орнаментов – небрежность, узоры доводятся не до конца.

С.А. Червонная рассматривает эпиграфические памятники в развитии с последней четверти XIII в. до начала XX столетия как «особый феномен художественной культуры, возникший на основе синтеза искусств: архитектуры, резьбы по камню и каллиграфии» (Червонная, 1987, с. 108). Она не видит разрыва связи между памятниками Волжской Булгарии и Казанского ханства. «Между эпиграфическими надгробиями Казанского ханства и Волжской Булгарии золотоордынского периода существует тесная, непосредственная связь, очевидная и в композиции, и в элементах орнаментального декора, и в приемах резьбы, и в языке, что преемственность в этом виде булгаро-татарского искусства от XIII – XIV в. к XV и XVI векам не вызывает никаких сомнений» (Червонная, 1987, с. 149).

Эпиграфические памятники рассматриваются и в работе Л.Ю. Браславского, посвященной проблемам ислама в Чувашии. В небольшом разделе о мемориально-надгробных сооружениях он выделяет их как разновидность архитектурного строительства, своеобразного «синтеза архитектуры резьбы по камню и каллиграфии» (Браславский, 1997, с. 59). Он отмечает большие заслуги К. Насыйри и Г.В. Юсупова в изучении эпиграфических памятников на территории Чувашии.

На сегодня одними из важных и нерешенных проблем остается время и причины возникновения традиции установления эпиграфических памятников в Среднем Поволжье. Установление надмогильных памятников для мусульман не входит в число обязательных элементов похоронно-поминального обряда. Обычай установления надмогильного памятника связан с этнической историей народа и в целом воспринимается как мусульманский (Татары, 2001, с. 362). С.П. Поляков и А.И. Черемных пишут, что «ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее население долины Заравшана в течение веков существования здесь ислама продолжало сооружать надгробные памятники. Это закономерность,

свойственная всему исламскому миру. Возникший в глубокой древности обычай отмечать каким-либо образом могилу родственника или соплеменника сохранился до наших дней» (Поляков, Черемных, 1975, с. 277).

Возникновение традиции установления памятников в Среднем Поволжье и Приуралье исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением мусульманской религии. Многочисленные факты материалов из Аравии, Кавказа, Средней Азии, где имеются эпиграфические памятники более раннего периода, позволяют говорить в пользу такого мнения.

С.М. Червонная происхождение эпиграфических камней вертикального типа связывает с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися в Восточной Европе в период монгольских завоеваний (Червонная, 1997, с. 111).

Крупный татарский археограф и эпиграфист М.И. Ахметзянов происхождение традиции установления эпиграфических памятников у татар связывает с древними тюрками, а у булгар, по его мнению, она «идет от древних тюрков, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войсками Бату хана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, в Крыму, где и ныне частично сохранились эпиграфические памятники» (Ахметзянов, 1998, с. 118).

Распространение ислама является одним из факторов возникновения традиций установления надмогильных камней, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Массовая установка эпиграфических памятников возникает намного позднее принятия ислама. Ибо ортодоксальный ислам, как отмечалось, отрицательно относился к сооружению над могилой мусульманина какого-либо памятника. Материалы Северного Кавказа показывают, что между проникновением ислама и появлением мусульманских эпиграфических памятников существует хронологический разрыв, доходящий до 200–300 лет. Не наблюдаются эпиграфические памятники и в Волжской Булгарии домонгольского периода. Е.А. Халикова, исследовавшая мусульманские памятники XI–XII вв., отмечает, что «по-прежнему на могилах отсутствуют выраженные следы надгробий» (Халикова, 1986, с. 124).

Эпиграфические памятники с изящным каллиграфическим письмом, своеобразной орнаментацией не только последняя дань умершему человеку. Эпитафии в первую очередь служили живым людям. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану беков и народа, подчинение народа бекам – таков лейтмотив идей в рунических надгробиях», – пишет С.Г. Кляшторный, исследуя рунические надгробия. (Кляшторный, 1964, с. 62). Только так можно объяснить живучесть возникшего когда-то в древности обычая отмечать каким-либо знаком могилу соплеменника. Надмогильные памятники, буть то пышно оформленное надгробие, или небольшой памятник с именем покойного, или просто необработанный камень с именем покойного, могли ставить только состоятельные люди – правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа. Эпитафии являлись выражением привилегированности

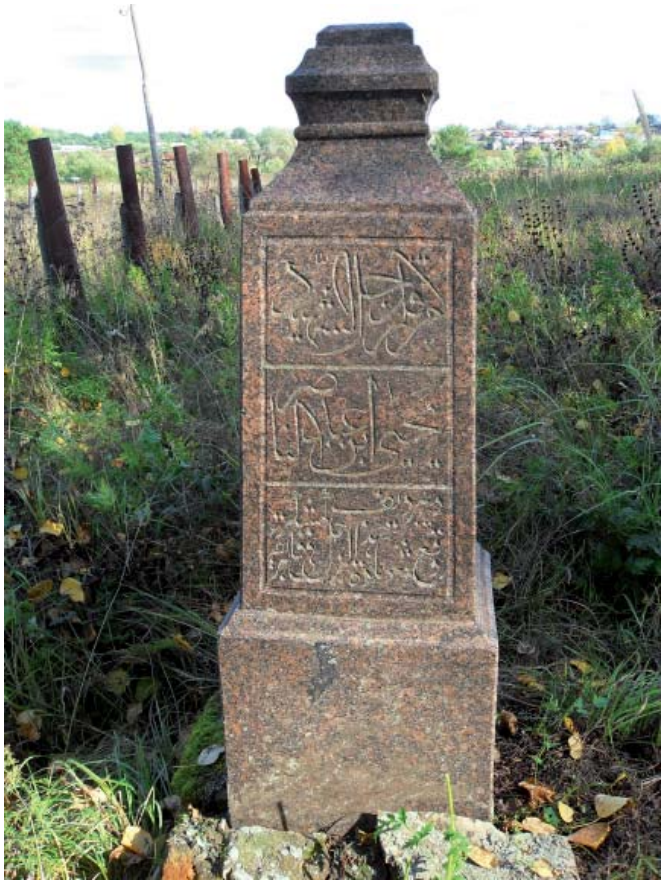

Рис. 5 Эпитафия из с. Пинделька. Кузнецкий район, Пензенская обл.

Рис. 6. Намогильный желвак. Село Старые Чукалы Дрожжановского района РТ.

высокоставленных слоев феодального общества и демонстрацией их именитости. Недаром на некоторых булгарских эпитафиях перечисляются предки до девятого колена, а начиная с 20-х годов XVI столетия на памятниках обозначалось имя человека, заказавшего эпитафию. Это делается, несмотря на то, что в эпитафиях разрешалось приводить только цитату из Корана, благочестивые изречения и имя погребенного. «Памятники эти с их непонятными для широких масс народа арабизмами, – пишет Г.В. Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествляющими личность представителей правящей феодальной верхушки» (Юсупов, 1961, с. 48).

Социально-политический смысл проявляется в устройстве самих кладбищ. Многие из них огорожены небольшим валом и рвом. А, например, Большеатрясское кладбище имеет четыре площадки разной высоты, огороженные земляным валом. Их можно рассматривать как фамильные места захоронения феодалов. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху Казанского ханства и в более поздние времена.

В возникновении и распространении традиции установления надмогильных эпиграфических (арабографических) памятников нельзя исключать и этнические факторы. Принадлежность эпиграфических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья булгарскому, позднее татарскому, народу – установленный факт. Однако среди булгарских племен современники, кроме собственно булгар, отмечают сувар, нохрат, берсула, эсэгель, темтюзи, сабакуля, баранджар и другие. В то же время, в сложении народности волжских булгар, позднее казанских татар, определенную роль сыграли местные финно-угорские племена, кыпчаки и другие тюркоязычные племена, в том числе, как полагает М.И. Ахметзянов, караханидские татары. Даже при одинаковом мусульманском обряде захоронения и трафаретном тексте эпитафий весь этот сложный процесс в какой-то мере должен был отражаться на булгарских эпиграфических памятниках. Г.В. Юсупов возникновение двух стилей и двуязычие булгарских (татарских) надгробий связывал с двумя главными компонентами Булгарского государства – булгар и тюрок.

Традиция установления камней на могилах предков – очень древняя. Она характерна для древних тюрок, домусульманских арабов, местных финно-угорских племен. В качестве примеров можно привести тюркские рунические памятники Сибири, ананьинские стелы Поволжья, арабографические эпитафии Аравийского полуострова.

В Среднем Поволжье арабографические эпиграфические памятники появляются не ранее XIII в. Самый ранний исторически зафиксированный памятник датирован 1242 г. и обнаружен на Большеатрясском кладбище Тетюшского района РТ. Он, по мнению историка Г. Ахмарова, в XIX в. был перевезен и использован для строительства фундамента церкви в селе Ямбухтино, и сегодня, возможно, находится там (во время наших посещений в с. Ямбухтино следы эпитафий найти не удалось). Из сохранившихся ранних памятников необходимо отметить фрагментированную эпитафию из г. Болгар, датированную 1271 г. Известные науке булгарские

памятники (их около 400), изготовлены до середины XIV в. Имеются единичные памятники второй половины XIV – первой половины XV в. Только в конце XV в. камней с надписями становится больше. В первой половине XVI в. получает развитие новый стиль эпитафий – стиль Казанского ханства. Территория его распространения не выходит за пределы Заказанья и Северного Предволжья. Этот совершенный во всех отношениях стиль продолжает существовать и после падения Казани в 1552 до начала XVIII в.

В конце XVII – первой половине XVIII столетия на территории Среднего Поволжья и Приуралья (ныне Татарстан, Чувашия, Башкортостан) существовал стиль эпитафий с растительным орнаментом в тимпане. И только в конце XVIII в. эта древняя традиция установления эпиграфических памятников распространяется по всей территории проживания татарского населения. Поэтому, посещая старые татарские кладбища Ульяновской и Пензенской областей, мы не обнаружили памятники, установленные ранее XVIII в.

В этих краях широко распространено оформление краев могилы большими камнями, добываемыми на местах. Некоторые из них достигают одного метра и более. Над могилой насыпается привозной грунт, в отдельных случаях насыпь могилы превращается во внушительное сооружение. У изголовья в обязательном порядке ставится большой необработанный камень без надписи. Ареал распространения данной традиции широк – село Старая Кулатка Старокулаткинского района Ульяновской области и до села Средняя Елюзань Чаадаевского района Пензенской области.

Для примера можно привести Старомостякское кладбище Старокулаткинского района Ульяновской области. Аккуратно, в ряд, устроенные могилы с необработанными камнями у изголовья погребенного занимают большое поле. На этих камнях надписей или знаков не обнаружено. Несмотря на это, зная, в каком ряду был погребен покойный, легко идентифицировать могилу. На некоторых могилах кладбища установлены современные железные листы или деревянные столбики с надписями на них. Это тоже показывает, что могилы на кладбищах не безымянные, как кажется на первый взгляд.

Ограждение могилы камнями имело и чисто практические значение. Это дает возможность не нарушать могилы, что нередко случается с течением времени при отсутствии наружного знака. Могилы с каменными ограждениями занимают больше места, поэтому кладбища быстрее заполняются, и население вынуждено открывать новые. В селе Старая Кулатка, не считая могилы святого, четыре кладбища, которые практически все расположены внутри села.

Традиция ограждать могилы камнями в XIX в. начала уступать новым традициям по общемусульманским канонам, внесенным мусульманскими духовными деятелями. На могилах с эпиграфическими надписями мы такую традицию не наблюдаем. В селе Татарский Шмалак Павловского района Ульяновской области могилы, расположенные рядом, оформлены не одинаково. Более ярко этот процесс проявляется в селе Зимница Старокулаткинского района Ульяновской

области. На кладбище, где погребены ишан Хабибулла Шамсуаров, его семья и близкие, традиция ограждения могилы камнями отсутствует, а на сельском кладбище она наблюдается.

Такая окантовка могильной насыпи из необработанных камней местными жителями, возможно, рассматривалась, как мавзолей. В Татарстане (Азнакаево) необработанные камни составляли кладку, которую можно рассматривать как стену мавзолея. Позднее на этих камнях ставили и закладную доску. Одну из таких досок мы обнаружили на кладбище села Зимница Старокулаткинского района Ульяновской области. По своим размерам (6 х 50 х 43 см) она не отличается от других закладных досок, например, из мавзолея Шаха Али города Касимова Рязанской области. Закладная доска из Зимницы принадлежит имаму второй махаллы села Зимница Ибрахиму бин Салиху (1837–1900).

В Кузнецком регионе распространена установка на могилах небольших камней треугольной формы с родовой тамгой (с. Муратовка Павловского р-на Ульяновской обл.). Такие же камни, но с арабской надписью, мы обнаружили далеко на севере Ульяновской области в с. Иртуганово Старомайнского района.

На отдельных кладбищах нам приходилось видеть вместо эпиграфических памятников мельничные жернова и их фрагменты. Судя по изношенной поверхности жерновов, они долгое время использовались по своему прямому назначению. Такая же традиция встречается на территории Чувашии, Кировской области и Татарстана. Все они установлены в горизонтальном положении. Происхождение этой традиции не совсем ясно. Камень, обработанный под жернов, обнаруженный нами в селе Старые Атлаши Николаевского района Ульяновской области говорит о том, что данная традиция имеет свои глубокие корни. В этой связи надо упомянуть надпись на большом жернове из села Полевые Бишкики Батыровского района Чувашии: «После разрушения города Болгара Тамерланом (здесь приводятся имена четырех человек. – *Д.М.*) основали село Полевые Бишкики». Сегодняшние исследования подтверждают мнение о том, что большинство населенных пунктов Предволжья и бассейна р. Свияга были основаны жителями закамских территорий Волжской Булгарии. Ручные жернова в оформлении могил можно наблюдать и на современном кладбище села Полевые Бишкики в Чувашии.

Мельничные жернова в оформлении могил XIV в. нами зафиксированы на кладбищах сел Татарское Бурнаево Алькеевского, Татарская Айша Высокогорского районов Республики Татарстан. Однако нельзя исключать, что жернова у надмогильных камней XIV в. могли положить позднее паломники, посещавшие святые могилы.

Мельничные жернова лежат в основе возникновения традиции установления очень редких типов надмогильных камней, зафиксированных в Агрызском районе РТ и Казахстане.

Говоря об оформлении могильной насыпи, нужно отметить установление у изголовья погребенного круглого желвака. Подобный обычай зафиксирован нами в Дрожжановском районе РТ. Камни явно вулканического происхождения. На отдельных камнях внутри зафиксированы

реликтовые моллюски (такие камни имеются в местном карьере). Вероятно, эти желваки были использованы из-за отсутствия другого материала (известняк, песчаник, ракушечник), пригодного для отметки могилы. На некоторых из них вырезаны инициалы и дата смерти погребенного. На отдельных кладбищах на могилах религиозных деятелей наряду с круглыми желваками установлены типичные намогильные камни (Старые Чукалы Дрожжановского района РТ).

Региональные особенности эпитафий XIII–XIV вв. впервые были выделены Д.Г. Мухаметшиным. Особенности памятников конца XIV – первой половины XV в. четырех региональных округов (Болгарского, Джукетауского, Восточного и Северного/Каринского) сглаживаются и в эпоху Казанского ханства на памятниках, сосредоточенных в основном на небольшой территории Заказанья и Северного Предволжья, не проявляются.

На захоронениях Предволжья и восточных районов Чувашии, охватывающих период с XVI по конец XVIII в., выделяются памятники со своеобразной геометрической орнаментацией и мелкой трудночитаемой вырезанной надписью. Впервые на эти памятники обратили внимание В.К. Магницкий и татарский ученый-просветитель К. Насыйри. В.К. Магницким были собраны сведения о 17 кладбищах с надгробиями данных регионов (Магницкий, 1866; 1874).

Летом 1873 года эти памятники исследовал К. Насыйри. Им были прочитаны и опубликованы эпитафии из сел Татарский Азелей, Танаево, Молвино, Бакрче, Васюково, Расбуга, Кугушево, расположенных в Республике Татарстан, Шигали и Ямашево в Урмарском районе Чувашской Республики (Насыйри, 1975, с. 7–44).

В своей работе К. Насыйри сделал несколько важных замечаний. Он, в частности, отметил, что надписи на памятниках из Танаева, Ямашева и Шигалей сделаны рукой одного мастера, выделив, таким образом, круг памятников, характерных для этого региона. На камнях он прочитал чувашские и русские имена, обратив внимание на то, что «и сегодня встречаются мусульмане с русскими именами» (Насыйри, 1975, с. 33). К. Насыйри сумел прочитать трудночитаемые некаллиграфические надписи на памятниках из Шигалей. Эти памятники были обследованы Г.В. Юсуповым, некоторые из них опубликованы (Юсупов, 1964, с. 60). Несмотря на правильную датировку Г.В. Юсуповым этой группы памятников, Д.Ф. Мадуров в своей работе «Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей» без всякого основания датировал их XV в.

Памятники конца XVII – первой половины XVIII в. на территории Чувашии сохранились в количестве около 20, все они происходят из восточных районов республики. Самой южной точкой распространения памятников данного периода считается с. Ново-Буяново Шемуршинского района, самой северной – с. Аттиково Козловского района Чувашии. Памятники плохо обработаны или обработаны не в полном объеме, камню не придана форма плоской остроконечной плиты. Обработке подвергнута только лицевая сторона, где располагались надпись и орнамент – ромбический, круговой, зигзаги и др. На памятниках полностью отсутствует растительный орнамент. Некоторые надписи нане-

сены на необработанную поверхность камня.

Все надписи сделаны неглубоким, некаллиграфическим почерком. Эпитафии на камнях разделены на два блока и начинаются с даты. Дата сохранилась на большинстве камней. Наиболее ранний из них поставлен в 1106 г.х. (1694/1695 г.), позднейший – в 1160 г.х. (1747 г.). Имена собственные на памятниках читаются нечетко. Большинство из них тюркского происхождения, хотя, как было сказано выше, встречаются и русские.

Особенностью текстов памятников этой группы является отсутствие коранических изречений и благожелательных формул, столь характерных для мусульманской эпиграфики. Надо полагать, что это группа эпитафий принадлежат чувашам-мусульманам.

Наличие в Болгаре особой школы, или мастерской по изготовлению памятников было отмечено А.Т. Тагирджановым. Трудно представить, что надмогильные камни, встречаемые по обоим берегам Волги и в Кирмени, в Предкамье, являются работой одной школы (г. Болгара), или одного или двух мастеров – отца и сына (Тагирджанов, 1970, с. 55). Очевидно, что существовало несколько школ по их изготовлению, и не только в Болгаре (Мухаметшин, 2008, с. 32).

Памятники делались из камня Сюкеевского карьера, находящегося напротив г. Болгара, на правом берегу Волги. Известно, что их делали те же мастера, которые строили мечети и мавзолеи в Болгаре XIV в. Мастера ставили на камнях свои знаки – тамги, которые сохранились на трех камнях из Болгар. В верхней части обратной стороны некоторых памятников имеются трудночитаемые надписи, сделанные, возможно, резчиками по камню. На камнях, происходящих из Казанского ханства, именно в верхней части обратной стороны указаны подписи резчика по камню или человека, заказавшего эпитафию. Эта традиция сохраняется до середины XX столетия (см. памятник № 3 из с. Октябрское/Мазарлык Кузнецкого р-на Пензенской обл.).

Определение школ (или мастеров) по изготовлению эпитафий для памятников XIII–XVI вв. можно осуществить по особенностям оформления памятника, письма и по языку. На памятниках XVII – XVIII вв., в их боковой части, появляются имена резчиков по камню. Известно, например, имя резчика Кильмухаммада бин Ишмана. М.И. Ахметзянов считает, что камни, вырезанные в едином стиле и встречаемые на значительной территории от с. Именьково Лаишевского района РТ на западе до пос. Чишма Республики Башкортстан на востоке, изготовлены этим мастером или его учениками (Тилаш сын Дусмета Хафиза, Девеш хафиз и Аккужат; см.: Ахметзянов, 2011, с. 14).

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия под влиянием казанской школы формируются школы резьбы по камню в Оренбургской области (с. Каргали), Пензенской, Ульяновской областях и других местах, где проявляются региональные особенности эпитафий. На это указывают и подписи мастеров. Например, на памятнике из с. Алеево Неверкинского района Пензенской области читаем: «писал Сайфулла бин Ахмад из Каргали».

Во второй половине XIX столетия изготовлением эпиграфических памятников стали заниматься люди, знающие арабскую графику и облада-

ющие навыками резьбы по камню. В этот период встречаются как памятники, сделанные профессионалами, так и необработанные камни с неграмотными надписями. На многих памятниках мастера вырезали свои имена. Сравнивая однотипные памятники с территорией их распространения, представляется возможным установить их авторство. Кроме вышеназванного Кильмухаммада бин Ишмана, на двух памятниках на территории Чувашии (с. Шигали, Ново-Буяново) встречаем имя Бик-Пулата. Полагаем, основываясь на характерных особенностях стиля письма, оформления эпитафий, что более двадцати надписей на надгробиях близ расположенных кладбищ вырезаны именно Бик-Пулатом.

Эпиграфические памятники Волжской Булгарии XIII–XIV вв. представляют собой уникальные источники по истории татарского народа. Они воплотили в себе преимущества и письменных, и вещественных источников. Как вещественные (археологические) – они оригинальны и не имеют позднейших аналогов, как письменные – дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера. Не случайно Г.В. Юсупов, а еще раньше и Н.Ф. Калинин, неоднократно ставили вопрос о сохранности и охраны данного вида памятников культурного наследия.

Памятники подвергаются отрицательному воздействию природы и человека. Известняковые памятники и из песчаника недолговечны. Попытки их сохранения путем ограждения, устройства навесов над ними, покрытия поверхности камней краской или раствором, результатов не дают, а иногда вредят памятнику.

Н.Ф. Калинин решение данной проблемы видел в создании специального здания – лапидария, где могли храниться эпиграфические памятники. По его предложению, еще в 50–е годы XX столетия отдельные памятники были привезены в Казань. Сегодня они хранятся в Национальном музее РТ, Музее изобразительных искусств Казани, Иске-Казанском историко-культурном и природном музее-заповеднике. Их можно увидеть в Музее уездного города Чистополя и краеведческих музеях г. Азнакаево и г. Тетюши. Памятники в Чувашии собраны в Национальном музее Чувашии и Чувашском Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики. Единичные экземпляры можно увидеть и в школьных музеях, например, в музее школы с. Курманаево Нурлатского района РТ. К сожалению, многие из них хранятся в запасниках и только единицы выставлены в экспозициях музеев.

Наиболее значительное количество эпиграфических памятников собрано в Болгарском музее-заповеднике. Из Болгар происходит около 200 эпитафий. Самая ранняя надпись относится к 671 г.х. (1271 г.), позднейшая датируется 749 г.х. (1349/50 г.). Впервые они были зафиксированы во время посещения Болгара Петром I. Со временем сами памятники были утрачены. Многие из них при строительстве церкви Успения в 1732–1734 гг. попали под фундамент храма. Некоторые при ремонте Черной палаты, Ханской усыпальницы, Белой палаты и мавзолеев были употреблены в качестве строительного материала. На

возведение фундаментов жилых домов, на вымостку дворов Болгара и окрестных поселений также были использованы надмогильные камни.

После образования Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в 1969 г. наступило время «собирать камни». Сегодня в фондах музея-заповедника хранится более 180 эпиграфических камней, включая фрагменты, 26 хорошо сохранившихся памятников выставлено в Северном мавзолее. Фрагментированные памятники были скреплены, обработаны специальным раствором. С переводами эпитафий можно ознакомиться на электронном табло.

Еще два памятника – эпитафия с вертикальным расположением строк и эпитафия 1317 г. на татарском языке – экспонируются в Музее булгарской цивилизации.

К сожалению, большинство памятников хранится в запасниках музея-заповедника и недоступно для обозрения. Сегодня, благодаря Фонду «Возрождение», проводящему значительные работы по сохранению культурного наследия Болгара, имеется возможность использования этих бесценных памятников в научных и культурно-просветительных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Али-Рахим.* Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Вып. 4. – Казань, 1930. – С. 49–57.

2. *Ашмарин Н.И.* Болгары и Чуваши. – Казань, 1902. – 142 с.

3. *Ахметзянов М.И.* Тайны эпитафий // История Лаишевского края. – Казань, 1997. – С. 114–117.

4. *Ахметзянов М.И.* Болгар теленең язмышы (эпиграфика материаллары буенча) // ТА. – 1998. – № 1 (2). – С. 99–120.

5. *Ахметзянов М.И.* Биектау төбәгенең XIII–XVII гасырлардан калган татар эпиграфикасы // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. – Казань, 1999. – С. 90–123.

6. *Әхмәтҗанов М.И.* Үлгәннәрнең каберен бел. Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре. – Казан, 2000. – 159 с.

7. Болгары и чуваши. Сборник статей. – Чебоксары, 1984. – 158 с.

8. *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. – Чебоксары, 1997. – 160 с.

9. *Валеев Ф.Х.* Орнамент казанских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1969. – 204 с.

10. *Валеев Ф.Х.* Архитектура и искусство Волжско-Камской Булгарии // Ученые записки Казанской гос. консерватории. – Вып. IV. – Казань, 1970. – С. 79–110.

11. *Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 188 с.

12. *Валеева Д.К.* Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских булгар // ТА. – 1998. – № 1 (2). – С. 88-98.

13. *Валеева Д.К.* Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XIV вв.). – Казань, 2003. – 240 с.

14. *Дульский П.Е.* Несколько слов по поводу орнаментики памятников XVI–XVII вв. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Вып. 3. – Казань, 1929. – С. 22–27.

15. Каюм Насыйри. Сайланма әсәрләр. – Т. 2. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1975. – 318 с.

16. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 214 с.

17. *Корнилов П.Е.* К орнаментике болгаро-татарского резного камня // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Вып. 3. – Казань, 1929. – С. 53–55.

18. *Корнилов П.Е.* К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Вып. 3. – Казань, 1929. – С. 1–4.

19. *Магницкий В.К.* Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда // Казанские губ. ведомости. – 1866. – № 46.

20. *Магницкий В.К.* Археологические достопримечательности во 2 стане Чебоксарского уезда // Казанские губ. ведомости. – 1874. – № 12.

21. *Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 287 с.

22. *Марданов Р.Ф., Хадиев И.Г.* Некоторые итоги изучения эпиграфических памятников Кукморского района РТ (предварительное сообщение) // Диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. – Вып. 2. – Казань, 2001. – С. 382–385.

23. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 192 с.

24. *Мухаметшин Д.Г.* О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976. – С. 60–71.

25. *Мухаметшин Д.Г.* Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья: (К вопросу о локальных вариантах булгарских эпитафий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981. – С. 136–140.

26. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Болгара. – Казань, 1987. – 128 с.

27. *Мухаметшин Д.Г.* Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 118–133.

28. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология Евразийских степей. – Вып. 6. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – 132 с., ил.

29. *Мухаметшин Д.Г., Бурханов А.А.* Очерки истории Ютазинского района: Ютазинский регион в системе культур Восточного Татарстана и Волго-Уралья. Древность и средневековье / Восток–Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразии. – Вып. 10. – Казань, 2012. – 150 с.

30. *Мухаметшин Д.Г., Бурханов А.А.* Очерки истории Юго-Восточного Татарстана / Восток–Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразии. – Вып. 12. – Казань, 2014а. – 240 с.

31. *Мухаметшин Д.Г., Бурханов А.А.* Древности Азнакаевского региона / Восток–Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразии. – Вып. 14. – Казань, 2014б. – 178 с.

32. *Поляков С.П., Черемных А.И.* Погребальные сооружения населения долины Заревшана // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. – М., 1975. – С. 261–279.

33. *Порфирьев С.И.* К истории сбора болгарских надписей // ИОАИЭ. – Т. XXXI. – Вып. 4. – Казань, 1922 – С. 41–44.

34. *Тагирджанов А.Т.* Влияние поэмы Фирдоуси «Юсуф и Зулейха» на «Киссаи Юсуф» Али и «Юсуф и Зулейха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. – Вып. 21 (84). – Л., 1970. – С. 54–58.

35. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.

36. *Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. Беренче китап. – Уфа: Дизайн. Полиграф. Сервис, 2005. – 168 б.

37. *Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. Икенче китап. – Эстәрлетамак, 2005.– 366 б.

38. *Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. Өченче китап. – Сакмара: Сакмарская типография, 2008. – 500 б.

39. *Усманов В.М.* Тарихи ядкәрләр. – Дүртенче китап. – Бакча авылы, 2011. – 432 б.

40. *Усманов В.М.* Исторические памятники. Пятая книга. Мусульманские эпитафии г. Троицк. – Стерлитамак, 2013. – 400 с.

41. *Усманов В.М.* Исторические памятники. Десятая книга. Мусульманские эпитафии Чишмы. – Уфа, 2014. – 94 с.

42. *Фейезханов Х.* Три надгробных булгарских надписи // Известия Археологического общества. – Т. IV. – СПб., 1863. – С. 396–404.

43. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1975. – 214 с.

44. *Хакимзянов. Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. – М.: Наука, 1978а. – 206 с.

45. *Хакимзянов Ф.С.* Двуязычный булгарский памятник // Советская тюркология. – 1978б. – № 1. – С. 61-68.

46. *Хакимзянов Ф.С.* Булгарские эпиграфические памятники Закамья // Исследование языка древнеписьменных памятников. – Казань, 1980. – С. 33–40.

47. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

48. *Хадиев И.Г., Марданов Р.Ф.* Әгерҗе төбәгенең ташъязма истәлекләре. – Казан: Тамга, 2008. – 148 б.

49. *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 159 с.

50. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.

51. *Червонная С.М.* История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. – М.: Искусство, 1987. – 352 с.

52. *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272–292.

53. *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.

54. *Юсупов Г.В.* Итоги полевых эпиграфических исследований (1961–1963 гг.) // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1963 год. – Казань, 1964. – С. 69–71.

55. *Rona-Tas A., Fodor I.* Epigraphica Bulgarika Volgarika Volgai Bolgar-torok feliratok. Studia Uralo-Altaika. – Szeged, 1973. – 189 p.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ Г.В. ЮСУПОВА ПО ЭПИГРАФИКЕ

1. Булгарские эпиграфические памятники, найденные летом 1947 г. // ЭВ. – М., 1951. – Вып. IV. – С. 68–76. (Совм. с Г.М. Хисамутдиновым).

2. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар) // ЭВ. – Вып. V. – М., 1951. – С. 78–94.

3. О некоторых булгарских эпиграфических памятников // ЭВ. – Вып. VII. – М., 1953. – С. 26–30.

4. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики // ЭВ. – Вып. XI. – М., 1956. – С. 44–54.

5. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. – Уфа, 1959. – С. 120–122.

6. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.

7. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // ЭВ. – Вып. XVI. – М., 1963. – С. 72–78.

8. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 217–232.

9. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // ЭВ. – Вып. XXI. – М., 1972 – С. 48 – 55.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ Г.В. ЮСУПОВА*

*Полный список опубликованных и неопубликованных работ Г.В. Юсупова см. в статье:

1. Ирек Һадиев. Тарихи ташъязмалар белгече Знаток исторической эпиграфики // Безнең мирас. – 2014 . – № 07(30). – С. 18–21.

2. Эпиграфические памятники Болгарского городища / Архив ИА РАН. – Ф. Р-21. – Ед. хр. 2015.

3. О работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР в 1961 г. в районах правобережья Волги-Казани. – Казань, 1961 / Архив РАН. – Ф. 72.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Полевой дневник № 1 Археолого-этнографической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР по районам ТАССР и соседних областей. – Казань, 1964 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Ед. хр. 58.

2. Рабочая тетрадь №1 Археолого-этнографической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР. – Казань, 1965 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Ед. хр. 384.

Информация об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Республика Татарстан); djamil78@list.ru

G.V. YUSUPOV AND ISSUES OF THE TATAR EPIGRAPHY

D.G. Mukhametshin

The valuable contribution made by Garun Valeyevich Yusupov to the development of the Tatar epigraphy, the basic achievements and main objectives of contemporary epigraphic science in Tatarstan are considered in the article. The 1946–1957s expeditions conducted by G.V. Yusupov covered the majority of Tatarstan, Chuvashia and Bashkortostan regions (cca. 150 settlements) and revealed a few hundred Tatar epigraphic monuments (mostly epitaphs) dating to the period from the 13–14th to the 19th – early 20th centuries. His publications were distinguished by their precision and highly informative character, becoming a model for further research. On the basis of collected and accumulated materials G.V. Yusupov developed a new classification of the 13-19th-century epigraphy resources. Contemporary studies have considerably expanded the geography of the findings by including Astrakhan, Penza and Irkutsk Regions and North Kazakhstan; they allowed tracing the peculiarities of the gravestone epitaph tradition development. The main objective of Tatarstan epigraphists is reveal and completely publish the gravestone research epitaphs, and to preserve this kind of source that provides unique information on the language, art and history of the Tatar people.

Keywords: archaeology, Tatarstan, the epigraphist G. V. Yusupov, Tatar epitaphs, the Middle Ages and the New Era, regional features, problems of epitaph research and preservation.

REFERENCES

1. Ali-Rakhim. 1930. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials for Protection, Repair and Restoration of the Monuments of Tatar Soviet Socialist Republic)* 4. Kazan, 49–57 (in Russian).

2. Ashmarin, N. I. 1902. *Bolgary i Chuvashi (The Bulgars and the Chuvashs)*. Kazan (in Russian).

3. Akhmetzianov, M. I. 1997. In *Istoriia Laishevskogo kraia (The History of the Laishevo Land)*. Kazan, 114–117 (in Russian).

4. Äxmätcanov, M. İ. 1998. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1 (2), 99–120 (in Tatar).

5. Äxmätcanov, M. İ. 1999. In *Ocherki istorii Vysokogorskogo raiona Respubliki Tatarstan (Essays on the History of the Vysokaya Gora District, Republic of Tatarstan)*. Kazan, 90–123 (in Tatar).

6. Äxmätcanov, M. İ. 2000. *Ülgännärneñ kaberen bel. Älmät töbäge epigrafik istälekläre (Epigraphy monuments in the Almetyevsk District)*. Kazan (in Tatar).

7. *Bolgary i chuvashi. Sbornik statei (Bulgars and Chuvashs: Collected Papers)*. 1984. Cheboksary (in Russian).

8. Braslavskii, L. Yu. 1997. *Islam v Chuvashii (Islam in Chuvashia)*. Cheboksary (in Russian).

9. Valeev, F. Kh. 1969. *Ornament kazanskikh tatar (Ornament by the Kazan Tatars)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

10. Valeev, F. Kh. 1970. In *Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi konservatorii (Scientific Notes of the Kazan State Conservatory)* IV. Kazan, 79–110 (in Russian).

11. Valeev, F. Kh. 1984. *Narodnoe dekorativnoe iskusstvo Tatarstana (Folk Decorative Art of Tatarstan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

12. Valeeva, D. K. 1998. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1 (2), 88-98 (in Russian).

13. Valeeva, D. K. 2003. *Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoi Ordy (XIII– XIV vv.) (Art of the Volga Bulgars of Golden Horde Period (13th — 14th Centuries))*. Kazan (in Russian).

14. Dul'skii, P. E. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials for Protection, Repair and Restoration of the Monuments of Tatar Soviet Socialist Republic)* 3. Kazan, 22–27 (in Russian).

15. Kayum, Nasıyri. 1975. *Saylanma äsärlär (Selected Works)* 2. Kazan: "Tatarstan kitap näşriyatı" Publ. (in Tatar).

16. Kliashtornyi, S. G. 1964. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii (Ancient Turkic Runic Monuments as a Source for the History of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

17. Kornilov, P. E. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials for Protection, Repair and Restoration of the Monuments of Tatar Soviet Socialist Republic)* 3. Kazan, 53–55 (in Russian).

18. Kornilov, P. E. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials for Protection, Repair and Restoration of the Monuments of Tatar Soviet Socialist Republic)* 3. Kazan, 1–4 (in Russian).

19. Magnitskii, V. K. 1866. In *Kazanskie gubernskie vedomosti (Kazan Province Bulletin)* (46) (in Russian).

20. Magnitskii, V. K. 1874. In *Kazanskie gubernskie vedomosti (Kazan Province Bulletin)* (12) (in Russian).

21. Madurov, D. F. 2004. *Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashei (Traditional Decorative Art and Holidays of the Chuvash People)*. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. Mardanov, R. F., Khadiev, I. G. 2001. In *Dialog kul'tur Evrazii. Problemy istorii i arkheologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediia (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage)* 2. Kazan, 382–385 (in Russian).

23. Mukhamadiev, A. G. 1990. *Drevnie monety Povolzh'ia (Ancient Coins of the Volga Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

24. Mukhametshin, D. G. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 60–71 (in Russian).

25. Mukhametshin, D. G. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 136–140 (in Russian).

26. Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, F. S. 1987. *Epigraficheskie pamiatniki goroda Bolgara (Epigraphic Monuments of the Town of Bolgar)*. Kazan (in Russian).

27. Mukhametshin, D. G. 1993. In *Iz istorii Zolotoi Ordy (From the History of Golden Horde)*. Kazan, 118–133 (in Russian).

28. Mukhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar Epigraphic Monuments: Regional Pecularities and Ethnic-Cultural Variants)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 6. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

29. Mukhametshin, D. G., Burkhanov, A. A. 2012. *Ocherki istorii Iutazinskogo raiona: Iutazinskii region v sisteme kul'tur Vostochnogo Tatarstana i Volgo-Ural'ia. Drevnost' i srednevekov'e (Essays on the History of the Yutaza District: Yutaza District within the System of Cultures of East Tatarstan and the Volga-Urals. The Antiquity and the Middle Age)*. Series: Vostok–Zapad. Dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia) 10. Kazan (in Russian).

30. Mukhametshin, D. G., Burkhanov, A. A. 2014. *Ocherki istorii Iugo-Vostochnogo Tatarstana (Essays on the History of South-Eastern Tatarstan)*. Series: Vostok–Zapad. Dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia) 12. Kazan (in Russian).

31. Mukhametshin, D. G., Burkhanov, A. A. 2014. *Drevnosti Aznakaevskogo regiona (Antiquities of the Aznakay District)*. Series: Vostok–Zapad. Dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia) 14. Kazan (in Russian).

32. Poliakov, S. P., Cheremnykh, A. I. 1975. In *Domusul'manskie verovaniia i obriady Srednei Azii (Pre-Muslim Beliefs and Ceremonies of the Central Asia)*. Moscow, 261–279 (in Russian).

33. Porfir'ev, S. I. 1922. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* KhKhKhI (4). Kazan, 41–44 (in Russian).

34. Tagirdzhanov, A. T. 1970. In *Palestinskii sbornik (The Palestinian Collection)* 21 (84). Leningrad, 54–58 (in Russian).

35. Tatary Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (The Tatars of the Middle Volga Region and the Cis-Urals). 1967. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Usmanov, V. M. 2005. *Tarixi yadkärlär (Historical Monuments)*. Book 1. Ufa: Dizayn. Poligraf. Servis (in Bashkir).

37. Usmanov, V. M. 2005. *Tarixi yadkärlär (Historical Monuments)*. Book 2. Estärletamak (in Bashkir).

38. Usmanov, V. M. 2008. *Tarixi yadkärlär (Historical Monuments)*. Book 3. Sakmara: "Sakmarskaia tipografiia" Publ. (in Bashkir).

39. Usmanov, V. M. 2011. *Tarixi yadkärlär (Historical Monuments)*. Book 4. "Bakça avılı" Publ. (in Bashkir).

40. Usmanov, V. M. 2013. *Istoricheskie pamiatniki (Historical Monuments)*. Book 5. *Musul'manskie epitafii g. Troitsk (Muslim Epitaphs of the Troitsk Town)*. Sterlitamak (in Russian).

41. Usmanov, V. M. 2014. *Istoricheskie pamiatniki (Historical Monuments)*. Book 10. *Musul'manskie epitafii Chishmy (Muslim Epitaphs of Chishma)*. Ufa (in Russian).

42. Feiezkhanov, Kh. 1863. In *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva (Bulletin of the Archaeological Society)* IV. Saint Petersburg, 396–404 (in Russian).

43. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bulgars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

44. Khakimzianov., F. S. 1978. *Iazyk epitafii volzhskikh bulgar (Language of the Volga Bulgars' Epitaphs)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Khakimzianov, F. S. 1978b. In *Sovetskaia tiurkologiia (Soviet Turkic Studies)* 1, 61-68 (in Russian).

46. Khakimzianov, F. S. 1980. In *Issledovanie iazyka drevnepis'mennykh pamiatnikov (Research in the Language of Ancient Written Monuments)*. Kazan, 33–40 (in Russian).

47. Khakimzianov, F. S. 1987. *Epigraficheskie pamiatniki Volzhskoi Bulgarii i ikh iazyk (Epigraphic Monuments of Volga Bulgaria and Their Language)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

48. Xadiev, İ. G., Mardanov, R. F. 2008. *Ägerce töbägeneñ taşyazma istälekläre (Epigraphic monuments in the Agryz District)*. Kazan: "Tamga" Publ. (in Tatar).

49. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

50. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bulgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatarian Sites in the Kazan Governorate)*. Kazan (in Russian).

51. Chervonnaia, S. M. 1987. *Istoriia izobrazitel'nogo iskusstva i arkhitektury s drevneishikh vremen do 1917 goda (History of the Arts and Architecture from the Antiquity to 1917)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

52. Chernyshev, E. I. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (Issues on the Ethno-genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga River Region)*. Kazan, 272–292 (in Russian).

53. Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

54. Yusupov, G. V. 1964. In *Tezisy dokladov itogovoi nauchnoi sessii IIaLI Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR za 1963 god (Abstracts of Final Scientific Session of the Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR)*. Kazan, 69–71 (in Russian).

55. Rona-Tas A., Fodor I. 1973. *Epigraphica Bulgarika Volgarika Volgai Bolgar-torok feliratok*. Studia Uralo-Altaika. Szeged.

MAIN PUBLISHED WORKS BY G. V. YUSUPOV ON EPIGRAPHY

1. Yusupov, G. V., Khisamutdinov, G. M. 1951. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* IV. Moscow, 68–76 (in Russian).

2. Yusupov, G. V. 1951. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* V. Moscow, 78–94 (in Russian).

3. Yusupov, G. V. 1953. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* VII. Moscow, 26–30 (in Russian).

4. Yusupov, G. V. 1956. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* XI. Moscow, 44–54 (in Russian).

5. Yusupov, G. V. 1959. In *Voprosy bashkirskoi filologii (Issues of the Bashkir Philology)*. Ufa, 120–122 (in Russian).

6. Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

7. Yusupov, G. V. 1963. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* XVI. Moscow, 72–78 (in Russian).

8. Yusupov, G. V. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia Povolzh'ia (Issues on the Ethno-genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga River Region)*. Kazan, 217–232 (in Russian).

9. Yusupov, G. V. 1972. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)* XXI. Moscow, S. 48-55 (in Russian).

UNPUBLISHED WORKS BY G. V. YUSUPOV

1. Yusupov, G. V. 2014. In *Bezneñ miras (Our Heritage)* 07(30), 18–21 (in Tatar).

2. Yusupov, G. V., s. a. *Epigraficheskie pamiatniki Bolgarskogo gorodishcha (Epigraphic Monuments of the Bolgar Fortified Site)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-21, no. 2015 (in Russian).

3. Yusupov, G. V. 1961. *O rabote epigraficheskogo otriada arkheologicheskoi ekspeditsii KFAN SSSR v 1961 g. v raionakh pravoberezh'ia Volgi-Kazani (On the Works of the Epigraphic Team of the Archaeological Expedition of Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR in 1961 on the Right Bank of Volga and Kazan)*. Kazan. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 72 (in Russian).

ARCHIVAL MATERIALS

1. Yusupov, G. V. 1964. *Polevoi dnevnik № 1 Arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii IIaLI KFAN po raionam TASSR i sosednikh oblastei. Kazan, 1964 g. (Field diary no.1 of archaeological and ethnographical expedition of the Institute for Language, History and Literature, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR to the Tatar ASSR Districts and neighboring areas)*. Archive of the G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 8. Inv. 1, no. 58 (in Russian).

2. Yusupov, G. V. 1965. *Rabochaia tetrad'№1 Arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii IIaLI KFAN SSSR, 1965 g. (Workbook no.1 of archaeological and ethnographical expedition of the Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1965)*. Archive of the G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 8. Inv. 1, no. 384 (in Russian).

About the Author:

Mukhametshin Dzhamil G. Candidate of Historical Sciences. Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarovyh St., 67, Bolgar, 422840, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; djamil78@list.ru

УДК 902

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ С.П. ПОКРОВСКОГО В АРХИВЕ В.А. ГОРОДЦОВА

© 2014 г. А.С. Смирнов

Публикуется ранее неизвестная работа учредителя и первого директора Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани Сергея Павловича Покровского, хранящаяся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. В этой статье, написанной осенью 1917 г., С.П. Покровский излагает свою точку зрения на цели и задачи созданного им Северо-Восточного института. По его мнению, институт должен был стать центром российского востоковедения. Сфера деятельности института, помимо древней истории, археологии, этнографии и лингвистики народов Поволжья, должна была охватить Сибирь и Среднюю Азию. Помимо научных целей, институт должен был выступать как высшее учебное заведение и готовить специалистов для всего Востока России. Выпускники института, служа в различных исследовательских и государственных учреждениях, должны были использовать полученные в институте знания для успешной реализации своих профессиональных и служебных задач. Текст статьи С.П. Покровского предваряется введением, в котором дается оценка этого труда, обосновывается дата его написания, характеризуется научная и общественная позиция ученого.

Ключевые слова: археология, Казань, начало XX в., Северо-Восточный археологический и этнографический институт, С.П. Покровский, востоковедение, археология, этнография, лингвистика, история науки.

Исследователям, занимающимся историей Северо-Восточного археологического и этнографического института (СВАЭИ) в г. Казани, часто приходится ссылаться на статьи второго директора института В.М. Бречкевича, вышедшие в 1919 и 1920 г. (Бречкевич, 1919; 1920). Нередко эти работы используются как источники для определения целей и задач института.

К сожалению, до сих пор не были известны материалы, принадлежавшие учредителю СВАЭИ Сергею Петровичу Покровскому, раскрывающие взгляды и идеи, которыми он руководствовался, продвигая проект нового высшего учебного заведения.

В фонде В.А. Городцова, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, сохранился отдельный оттиск ранее неизвестной статьи С.П. Покровского, датируемый осенью 1917 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431, оп. 1, д. 489, лл. 358–360 об.).

Дату статьи позволяет определить заметка о деятельности СВАЭИ, помещенная на первой странице оттиска. В ней излагаются сведения о двух заседаниях Совета института, прошедших 6 и 29 сентября. В заметке указано, что на последнем заседании произошло избрание директором института С.П. Покровского и деканами факультетов Б.Ф. Адлера, М.В. Бреч-

кевича и Н.Ф. Катанова. Как следует из протоколов заседания Совета института, это событие произошло в сентябре 1917 г. (НАРТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 8).

Определить, в каком издании предполагалась публикация С.П. Покровского, не удалось. На типографских листах нет никаких указаний на название журнала или сборника. Возможное предположение о том, что мы имеем дело с неосуществленным первым выпуском «Известий» СВАЭИ следует отвергнуть. Если это было бы действительно так, то логично предположить, что информация о деятельности Совета института содержала бы и изложение первого заседания «по вопросу открытия в Казани Северо-Восточного этнографического и археологического института», состоявшегося 16 февраля 1917 г. (НАРТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д 3, л. 1–2). Но упоминается только второе заседание – 6 сентября. Следует заключить, что предполагалась публикация в каком-либо ином издании.

Статья С.П. Покровского так и не увидела свет, это можно объяснить тем, что в октябре 1917 г. в Казани, как писал из города профессор Н.Н. Фирсов, шли активные бои юнкеров с «большевистскими войсками» (ОР РГБ. Ф. 434, оп. 1, карт. 7; д. 19, л. 48–49). Военное противостояние в городе могло разрушить многие издательские планы.

Появление этого документа в бумагах В.А. Городцова обязано стремлению руководства института привлечь московского ученого к чтению лекций по первобытной археологии в Казани.

Статья С.П. Покровского замечательна не только тем, что это единственный известный в настоящее время труд учредителя института, полностью посвященный созданному им учреждению. В этой так и не увидевшей свет статье ученый не только излагал свои взгляды на задачи института. При прочтении документа представляется возможным понять, какими аргументами пользовался С.П. Покровский, столь успешно продвигавший идею института в стенах Министерства народного просвещения. Прежде всего, речь шла о просвещении поволжских «инородцев» и иных малых народов, с целью включения их в круг культурного и политического влияния центральной великороссской власти.

Публикуемый ниже документ представляет собой типографский текст, выполненный на 3 листах с двух сторон, что составляет в общей сложности 6 страниц. Информация о заседаниях Совета СВАЭИ, помещенная на первой странице оттиска и предшествующая статье С.П. Покровского, в данном случае помещена в конце. Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

«О значении и задачах Северо-Восточного этнографического и археологического института в г. Казани.

В Казани открывается новое высшее учебное заведение, состоящее в ведомстве Министерства народного просвещения – Северо-Восточный институт с тремя отделениями: этнографическим, археологическим и археографическим. Институт явится высшим специальным учебным заведением, глубокоотличающимся от существующих в Петрограде и Москве археологических институтов. Этот институт имеет особое направление и особые задачи. Северо-Восточный

институт имеет в составе своих отделений этнографическое отделение с четырехлетним курсом, какового не имеет ни одно из высших учебных заведений России. Институт будет заниматься не только изучением археологических и археографических дисциплин, но и изучением настоящего состояния Северо-Востока, Сибири, Средней Азии и Востока. Но и другие отделения института, археологическое и археографическое, имеют особое направление. Они будут заняты изучением не только русской археологии и археографии, но и наряду с ними будут изучаться древности различных народностей Северо-Восточной России (татар, чуваш, черемис, мордвы и др.). В нем будут преподаваться древности бывшего в свое время в этом крае Болгарского царства[1], древности финские и тюрко-монгольские.

Наряду с этими древностями будут изучаться и соответствующие языки (финские и тюрко-монгольские), в виду множества лингвистических древностей, имеющихся, можно сказать, на родине этих языков. Это те самые языки, на которых говорят инородцы Северо-Восточной России.

Будут также изучаться и некоторые из других восточных языков.

Наряду с вещественными памятниками прошлого, изучаемыми на археологическом отделении, в институте на археографическом отделении будут изучаться письменные памятники не только русские, но и других народностей Северо-Востока.

Таким образом, в Северо-Восточном институте будут преподаваться не только науки о прошлом северо-восточных народов, но и об их настоящем быте и их языке.

Такое изучение имеет значение, как в силу самой многовековой истории края, так и в силу настоящего племенного состава населения Северо-Востока, столь разнообразного по своим народностям.

Важность такого образования сказывается в наше время все более и более. Оно вытекает из самых принципов, которые должны быть положены в основу образования.

Ведь основой образования должно быть не только получение специальных знаний, но и прочное знакомство с прошлым и настоящим состоянием родной страны.

Именно больным местом нашей школы является то, что обучавшиеся в ней по большей части выходят из нее плохо знакомыми с самой русской жизнью, с ее прошлым, плохо представляющими даже тот край, в учебном центре которого они получили свое образование.

Большинство из них далеки и от познания народностей, населяющих этот край, в котором они часто по окончании высшего учебного заведения становятся служащими на разных поприщах государственного и общественного служения.

Высшая школа при своей специализации не дает таких познаний.

Это незнакомство имеет свои печальные следствия именно по окончании ее. Оно порождает оторванность от окружающей среды, непонимание ее жизни, ее прошлого и социальных условий, среди которых протекает деятельность начинающих свою службу по окончании высшей школы.

[1] Здесь и далее подчеркнуто В.А. Городцовым.

Отсюда происходит частью и отсутствие любви к своей деятельности и ошибки.

Вот с такой стороны представляется особенно важным значение создаваемого учреждения. Но значение названного института открывается и с другой стороны.

Его задачей служит подготовка специалистов для исследования Северо-Восточной России в трех направлениях, археологическом, археографическом и этнографическом; задачей института является, таким образом, подготовка специалистов для планомерного обследования местного края.

Такое обследование не может быть осуществлено до тех пор, пока не будут подготовлены в специальном институте соответствующие исследователи, которые могли бы заниматься исследованием края и на местах. В постановке научных задач учреждение института исходит из тех соображений, что обширный Северо-Восток России, несмотря на существование в различных городах ученых обществ, занимающихся обследованием края в археологическом и этнографическом отношениях, остается до сего времени необследованным. Некоторые губернии являются почти совсем нетронутыми в этом отношении.

Это явление объясняется тем, что такие обследования не под силу ни единичным ученым, ни ученым обществам.

В своей среде ученые общества не имеют достаточного количества лиц, подготовленных к таким обследованиям. Они их и не могут иметь, так как сами обследования нуждаются в специалистах, прошедших определенную школу. Естественно, что при обследованиях края ученые общества пользуются только силами единичных исследователей, специалистов по той или иной отрасли. Но, как известно, при исследованиях важны, прежде всего, планомерность и разносторонность, применительные к условиям и особенностям данной местности. Потребность в подготовке таких исследователей Северо-Восточной России в археологическом, архивном и этнографическом отношениях чувствуется в особенности за последнее время. Отсутствие на местах исследователей, специалистов привело к тому, что большинство губерний Северо-Восточной России, к глубокому сожалению, весьма мало обследованы в названных отношениях. А между тем Северо-Восточная Россия с ее центром Казанью представляет исключительный интерес и исключительную важность, как со стороны археологической, так археографической, а равно и этнографической. Каждый из народов, игравших здесь господствующую роль, оставил в этом крае свои памятники, дающие богатейший материал как для русской археологии, так и для археологи финнов и тюрко-монгольских народностей. *Северо-Восточная Россия изобилует городищами, курганами и другими памятниками древностей. Эти памятники имеют исключительный, универсальный научный интерес. По ним может быть изучена вся история человеческой культуры, начиная с зарождения общества и государства*[2]. Многие вопросы западно-европейской науки не могут быть изучены без знания археологии местного края. Кроме вещественных

[2] Выделенные курсивом строки отчеркнуты сбоку В.А. Городцовым с пометой «NB».

памятников как в различных официальных архивах, так и у частных лиц, можно найти множество памятников письменности русской и иностранной, в особенности мусульманской, по истории края, начиная с его покорения, русской колонизации, просвещения инородцев, влияния русских на инородцев и наоборот и т.д. Этнографический интерес края общеизвестен. Отсюда вышли некоторые из западноевропейских народов[3]. Северо-Восточная Россия была местом стоянки народов, оставивших и по настоящее время глубокие следы в этнографическом составе ее населения. Несмотря на богатство материала, исследование края ждет большого труда, который может быть произведен только подготовленными в институте специалистами. Таким образом, учреждение института обусловливается глубокими местными вопросами Северо-Восточной России. Его открытие теперь вызывается и неотложностью, так как в последние десятилетия замечается сильное исчезновение памятников древности. Исчезают памятники археологии под влиянием скупки их иностранцами, распашки земель, которой сравниваются с землей много городищ и городков, курганы расхищаются кладоискателями или разрываются людьми малосведующими и неподготовленными к такой важной работе, как раскрытие курганов и их изучение. Добытые такими искателями предметы расходятся по рукам и не делаются достоянием науки. Что касается архивного материала, то он также находится не в лучшем, если не в худшем положении. Сколько сгнивает важных исторических документов, оставаясь неизвестными для ученых? А сколько их продается, как ненужный хлам! Наконец, материал этнографический также не остается неизменным. В воззрениях различных народностей происходит с течением времени глубокое изменение и при таком изменении все труднее и труднее будет изучение их отдаленного быта.

А между тем такое изучение различных народностей имеет глубокое и практическое значение.

Необходимо обратить внимание на то, что направление института не является только теоретическим, но имеет глубокие практические основы.

Практическое значение института важно во многих отношениях. Северо-Восточный институт по своей программе приспособлен к тому, чтобы дать солидное высшее образование, применительно к общему уровню университетского образования, но с уклоном в сторону местных культурно-просветительских потребностей.

Ввиду особенностей быта местных народностей, сохранивших в своем быту многое из своей прошлой жизни, ввиду их национальных особенностей значение института является чрезвычайно важным с точки зрения их культурного и национального самоопределения. Он поможет им разрешить ту проблему, которая выдвинута нашим временем в отношении этого самоопределения. Давая своими тремя отделениями полный комплект знаний по изучению местного края, институт является своего рода местным университетом (universitas itterarum), необходимым для Северо-Восточного края, Сибири и Средне-Азиатских владений.

В такой постановке состав предметов института не только не заменя-

[3] Подчеркнув эту фразу, В.А. Городцов пометил на полях – «Венгры».

ет бывший в свое время в Казанском университете – факультет восточных языков, но и превосходит его по своей задаче. Факультет восточных языков имеет своей задачей содействие внешним сношениям России с восточными народами. Северо-Восточный институт ставит своей целью внутренние культурные цели, которые являются более важными для нас. В России нет ни одной школы, которая ставила бы себе именно эти задачи. *Культурное развитие народностей, ее населяющих, остается как бы вне изучения*[4]. Мы мало занимаемся ими, мы не занимаемся развитием творческих сил, заложенных в них, мы не подавали им руку культурной помощи, предоставляя их развитие собственной участи. Оттого и наблюдаются столь печальные явления, что многие из инородцев до сего времени живут своей первобытной жизнью, а вместе с тем и местности, ими занимаемые, также остаются на низкой степени культуры. Не то мы наблюдаем у наших союзников и других западноевропейских народов, ведущих колониальную политику. Достаточно сказать, как они заботятся о культуре народностей, живущих на далеком расстоянии от метрополии. Помогая культурному самоопределению своих колоний, они обратили их в цветущие края, связав их с собою культурно. А мы, живя бок о бок с нашими инородцами, мало заботились об их развитии, оставив многих из них к 20-столетию существовать при их первобытном образе жизни. Одни из них просто вырождаются, а другие остаются в глубоко-

[4] Выделенный курсивом текст отчеркнут В.А. Городцовым по правому полю двумя вертикальными чертами.

духовном и культурном неразвитии. Земства, например, исследуют их статистически, но эти исследования остаются мертвым материалом, они не могут получить живого освещения без этнографического изучения, без обследования их быта. А такое обследование требует специалистов, знающих их быт, их языки, их прошлое. Земства открывают теперь инородческие школы, семинарии. Но где специалисты, способные заниматься в этих школах?

Таким образом, для земской деятельности, занятой местными нуждами, весьма важно создание Северо-Восточного института, деятельность которого посвящена только местным потребностям.

Его задача – содействовать культурному подъему края, выяснение его нужд, указание необходимых мер к его просвещению и создание местных деятелей во всех областях жизни Северо-Востока. Народности, которые стремятся к своему развитию, в институте имеют для себя также высшую школу, без коей они не могут обслужить своих нужд.

Недалеко то время, когда будет решен в Учредительном Собрании вопрос о национальном и культурном самоопределении народностей, а вместе с тем встанет перед каждым деятелем Северо-Востока, Сибири и Туркестана вопрос о крайне важном значении специальных знаний, которые даст институт. Без этих знаний нельзя будет стать настоящим деятелем ни в сфере народного образования, ни в сфере государственного и общественного управления и суда. Не получивший образования в Северо-Восточном институте должен будет тогда сузить рамки своей деятельно-

сти. Напротив, получившему в нем образование откроется широкое поле деятельности во многих областях, кроме тех специальных областей, к коим институт непосредственно подготовляет.

Проф. С. Покровский».

«Северо-Восточный археологический и этнографический институт.

6 сентября состоялось заседание Совета Северо-Восточного археологического и этнографического института, на котором был рассмотрен и принят план преподавания на первый учебный год в составе следующих профессоров:

Русская история и история общественного движения в России.

Юридические древности – проф. С.П. Покровский, всеобщая история искусства – проф. А.М. Миронов, первобытная археология – В.А. Городцов, хранитель Исторического музея в Москве, история русской литературы – проф. П.П. Миндалев, исламоведение – проф. П.К. Жузе, финно-угорское языкознание – проф. Г.Я. Калима, турецко-татарское – Н.И. Ашмарин, история международных отношений – проф. Н.Н. Кравченко, антропология – С.А. Теплоухов, геология – приглаш. проф. М.Э. Ноинский, география – прив. доцент С.Н. Лаптев, история христианской иконографии – проф. В.А. Нарбелов, история русского искусства – прив.-доц. Б.П. Денике. Из перечисленных предметов большинство является общими для всех трех отделений института. Антропология, геология и география читаются для двух отделений этнографического и археологического, история христианской иконографии – для археологического и археографического отделений. Кроме того, для всех желающих вводятся дополнительные предметы: история политических учений – проф. Н.Н. Кравченко, социология – проф. С.П. Покровский и история общественного движения в России.

Для археографического отделения введены кроме общих специальные предметы – чтение рукописей – приглаш. доц. В.И. Огородников, дипломатика, геральдика – В.А. Трутовский. Учебный план по всем отделениям определяется в количестве 40 учебных часов. В этом же заседании на 29 сентября назначено было новое заседание совета, на коем должны были состояться выборы директора института, 3-х деканов отделений института и секретаря. На бывшем 29 сентября собрании избраны директор института учредитель его проф. С.П. Покровский, а деканами: по этнографическому отделению – орд. проф. Б.Ф. Адлер, по археографическому – проф. М.В. Бричкевич и по археологическому – проф. Н.Ф. Катанов, секретарем института – проф. А.М. Миронов».

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт // ИОАИЭ. – Т. XXX. – Вып. 1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1919. – С. 81–87.

2. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в г. Казани. – Т. I. – Казань, 1920. – С. 1–9.

Информация об авторе:

Смирнов Александр Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); assmirnov@mail.ru

UNKNOWN ARTICLE BY S.P. POKROVSKY AT THE V.A. GORODTSOV' ARCHIVE

A.S. Smirnov

A previously unknown article by Sergey Pavlovich Pokrovsky, founder and first director of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan, which is now stored at the Written Sources Department with the State Historical Museum, is published. In the article written in the autumn of 1917, S.P. Pokrovsky expresses his opinion on the tasks and objectives of the North-Eastern Institute established by him. On his opinion, the Institute role was to become a center of the Russian oriental studies. Besides ancient history, archaeology, ethnography and language studies of the peoples inhabiting the Volga region, the Institute had to include Siberia and Central Asia in its sphere of research. In addition to scientific goals, the Institute had to serve as a higher education establishment and to train specialists for the entire Eastern part Russia. Working at different state and research bodies, the graduates were to use the knowledge acquired at the Institute for a successful performance of their professional and official tasks. The text of the article is preceded by an introduction providing an evaluation of the publication, substantiating its producing date, and characterizing the scientific and social stance of the scientist.

Key words: archaeology, Kazan, early 20th century, North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, S.P. Pokrovsky, oriental studies, archaeology, ethnography, language studies, history of science.

REFERENCES

1. Brechkevich, M. V. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXX (1). Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 81–87 (in Russian).

2. Brechkevich, M. V. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City)* I. Kazan, 1–9 (in Russian).

About the Author:

Smirnov Alexander S. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; assmirnov@mail.ru

УДК 069 (091): 930. 2

В.А. ГОРОДЦОВ И КАЗАНЬ: ПОЕЗДКА 1920 ГОДА

© 2014 г. С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

Публикуется часть архивного документа, связанного с пребыванием руководителя Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР В.А. Городцова в Казани 8–12 сентября 1920 г. в ходе инспекторской поездки по городам Поволжья и Приуралья. Документ представляет собой дневник, записи в котором передают не отраженную в полной мере в официальных документах информацию об этой поездке и ее результатах. В нем повествуется о встречах, дискуссиях, выступлениях Городцова перед учеными и общественностью, его впечатлениях об археологической работе в регионах, о состоянии музеев и коллекций. Встречи и общение В.А. Городцова с Б.Ф. Адлером, Н.Ф. Катановым, М.Г. Худяковым и другими учеными Казани сыграли положительную роль в развитии археологии в Волжско-Камском крае в самые трудные послереволюционные годы.

Ключевые слова: археология, Казань, начало XX в., В.А. Городцов, губернский музей, университет, этнографический музей, Б.Ф. Адлер, Н.Ф. Катанов, М.Г. Худяков..

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится примечательный архивный документ, связанный с административной, музейной и научной деятельностью В.А. Городцова. Это дневник его поездки вместе с Ф.А. Афремовой-Эдинг по городам Поволжья и Приуралья в августе-октябре 1920 года. Записи об этой поездке сделаны Василием Алексеевичем в тетради, озаглавленной «Дневник археологических раскопок 1920 г. профессора В.А. Городцова. Тетрадь I. Адрес: г. Москва, Российский Исторический Музей» (Ф. 431, д. 62). Так случилось, что они выпали из поля зрения исследователей, обращавшихся к научному наследию и деятельности одного из основоположников российской археологии в первые послереволюционные годы.

Этот дневник В.А. Городцова, несомненно, является важным источником по истории археологической науки и музейного строительства в Нижнем Новгороде, Казани, Ульяновске (Симбирске), Самаре, Уфе, Саратове, Воронеже и Рязани, поскольку его записи передают не отраженную в полной мере в официальных документах информацию об этой поездке и ее результатах. В записках повествуется о встречах, дискуссиях, выступлениях Городцова перед учеными и общественностью поволжских городов, его впечатлениях об археологической работе в регионах, состоянии музеев и коллекций. Кроме того, в них заключены пожелания и рекомендации Василия Алексеевича как представителя Народного комиссариата просвещения РСФСР, адресованные местным органам, ответственным за состояние музеев, архивов, охрану памятников

искусства и старины, а также представителям научных, учебно-просветительских и краеведческих обществ и организаций. К этому его обязывали и основные задачи командировки. Еще одной целью Городцова являлось обсуждение в этих городах вопроса о месте проведения очередного Всероссийского археологического съезда. Василий Алексеевич стремился возобновить традицию их проведения, прерванную Первой мировой войной, революциями 1917 г. и Гражданской войной, и положил для этого немало сил[1]. Его инициатива встретила заинтересованный отклик в университетской среде Казани и Саратова.

Кроме того, Городцову как археологу было крайне важно познакомиться с археологическими коллекциями в музеях и университетах Поволжья. Материалы, собранные во время поездки 1920 г., и прежде всего по эпохе бронзы, являются весьма значительными. В настоящее время они разбросаны по различным рубрикам в архиве ученого.

Конечно, в местной периодике и архивных документах тех лет есть отзвук об этой поездке В.А. Городцова. В частности, впечатлениями о его посещении Казанского губернского музея поделился тогда же М.Г. Худяков (1920)[2]. О работе Василия Алексеевича в Самаре, Саратове, Хвалынске и Царицыне есть немало строк в письмах В.В. Гольмстен и в других архивных документах (Кузьминых, Сафонов, 2007; Кузьминых, 2007; Малов, 2010). Но все же непосредственные записи самого Городцова с рассказом о проделанной работе, встречах и общении с коллегами, впечатлениях о музеях и археологических коллекциях являются важнейшим первоисточником, к которому будут обращаться его биографы и историографы. Значение записок Городцова для истории науки тем более важно, если вспомнить, что в один из октябрьских вечеров 1930 года в тяжелейшие для ученого в морально-психологическом плане дни, связанные с увольнением из Исторического музея и Московского университета, он сжег личные послереволюционные дневники за 1918–1930 гг.[3], о чем впоследствии горько сожалел (Городцов, 2014, с. 110). Отчасти записи о поволжской поездке 1920 года восполняют ту информацию, которую Василий Алексеевич обычно переносил из рабочих дневников и тетрадей в личный дневник. Надеемся, что в ближайшее время записи эти нам удастся опубликовать в полном виде.

Для настоящей публикации мы извлекли из них фрагмент, связанный с пребыванием В.А. Городцова в Казани. Текст сопровождается комментариями. В квадратные скобки заключены сокращенные части слов, а также наши единичные вставки, необходи-

[1] К сожалению, усилия В.А. Городцова по организации в 1920-е годы очередного Всероссийского археологического съезда оказались безрезультатными. Их проведение удалось возобновить в России лишь в начале XXI века; см. подробнее об этой проблеме: (Вдовин и др., 2008; Серых, 2014, с. 130–132).

[2] Спустя десятилетия они были пересказаны в статье А.Х. Халикова (1991).

[3] В.А. Городцову удалось восстановить лишь краткие дневниковые записи за эти годы (2014, с. 185–251).

мые для понимания контекста фразы или последующего слова.

Несколько слов о Городцове ко времени поволжской поездки. До революции и в первые послереволюционные годы он не занимал видных постов в учреждениях археологического профиля. Основным местом его работы являлся Российский Исторический музей, в котором Василий Алексеевич возглавлял отдел археологии. К осени 1920 г. произошли коренные перемены в деятельности ученого. 1 июля 1918 г. он впервые занял высокую административную должность, став членом Всероссийской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы – специального государственного органа по руководству всем музейным строительством, созданным при Народном комиссариате просвещения РСФСР (с 1921 г. Главмузей, с 1922 г. Главнаука). Сознавая неотложность скорейшего создания археологической службы в стране, Городцов в 1919 г. инициировал организацию при Музейном отделе Археологического подотдела и до 1926 г. являлся его руководителем; в его ведении была столь важная функция, как контроль выдачи Открытых листов. В 1918 г. Василий Алексеевич был утвержден в звании профессора археологии, а в 1919 г. стал профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ. В эти же годы Городцов активно занимался перестройкой Исторического музея, инициированной новой властью, но велась она в продолжение программы реэкспозиции археологических залов, выдвинутой и начатой им еще до революции (Белозерова, 1988, с. 18–20; Кузьминых, Белозерова, 2012, с. 139, 140). Работа археологического разряда РИМ, ставшего отдельным структурным подразделением музея со 2 января 1914 г., строилась на основе его разработок и докладов. Так было вплоть до увольнения ученого из музея в 1929 году. В целом же 1920-е годы стали пиком организационной и педагогической деятельности В.А. Городцова (см. подробнее: Кузьминых, Белозерова, 2012; Белозерова, Кузьминых, 2014).

В Казани к 1920 г. сохранились и функционировали научные организации (ОАИЭ), университет и Губернский музей с организационной структурой и исследовательской практикой, которые сложились еще до революции (Руденко, 2014, с. 351, 352). С осени 1917 г. начались занятия в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (Бречкевич, 1920, с. 2). В течение 1919–1920 гг. в Казань вернулась часть университетских преподавателей, осевших в университетах Томска и Иркутска после «великого исхода» в сентябре 1918 г. при отступлении Белой армии (Малышева, 2003). В 1919 г. возобновилась деятельность ОАИЭ. На первом, январском, заседании его председателем был избран Н.Ф. Катанов, руководивший Обществом до весны 1921 года. Б.Ф. Адлер, передавший председательские полномочия в ОАИЭ Катанову, с начала 1919 г. стал директором Казанского городского (в дальнейшем губернского) музея. Ему в кратчайшие сроки удалось провести организационную

реформу музея (см. подробнее: Синицына, 2002, с. 39–42). С 1920 г. под редакцией Б.Ф. Адлера, П.М. Дульского и К.В. Харламповича стал выходить первый в России периодический музееведческий журнал «Казанский музейный вестник» (Синицына, 1963; 2002, с. 17–20). С 1911 г. профессор Адлер возглавлял (до 1923 г.) кафедру географии, этнографии и антропологии Казанского университета. В 1913 г. он сумел объединить этнографические коллекции трех университетских музеев – ОАИЭ, Отечествоведения и Кабинета географии в единый Этнографический музей (Гущина, 2013, с. 54). С 1 февраля 1919 г. в Губернском музее по приглашению Адлера начал работать М.Г. Худяков, возглавив историко-археологический отдел (Кузьминых, 2004, с. 33).

Именно Б.Ф. Адлер, М.Г. Худяков и Н.Ф. Катанов были 9–12 сентября 1920 г. основными собеседниками В.А. Городцова в дни пребывания в Казани. С первым из них он был знаком уже давно и, судя по записям в личном дневнике, не раз встречался в Москве. О Катанове, как известном востоковеде, Городцов, безусловно, знал, но, кажется, лично они познакомились только в этот раз. О Худякове Василий Алексеевич впервые услышал в 1915 г. от А.М. Тальгрена. Пытливый казанский студент при первой же встрече привлек внимание финского археолога: Тальгрен не только прислал Михаилу Худякову свои труды, но и просил об этом коллегу из Исторического музея. Примечательны строки о Худякове, которые Тальгрен адресовал в РИМ Городцову (30.09.1915 г.): «В Казани я познакомился с одним молодым студентом, который серьезно занимается археологической наукой. Он сделал [оставил. – *авт.*] весьма хорошее впечатление, и я думаю, что мы найдем в нем важного помощника и будущего коллегу в Прикамском крае» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 461, л. 98 об.). Но трудно сказать, помнил ли Василий Алексеевич об этой рекомендации финского ученого при очном знакомстве с Михаилом Худяковым в 1920 году.

Судя по заметкам В.А. Городцова, его главным куратором в Казани был Б.Ф. Адлер. Он познакомил Василия Алексеевича с университетскими и Губернским музеями. На общем заседании Общества археологии, истории и этнографии состоялся доклад Городцова «Необходимость организации археологических сил в губернских центрах и выработка планов систематических, строго научных археологических исследований и раскопок в России и по губерниям». С этим докладом он, как правительственный чиновник и руководитель Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, в ходе поездки выступал во всех губернских центрах. Целей было две: 1) способствовать организации археологической жизни и решению административных вопросов в регионах, разъяснить законы и постановления, касающиеся учета и охраны памятников истории и культуры, которые разрабатывались в Наркомпросе под началом Городцова (Кузьминых, Белозерова, 2012, с. 134); 2) заручиться поддержкой на местах задуманных им реформ по пе-

реустройству археологической службы РСФСР[4].

В обсуждении городцовского доклада именно Адлер принял самое активное участие, выдвинув ряд важных предложений по организации археологической деятельности в российских регионах. Бруно Фридрихович, как никто из отечественных ученых того времени, был теоретически и практически подготовлен к обсуждению этих сложных вопросов (Адлер, 1920а; 1920б; 1920в). Будучи одним из руководителей ОАИЭ Адлер откликнулся и на инициативу Городцова о необходимости проведения очередного Всероссийского археологического съезда для организации археологических сил страны. Адлер надеялся созвать съезд в 1922 г. в Казани, чтобы приурочить к памятному юбилею – 1000-летию принятия ислама волжскими булгарами.

Хорошее впечатление вынес В.А. Городцов из бесед с Н.Ф. Катановым и ознакомления с созданным им Нумизматическим музеем.

Михаил Худяков был «поводырем» В.А. Городцова при работе с археологическими коллекциями Губернского музея и ОАИЭ. Несмотря на беглое знакомство с казанскими материалами, Василий Алексеевич пришел к заключению о принадлежности их к ряду археологических культур металлического периода. Предложенная им в записках периодизация культур такова: полянковская (XIV–XII вв. до н.э.); маклашеевская (XII – VIII вв. до н.э.); ананьинская (VIII–V вв. до н.э.); костеносная (V в. до н.э.–II в. н.э.); пьяноборская (II–III вв. н.э.); «для более позднего времени от III до IX вв. по Р.Х. культуры не установлены»; болгарская (IX–XV вв.). Особенно важными являются суждения Городцова о культурах палеометаллической эпохи. Из комментария его высказываний, зафиксированных Худяковым (1920, с. 117–118), следует, что курганные погребения из Полянок и Маклашеевки со скорченными костяками и керамикой баночных форм, выделенные в «полянковскую» культуру, Василий Алексеевич сопоставлял с погребениями срубной культуры юга России. Вытянутые погребения из длинных курганов Маклашеевки Городцов выделил в особую культуру финала бронзового века («маклашеевскую»), отметив, что она представляет собой «раннюю стадию ананьинской культуры» (Худяков, 1920, с. 118). Хронологическое размежевание «ананьинской» и «костеносной» культур произведено им, скорее всего, под влиянием аргументов Михаила Худякова, который к 1920 г. завершил и сдал в печать большую работу об ананьинской культуре (Худяков 1923, с. 72–126). Казанский археолог считал, что «культура могильников Ананьинского типа и костеносных городищ, по-видимому, одна и та же», но при этом предполагал, что «костеносная культура принадлежала иной народности, хотя близко родственной Ананьинскому племени, и что эта народность жила в Волжско-Камском крае в эпоху, непосредственно следовавшую за Ананьинским периодом» (Там же, с. 122). Представление

[4] Подробнее об этих планах см.: (Платонова, 2010, с. 212; Кузьминых, Белозерова, 2012, с. 133, 134).

Городцова о пьяноборской и более поздних культурах края, скорее всего, также сложилось в ходе обсуждения материалов этих культур с Худяковым. Богатство Губернского музея и ОАИЭ древними бронзами и каменными сверленными топорами привели Василия Алексеевича к мысли о необходимости поисков «в пределах края поселений и погребений Сейминской культуры и еще более древней культуры, аналогичной Фатьяновской» (Худяков, 1920, с. 118).

Представления о культурах палеометаллической эпохи, зафиксированные Худяковым (1920) и в публикуемых ниже заметках Городцова, стали значительным шагом вперед по сравнению с ранними хронологическими разработками Тальгрена (Tallgren, 1911; 1916) и недавними – Худякова (1923, с. 83–86), в которых также учитывались материалы из Полянок и Маклашеевки. Хотя казанский археолог и опирался в поисках аналогий погребальному обряду и керамике этих могильников на материалы известных раскопок Городцова в Бахмутском и Изюмском уездах[5], он опирался в своих представлениях, прежде всего, на труды и взгляды финского ученого. Однако встреча с Городцовым в Казани, совместный просмотр археологических коллекций Губернского музея и ОАИЭ побудили Михаила Худякова пересмотреть свои прежние взгляды и стимулировали пристальный интерес к изучению старых коллекций Н.П. Лихачева и П.А. Пономарева из раскопок в Полянках и Маклашеевке.

Общение с одним из ведущих российских археологов 1920-х годов, безусловно, внесло коррективы в направления исследований Худякова и определило его научную судьбу на ближайшие годы. Городцов предоставил в 1921 г. в распоряжение молодого ученого новую и давно ожидаемую им книгу Тальгрена об ананьинской эпохе (Tallgren, 1919), на которую казанский археолог вскоре откликнулся компетентной и критической рецензией (Худяков, 1922а). Под влиянием Городцова и Тальгрена в начале 1920-х годов Худяков всерьез обратился к изучению бронзового века Волжско-Камского края. Вместе со студентами Восточной академии им были обработаны каменные сверленые топоры Губернского музея, а рукопись статьи отправлена на экспертизу Тальгрену. В 1923 г. был создан первый вариант рукописи книги о маклашеевской культуре, которая рассматривалась им как переходная от камня к металлу и одновременная фатьяновской культуре центра Русской равнины (Кузьминых, 2004, с. 35). И эта рукопись была отправлена Тальгрену. Финский ученый в итоге обе их забраковал. В результате через несколько лет Худяков изъял из рукописи книги часть текста и ввел в научный оборот погребальные древности из Полянок и Маклашеевки (Chudjakov, 1927a; 1927b; 1927c), отнеся их к маклашеевской культуре. Она рассматривалась как энеолитическая – отличная от фатьяновской[6], сходная с ней, но более поздняя; кроме того, намечались связи с более юж-

[5] См. об этих исследованиях В.А. Городцова: (Бочкарев, 2001; Сафонов, 2001).

[6] В ареал этой культуры на основании массовых находок каменных сверленых топоров он включал и Среднее Поволжье.

ной – хвалынской – культурной группой на Волге (Chudjakov, 1927b, s. 25, 26). В 1930 г. Худяков – в развитие городцовской версии периодизации палеометаллической эпохи Волжско-Камского края (Худяков, 1920, с. 118) – провел четкую грань между культурами могильников Полянского 1 и Маклашеевского 1 (со скорченными костяками) и Маклашеевского 2 (с вытянутыми костяками), отнеся последнюю к концу бронзового века, а сам могильник Маклашеевка 2 – к ранней стадии ананьинской культуры (Худяков, 1930, с. 13, 14). Эта точка зрения соответствует нашим современным представлениям о древностях срубной и маклашеевской культур позднего бронзового века.

Будучи в Казани, В.А. Городцов, вероятно, отчасти чувствовал себя виноватым, потому что не смог в 1917–1919 гг. прочитать курс «Первобытная археология» в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте, несмотря на неоднократные обращения Совета института и его директоров С.П. Покровского и М.В. Бречкевича (Бречкевич, 1920, с. 2), и поэтому принял предложение опубликовать в «Казанском музейном вестнике» статью «К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела» (Городцов, 1922). Сопровождавшая его в поездке по городам Поволжья Ф.А. Афремова-Эдинг была активным участником экспериментальных работ (Там же, с. 178, 183–185).

Вне всякого сомнения, посещение В.А. Городцовым Казани 8–12 сентября 1920 г. стало памятным для научной и музейной общественности города и сыграло свою положительную роль в развитии археологии в Волжско-Камском крае в самые трудные послереволюционные годы.

Приложение

В.А. Городцов

Из дневника 1920 года: поездка по городам Поволжья (Казань)[7]

1920 г.

31 августа. Согласно распоряжению Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины и удостоверения Наркомпроса за № 4300 от 13 августа 1920 г., я с сотрудником моим по VIII (археологическому) подотделу Отдела по делам музеев Ф.А. Афремовой[8] выехал в города

[7] Заглавие тексту В.А. Городцова дано авторами.

[8] Эдинг (ур. Афремова) Фелициата Александровна (?–1942), археолог, музейный работник. Из купеческой семьи. Выпускница Московского археологического института (1915), слушатель университета им. Шанявского, ученица В.А. Городцова. Работала в археологическом подотделе Музейного отдела НКП РСФСР (1918–1922), сопровождала В.А. Городцова в поездках по инструктированию музеев; в 1922–1929 помощник хранителя отдела славяно-финской археологии РИМ/ГИМ, в 1929–1932 научный сотрудник отдела эпохи феодализации. Научные интересы связаны со славяно-русской археологией, вела работу по разбору и систематизации коллекций. Жена Д.Н. Эдинга.

Н.-Новгород, Казань, Симбирск, Самару, Уфу, Саратов, Воронеж и Рязань для выполнения следующих возложенных на меня задач: 1) инструктирования в названных городах музеев в их археологических отделах; 2) содействия организации местных археологических сил и 3) выработке губернских планов археологических раскопок.

4 сентября. Утром послана служебная срочная телеграмма в Казанский жилотдел с просьбой об отводе жилого помещения для нас с 8 сентября.

7–8 сентября. Переезд по Волге из Н.-Новгорода в Казань.

9 сентября. Осмотрены в Казани Губернский, бывший Городской, музей, Географический и Антропологический музеи при университете[9].

10 сентября. Вторично осматривали выше именованные музеи и сверх сего осмотрен Этнографический музей при университете[10]. При нашем осмотре объяснения давал профессор Б.Ф.Адлер[11], энергии и знанию которого университетские музеи обязаны своим не только блестящим состоянием, но и самим существованием.

11 сентября. От 10 до 4 ч. дня изучали коллекции [Губернского] музея, кабинета археологии, истории и этнографии при Казанском университете[12], установили ряд культур, последовательно сменивших друг друга на почве Казанской губ[ернии][13]. Таким образом, выделены: I. Полянковская культура XIV–XII веков до Р.Х.; II. Маклашеевская к[ультура] XII–VIII веков до Р.Х.; III.

---

[9] См. подробнее об университетских музеях: (Назипова, 2004; Сидорова, 2012).

[10] См. о создании и истории этнографического музея: (Гущина, 2013).

[11] Адлер Бруно (Бруно Вильгельм Карл Адольф) Фридрихович (1874–1942), этнограф, географ, антрополог, музейный деятель. Окончил Московский университет (1899), ученик Д.Н. Анучина. В 1900–1902 стажировался в Лейпцигском университете у основоположника антропогеографии Фридриха Ратцеля, ассистент в этнографическом музее Гроса. С 1902 в Петербурге: в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого и с 1910 в Этнографическом отделе Русского музея. С 1911 в Казани: экстраординарный профессор университета, до 1923 зав. кафедрой географии, этнографии и антропологии; с 1914 товарищ председателя, в 1918–1919 председатель ОАИЭ; декан этнографического факультета СВАЭИ/ВА Северо-Восточного археологического и этнографического института/Восточной академии (1917–1920); с 1919 директор Губернского музея и председатель губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины; организатор первого в России музееведческого журнала «Казанский музейный вестник» (с 1920); член Совета Всероссийской коллегии по делам музеев при НКП РСФСР, председатель Комиссии по организации Всероссийского центрального этнографического музея. В 1922–1925 в командировке в Германии для изучения музейного дела. С середины 1920-х в Москве: приват-доцент, затем профессор 1 МГУ, Института антропологии, Ярославского пединститута. В 1933 арестован, в 1934 осужден и выслан в Обдорск (Салехард). В 1936 повторно осужден на 7 лет лишения свободы, отбывал срок в исправительно-трудовом лагере в Омске; в 1941 вновь арестован и расстрелян в марте 1942; см. подробнее: (Решетов, 1994, с. 202–206; Розенталь, 1998, с. 101–105; Зорин, 2001; Тункина, 2008, с. 478, 479).

[12] Имеется в виду кабинет археологии при ОАИЭ.

[13] Результаты этого обсуждения нашли прямое отражение в опубликованной в том же году информации М.Г. Худякова (1920), более подробно изложившего взгляды и высказывания В.А. Городцова, нежели сам ученый в своих дневниковых записях.

Ананьинская культ[ура] VIII–V веков до Р.Х.; IV. Костеносная культура от V в. до Р.Х. и до II в. по Р.Х.; V. Пьяноборская культура II–III вв. по Р.Х. Для более позднего времени от III до IX вв. по Р.Х. культуры не установлены. Последнею является Болгарская культура IX–XV в. по Р.Х.

12 сентября. Воскресенье. Утром объяснял хронологическую классификацию М.Г. Худякову[14], преподавателю археологии Казанского археологического института[15]. Днем занимался изучением коллекций Губернского музея, преимущественно бронзовой эпохи.

Вечером были на общем заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, где мною было сделано сообщение «Необходимость организации археологических сил в губернских центрах и выработка планов систематических, строго научных археологических исследований и раскопок в России и по губерниям». Доклад мой был подвергнут обсуждению, причем высказана проф. Б.Ф. Адлером идея, что в губернских городах удобнее всего организовывать общества синтетического характера, наподобие Казанского Общ[ества] арх[еологии], ист[ории] и этногр[афии], что дает более широкий круг ведения и привлекает большее число работников, внося особое оживление и интерес к развитию трудов. Что же касается обществ в уездах, то там лучше всего иметь их в виде обществ родиноведения, т.е. с еще больше выраженным синтетическим (энциклопедическим) характером, по той же причине и по причине недостаточности специалистов, чтобы поддержать специализированное общество под одним именем, напр[имер], «археологическое общество» и т.п.[16] Вместе с тем Адлер высказал мысль о судьбе Археолог[ического] съезда в Казани по случаю юбилея[17].

---

[14] Худяков Михаил Георгиевич (1894–1936), археолог, этнолог, историк, доктор исторических наук (1936). Окончил Казанский университет (1918). До 1924 в Казани: преподаватель в школах, библиотекарь ОИАЭ, с 1919 зав. историко-археологическим отделом Губернского музея, преподаватель СВАЭИ/ВА. С 1920 также в Музейном отделе НКП Татарской АССР, один из организаторов Научного общества татароведения. С 1925 в Ленинграде: научный сотрудник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, в 1926–29 аспирант ГАИМК, с 1929 ученый секретарь, научный сотрудник КИПС–ИПИН, преподаватель ЛГУ, с 1931 доцент ЛИЛИ–ЛИФЛИ, сотрудник ГАИМК. В 1936 репрессирован. Труды по истории, этнографии, археологии, краеведению народов Среднего Поволжья и Приуралья, истории русской археологии и этнографии; см. подробнее: (Кузьминых, Старостин, 1995; Кузьминых, 2004; Гришкина, Кузьминых, 2008).

[15] Имеется в виду Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани; см. об истории его создания и деятельности: (Бречкевич, 1919; 1920; Леонтьева, 1978).

[16] Эти идеи перекликаются с теми, что нашли отражение в опубликованных в том же году статьях Б.Ф. Адлера «Областные и местные музеи» (1920а) и «Научные общества и музеи при них» (1920в).

[17] Речь идет о выборе места проведения очередного Всероссийского археологического съезда, за проведение которого ратовал В.А. Городцов; см. подробнее об истории его организации: (Вдовин, Кузьминых, Серых, 2008). Вопрос этот обсуждался не только с казанскими учеными, но и с представителями других городов в ходе всей по-

13 сентября. Утром с 10 до часу мы осмотрели: 1) Нумизматический музей проф. Николая Федоровича Катанова[18] и 2) Университетский [Этнографический] музей Бр.Ф. Адлера[19]. Нумизматический музей оборудован чрезвычайно удобно, но тесноват. Порядку экспозиции здесь следует учиться. (Я обещал Н.Ф. Катанову передать ему некоторые монеты моего собрания)[20]. В музее Адлера мы были немного времени, чтобы проститься и еще раз взглянуть на музейные сокровища. Б.Ф. Адлер показал нам регистрационные карточки с рисунками вещей, выполненными акварелью[21]. Эти карточки могут быть образцом каталогизации, но они дороги (по 75 р. каждая за рисунок).

В 4 часа мы простились с Казанью, отправившись на пристань, где нам сообщили, что с утра ни одного парохода сверху не приходило и когда придут задержанные в пути пароходы неизвестно. Мы влились в огромную толпу ожидающих посадки. Прошло часов пять, потом десять, ни одного парохода не являлось; только в 3 часа подплыл первый пароход и началась посадка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер Б.Ф.* Областные и местные музеи // КМВ. – 1920а. – № 1–2. – С. 5–13.

2. *Адлер Б.Ф.* Инвентарь, каталог и их значение в музее // КМВ. – 1920б. – № 3–4. – С. 11–19.

3. *Адлер Б.Ф.* Научные общества и музеи при них // КМВ. – 1920в. – № 5–6. – С. 45–49.

4. *Белозёрова И.В.* Музейная деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Тр. ГИМ. – Вып. 68. – М.: ГИМ, 1988. – С. 14–26.

5. *Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // В.А. Городцов. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: ИД Триумф принт, 2014. – С. 12–72.

6. *Бочкарев В.С.* Периодизация В.А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: харак-

---

волжской поездки 1920 года. Б.Ф. Адлер предлагал провести съезд в Казани в 1922 г. и приурочить его к 1000-летнему юбилею принятия ислама волжскими булгарами; см. о самом юбилее: (Худяков, 1922б).

[18] Катанов Николай Федорович (1862–1922), востоковед, тюрколог, этнограф, фольклорист, профессор Казанского университета и духовной академии, доктор сравнительного языкознания, известный общественный деятель; см. подробнее: (Харлампович, 1922; Иванов, 1973). Нумизматическая коллекция ученого состояла в основном из золотоордынских монет из Болгарского городища. По данным К.А. Руденко (2014, с. 350), к 1920 г. количество серебряных монет в ней достигло 954, а медных – 317; в ней были и редкие китайские монеты династий Юань, Мин и Цин (XIII–XIX вв.), переданные в Азиатский музей Академии наук в Петрограде.

[19] См. подробнее об этих музеях: (Назипова, 2004; Сидорова, 2012; Гущина, 2013).

[20] См. о коллекциях Н.Ф. Катанова в Национальном музее РТ: (Газизуллин, 2000).

[21] См. описание и образцы этих карточек: (Адлер, 1920б, с. 16–19; Гущина, 2013. Вклейка 3 после с. 64).

теристика культур, хронология и периодизация. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 8–10.

7. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани // ИОАИЭ. – Т. XXX. – Вып. 1. – Казань, 1919. – С. 81–87.

8. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Изв. Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Т. 1. – Казань: 5-я Государственная типография, 1920. – С. 1–9.

9. *Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // РА. – 2008. – № 4. – С. 170–177.

10. *Газизуллин И.Р.* Коллекции Н.Ф. Катанова в фондах ГОМ РТ // Музей в системе ценностей евразийской культуры. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Школа, 2000. – С. 119–121.

11. *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. – 474 с.

12. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. – М.: Синодальная Типография, 1915. – С. 121–226.

13. *Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // КМВ. – 1922. – № 2. – С. 178–187.

14. *Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. – Т. VII – М., 1927. – Стлб. 610–626.

15. *Городцов В.А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1. 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. – М.: ИД Триумф принт, 2014. – 687 с.

16. *Гришкина М.В., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // М.Г. Худяков. История Камско-Вятского края: Избранные труды. – М., Ижевск: ИА РАН, Удм.ИИЯЛ УрО РАН, 2008. – С. 5–49.

17. *Гущина Е.Г.* Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. – Казань: Отечество, 2013. – 108 с.

18. *Зорин Н.В.* Бруно Фридрихович Адлер (1874 – не ранее 1932). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 36 с.

19. *Иванов С.В.* Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). – Изд. 2-е. – М.: Восточная литература, 1973. – 114 с.

20. *Кузьминых С.В.* Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань: Школа, 2004. – С. 25–46.

21. *Кузьминых С.В.* Штрихи к научной биографии В.В. Гольмстен: пять писем А.М. Тальгрену // Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. – Самара: Офорт, 2007. – С. 98–114.

22. *Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. – СПб.; Красноярск: С.-Петерб. филиал Архива РАН, Красноярск: КрГПУ, 2012. – С. 131–152.

23. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* "…Я всеми силами поддерживаю и представляю… Городцовскую школу…": (письма В.В. Гольмстен В.А. Городцову) // Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. – Самара: Офорт, 2007. – С. 51–97.

24. *Кузьминых С.В., Старостин П.Н.* Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Тр. семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». – СПб.: СПбГУ, 1995. – Вып. 1. – С. 157–172.

25. *Леонтьева А.М.* К истории высшего специального этнографического образования: (Этнографическое отделение Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани) // СЭ. – 1978. – № 2. – С. 53–62.

26. *Малов Н.М.* Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья: (К 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. Саратов. ун-та. – 2010. – Вып. 2. – С. 36–40.

27. *Малышева С.Ю.* «Великий исход» казанских университариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2003. – № 1/2. – С. 87–92.

28. *Назипова Г.Р.* Университет и музей: исторический опыт Казанской губернии. – Казань: Школа, 2004. – 396 с.

29. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.

30. *Решетов А.М.* Репрессивная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. – Вып. 4. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. – С. 185–221.

31. *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. Публ. Б. Рогинского // Минувшее. Исторический альманах 23. – СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. – С. 7–158.

32. *Сафонов И.Е.* Раскопки В.А. Городцовым курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 11–18.

33. *Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.

34. *Сидорова И.Б.* Музеи Казанского университета на заре советской эпохи (1917–1929 гг.) // Ученые записки Казанского университета – Т. 154. – № 3. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. – С. 227–239.

35. *Синицына К.Р.* “Казанский музейный вестник” (1920–1924 гг.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 27 с.

36. *Синицына К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. – Казань: Kazan-Казань, 2002. – 280 с.

37. *Тункина И.В.* (сост.). Биографический словарь-указатель // В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч. 1–3. – М.: Индрик, 2008. – С. 477–831.

38. *Халиков А.Х.* В.А. Городцов и археология Поволжья // Проблемы изучения древних культур Евразии. – М.: Наука, 1991. – С. 199–207.

39. *Харлампович К.В.* Проф. Н.Ф. Катанов: (Некролог) // КМВ. – 1922. – № 1. – С. 187–195.

40. *Худяков М.Г.* К посещению Казани В.А. Городцовым [в 1920 г.] // КМВ. – 1920. – № 7–8. – С. 117–118.

41. *Худяков М.Г.* Рец.: A.M. Tallgren. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. *In*.: *SMYA*. 1919, vol. 31:2 // КМВ. – 1922а. – № 1. – С. 205–211.

42. *Худяков М.Г.* 1000-летие мусульманской культуры в Поволжье // Вестник просвещения ТССР. – Казань: Татнаркомпрос, 1922б. – № 1–2. – Стлб. 1–12.

43. *Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский Губернский музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. – Казань: Типография комбината издательства и печати «Восток», 1923. – С. 72–126.

44. *Худяков М.Г.* Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея ТССР. – № 2. – Казань, 1930. – С. 11–14.

45. *Chudjakov M.G.* Hockerbestattungen im Kasanschen Gebiet // ESA. – 1927a. – T. I. – S. 95–98.

46. *Chudjakov M.G.* Die Ausgrabungen von P.A.Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882 // FUF. – 1927b. – Bd. XVIII: 1–3, Anzeiger. – S. 14–26.

47. *Chudjakov M.G.* Die Keramik des Begrabnissplatzes im Dorf Poljanki // FUF. – 1927c. – Bd. XVIII: 1–3, Anzeiger. – S. 26–35.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Белозёрова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия); irina.belozero@yandex.ru

V.A. GORODTSOV AND KAZAN: TOUR 1920

S.V. Kuzminykh, I.V. Belozerova

A fragment of an archival document is published, that is connected to the September 8-12, 1920, stay in Kazan of V.A. Gorodtsov, who headed the Archaeological Subdepartment with the Museum Department of the RSFSR People's Commissariat for Education, in the framework of his inspecting tour around the towns of the Volga and Urals region. The document is a diary, and its entries reflect information about the tour and its results that had not been exhaustively reflected in official documentation. It narrates about meetings, polemic exchanges, Gorodtsov's addresses to scientists and the public, his impressions of the archaeological investigations in the regions, and the state of the museums and collections. V.A. Gorodtsov's encounters and personal contacts with B.F. Adler, N.F. Katanov, M.G. Hudyakov and other researchers had played a positive role in archaeology development in the Volga-Kama region during the hardest times after the revolution.

Keywors: archaeology, Kazan, the early 20th century, V.A. Gorodtsov, provincial museum, university, museum of ethnography, B.F. Adler, N.F. Katanov, M.G. Khudyakov

REFERENCES

1. Adler, B. F. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (1–2), 5–13 (in Russian).

2. Adler, B. F. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (3–4), 11–19 (in Russian).

3. Adler, B. F. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (5–6), 45–49 (in Russian).

4. Belozerova, I. V. 1988. In *Nasledie V. A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (The Legacy of V. A. Gorotsov and Issues of Contemporary Archaeology)*. Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum, 14–26 (in Russian).

5. Belozerova, I. V., Kuz'minykh, S. V. 2014. In *V. A. Gorodtsov. Dnevniki (1928–1944) (V. A. Gorotsov. Diaries (1928-1944). In 2 vol.)*. Book 1. Moscow: "Triumf print" Publ., 12–72 (in Russian).

6. Bochkarev, V. S. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age in Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodisation)*. Samara: "NTTs" Publ., 8–10 (in Russian).

7. Brechkevich, M. V. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXX (1). Kazan, 81–87 (in Russian).

8. Brechkevich, M. V. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (Proceedings of North-East Archaeological and Ethnographic Institute in the city of Kazan)* 1. Kazan: "5-ia Gosudarstvennaia tipografiia" Publ., 1–9 (in Russian).

9. Vdovin, A. S., Kuz'minykh, S. V., Serykh, D. V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 170–177 (in Russian).

10. Gazizullin, I. R. 2000. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Muzei v sisteme tsennostei evraziiskoi kul'tury (Museum in the System of Values of Eurasian Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ., 119–121 (in Russian).

11. Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiia: Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Everyday Archaeology. Lectures for Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: "A. I. Snegireva" Publ. (in Russian).

12. Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchety Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow: Synodal Typography, 121–226 (in Russian).

13. Gorodtsov, V. A. 1922. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (2), 178–187 (in Russian).

14. Gorodtsov, V. A. 1927. In *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* VII. Moscow, 610–626 (in Russian).

15. Gorodtsov, V. A. 2014. *Dnevniki (1928–1944) (V. A. Gorotsov. Diaries (1928-1944). In 2 vol.)*. Book 1. *1928–1935*. Moscow: "Triumf print" Publ. (in Russian).

16. Grishkina, M. V., Kuz'minykh, S. V. 2008. In Khudiakov, M. G. *Istoriia Kamsko-Viatskogo kraia: Izbrannye trudy (History of the Kama — Vyatka Land: Selected Works)*. Moscow: Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Izhevsk: Russian

Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature, 5–49 (in Russian).

17. Gushchina, E. G. 2013. *Etnograficheskii muzei Kazanskogo universiteta: istoriia formirovaniia i osnovnye etapy razvitiia (The Museum of Ethnography of Kazan University: history of formation and main stages of development)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

18. Zorin, N. V. 2001. *Bruno Fridrikhovich Adler (1874 — ne ranee 1932) (Bruno Fridrikhovich Adler (1874 - not earlier 1932))*. Series: Vydaiushchiesia uchenye Kazanskogo universiteta (Outstanding Scientists of Kazan University). Kazan: Kazan University (in Russian).

19. Ivanov, S. V. 1973. *Nikolai Fedorovich Katanov (ocherk zhizni i deiatel'nosti)* (Nikolay Fedorovich Katanov (essays on life and activity)*)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" (in Russian).

20. Kuz'minykh, S. V. 2004. In *Kraevedcheskie chteniia, posviashchennye 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU i 110-letiiu M. G. Khudiakova (Local Lore Readings Dedicated to the 135th Anniversary of Society of Naturalists Attached tot Kazan State University and 110th Anniversary of, M. G. Khudyakov)*. Kazan: "Shkola" Publ., 25–46 (in Russian).

21. Kuz'minykh, S. V. 2007. In Stashenkov, D. A., Kuz'minykh, S. V., Safonov, I. E. et al. *Vera Vladimirovna Gol'msten. Materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten. Materials to the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ., 98–114 (in Russian).

22. Kuz'minykh, S. V., Belozërova, I. V. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik. K 60-letiiu S.V. Kuz'minykh (Eurasian Archaeological and Historiographical Compilation. To S.V. Kuzminykh's 60th Annivesary)*. Saint Petersburg; Krasnoyarsk: Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; Krasnoyarsk State Pedagogical University, 131–152 (in Russian).

23. Kuz'minykh, S. V., Safonov, I. E. 2007. In *Vera Vladimirovna Gol'msten. Materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten. Materials to the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ., 51–97 (in Russian).

24. Kuz'minykh, S. V., Starostin, P. N. 1995. In *Sankt-Peterburg i otechestvennaia arkheologiia. Istoriograficheskie ocherki (Saint Peterbsurg and National Archaeology. Historiographical Essays)* 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 157–172 (in Russian).

25. Leont'eva, A. M. 1978. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 53–62 (in Russian).

26. Malov, N. M. 2010. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Reports of the Saratov University)* (2), 36–40 (in Russian).

27. Malysheva, S. Yu. 2003. In *Gasırlar avazı = Ekho vekov (Echo of centuries)* 1 (2), 87–92 (in Russian).

28. Nazipova, G. R. 2004. *Universitet i muzei: istoricheskii opyt Kazanskoi gubernii (University and Museum: historical experience of Kazan province)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

29. Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX — pervaia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second Half of the 19th — First Third of 20th Century)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

30. Reshetov, A. M. 1994. In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi (Kunstkamera. Ethnographical Notebooks)* 4. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 185–221 (in Russian).

31. Rozental', L. V. 1998. In *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh (The Past: Historic Almanac)* 23. Saint Petersburg: "Atheneum-Feniks" Publ., 7–158 (in Russian).

32. Safonov, I. E. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age in Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodisation)*. Samara: "NTTs" Publ., 11–18 (in Russian).

33. Serykh, D. V. 2014. *Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. (All-Russia Archaeological Congresses as the Form of Organization of Archaeology during the Second Half of the 19th - Beginning of the 20th Centuries)*. Kazan: Otechestvo (in Russian).

34. Sidorova, I. B. 2012. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Kazan University)* 154 (3). Kazan: Kazan University, 227–239 (in Russian).

35. Sinitsyna, K. R. 1963. *"Kazanskii muzeinyi vestnik" (1920–1924 gg.) ("Kazan Museum Bulletin" (1920—1924))*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

36. Sinitsyna, K. R. 2002. *Polveka muzeev Kazani i Tatarii. Ocherki istorii 1917–1967 godov (Half of a Century of Museums in Kazan and Tataria: essays on history of 1917-1976 years)*. Kazan: "Kazan-Kazan" Publ. (in Russian).

37. Tunkina, I. V. (comp.). 2008. In Buzeskul, V. P. *Vseobshchaia istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka (World History and Its Representatives in Russia in 19th and Early 20th Century)*. Part 1–3. Moscow: "Indrik" Publ., 477–831 (in Russian).

38. Khalikov, A. Kh. 1991. In *Problemy izucheniia drevnikh kul'tur Evrazii (Issues on Research of Ancient Cultures of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 199–207 (in Russian).

39. Kharlampovich, K. V. 1922. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (1), 187–195 (in Russian).

40. Khudiakov, M. G. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (7–8), 117–118. (in Russian)

41. Khudiakov, M. G. 1922. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (1), 205–211 (in Russian).

42. Khudiakov, M. G. 1922. In *Vestnik prosveshcheniia TSSR (The Bulletin of Education of Tatar Soviet Socialist Republic)* (1–2). Kazan: Tataria People's Commissariate of Education, 1–12 (in Russian).

43. Khudiakov, M. G. 1923. In *Kazanskii Gubernskii Muzei za 25 let (25 Years of Kazan Provincial Museum)*. Kazan: "Vostok" Publ., 72–126 (in Russian).

44. Khudiakov, M. G. 1930. In *Materialy Tsentral'nogo muzeia TSSR (Materials of the Central Museum of the Tatar Soviet Socialist Republic)* (2). Kazan, 11–14 (in Russian).

45. Chudjakov, M. G. 1927. Hockerbestattungen im Kasanschen Gebiet. *ESA* I, 95–98.

46. Chudjakov, M. G. 1927.Die Ausgrabungen von P. A.Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882. *FUF*. Bd. XVIII: 1–3, Anzeiger. — S. 14–26.

47. Chudjakov, M. G. 1927. Die Keramik des Begrabnissplatzes im Dorf Poljanki. *FUF*. Bd. XVIII: 1–3, Anzeiger, 26–35.

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Corresponding member of the German Archaeological Institute. Im Dol 2-6, Haus II, D-14195 Berlin, Germany; kuzminykhsv@yandex.ru

Belozerova Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

Заметки

УДК 902: 94 «04/14»

ОБ ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СОСУДА С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2014 г. Ю.Д. Обухов

Анализируются однотипные металлические сосуды (фрагменты чаш), происходящие с территории Северного Кавказа и Болгарского городища. Рассматривается их сходство в технологии изготовления, обработке и орнаментации. Объединяющими признаками является литьё, лощение, а также гравированный и циркульный орнамент. Высказывается предположение о возможном месте производства данных сосудов. Автором делается вывод о существовавших в средневековье ремесленных связях Болгара с Северным Кавказом.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, Северный Кавказ, средние века, чаши из цветного металла, лощение, циркульный орнамент, гравировка, культурные связи.

В 2013 г. на IV Нижневолжской археологической конференции нами были представлены предметы из цветного металла бытового назначения, происходящие с территории Ставропольского края (Обухов, Савенко, 2013).

Одним из представленных предметов был фрагмент чаши, происходящий из окрестностей города Ставрополя (рис. 1). Она имела вид уплощенной полусферы из медного сплава; приблизительный диаметр венчика 230 мм. С внешней стороны, у самой кромки, резцом выбран желобок, ограниченный снизу прочерченной линией, ниже которой расположен кольцевой (циркульный) орнамент в виде слегка волнистой линии, также ограниченный прочерченной линией. Еще ниже следует геометрический орнамент, состоящий из условно равнобедренных треугольников, внутреннее пространство которых заполнено циркульным орнаментом. С внутренней стороны стенки имеется гравированный (прочерченный), горизонтальный по отношению к венчику орнамент в виде стилизованных изображений рыб, плывущих против часовой стрелки. Ниже композиции идет полоска циркульного орнамента, ограниченная линиями. Еще ниже, по направлению ко дну чаши, следует полоса шириной 7 мм без орнамента, также ограниченная линиями, после которой сохранился циркульный орнамент в два ряда. Фрагментарность сосуда не позволяет восстановить сюжет полностью.

Особенностью отделки данного сосуда являются горизонтальные

штрихи – следы выглаживания (лощения) с обеих сторон и глянцевый блеск металла[1].

В 2013 г. в Болгаре найден фрагмент чаши из белого металла (Ситдиков, 2014, с. 164, рис. 68: 1) (рис. 2). На схожесть оформления сосудов, а также приемов обработки обратил внимание С.Г. Бочаров.

Фрагмент представляет собой венчик с небольшой частью стенки крупной чаши. Орнамент с внешней стороны сосуда выполнен гравировкой и представляет собой горизонтальные прочерченные линии, отделяющие венчик чаши от стенки с размещенным внутри циркульным орнаментом, выполненным в виде волнистой линии, после которых расположены вертикальные арки, уходящие ко дну сосуда. В месте соприкосновения арок и горизонтальных линий образуются треугольники, пространство которых заполнено также циркульным орнаментом из трех колец меньшего диаметра, образующим условный треугольник. Места соприкосновения арок ограничены циркульным орнаментом такого же диаметра. На внутренней стороне сосудов видны следы технологической обработки металла – выглаживания (лощения)[2].

В декабре 2013 года для формирующегося фонда Маджарского археологического музея была приобретена группа предметов, происходящая из окрестности города Ставрополя[3].

Среди единичных предметов из цветного металла был фрагмент сосуда, представляющий венчик чаши с частью стенки, схожий по оформлению и отделке с уже представленными фрагментами (рис. 3).

Особенностью данного сосуда является незаконченность его технологической отделки, позволяющая проследить процесс изготовления и обработки сосуда. Сосуд является литым, на что указывают раковины металла, в дальнейшем обрабатывался напильником, следы которого отчетливо видны на внешней стороне стенки сосуда, затем выглаживался (лощился), после чего наносился гравированный орнамент – эти процессы видны на внутренней стороне стенки сосуда. Орнамент близок по стилю орнаменту чаши из Болгара. Находка незавершенного сосуда дает возможность говорить о месте производства подобных изделий на территории Северного Кавказа. В то же время наход-

[1] Интенсивный блеск возникает на металле после полирования его гладилом или полировником. Его рабочая часть имеет округлую форму, близкую к цилиндру, шару, конусу или тору. Нажимая с некоторым усилием на полировник и ведя в одном направлении так, чтобы после него возникала глянцевая полоска, рядом с ней проводят другую полоску, и так до тех пор, пока предназначенный для полирования участок не будет обработан полностью. Блеск на поверхности изделия, полируемого гладилом, возникает за счет уплотнения и выглаживания верхних слоев металла, что, в свою очередь, увеличивает его коррозийную стойкость. В древности для полирования металла и камня мастера использовали различные высушенные травы, особо популярны были взморник и хвощ, так как в них содержатся мельчайшие частицы кремния (Федотов, 1990).

[2] Автору доступно только изображение сосуда, что делает невозможным более подробное описание предмета. Одновременно выражаю благодарность А.Г. Ситдикову и С.Г. Бочарову за предоставленную информацию.

[3] Приобретение предметов являлось спасательной акцией ввиду возможной их утилизации за символическую цену.

Рис. 1 Фрагмент чаши из окрестностей г. Ставрополя, 2010 г. Подъёмный материал.

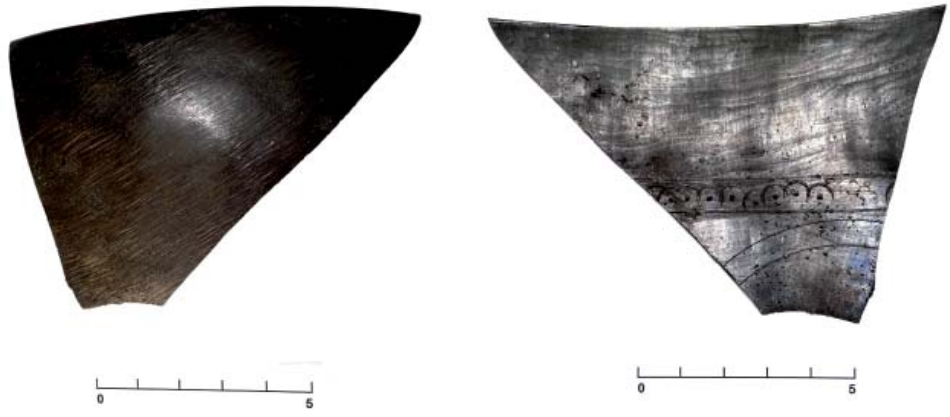

Рис. 2 Фрагмент чаши из белого металла г. Болгар 2013 год. Раскоп CLXXIII. Подъёмный материал.

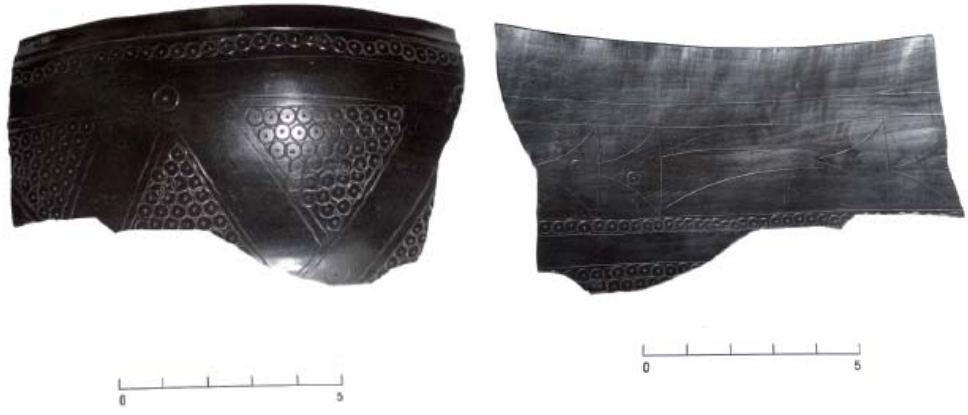

Рис. 3 Фрагмент чаши из окрестностей г. Ставрополя, 2013 г. Подъёмный материал.

ка в Болгарах подобного предмета, но из другого металла, оставляет вопрос открытым, однозначно указывая на связь территорий. Все три фрагмента объединяют технологические приемы изготовления и обработки, а также стилистика орнамента.

Художественный замысел меньше всего терпит узость рамок отдельной, замкнутой в себе художественной школы. Ремесленники, основным богатством которых являлись знания и руки, – самая востребованная и перемещаемая часть населения как в мирное, так и в военное время. И нет ничего удивительного в том, что схожие формы сосудов, некоторые мотивы их украшения и сюжеты изображений, оказываются столь распространенными, обнаруживая себя в Средней Азии, Иране, на Кавказе и в Поволжье.

Данная публикация является предварительной; в ней ставится задача привлечь внимание специалистов к исследованию памятников средневековья в контексте развития связей территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обухов Ю.Д., Савенко С.Н.* Посуда и иные предметы обихода из цветного металла с бытовых памятников Ставрополья золотоордынской эпохи // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 10. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. – С. 414–421.

2. *Ситдиков А.Г.* Отчет об археологических исследованиях на территории г. Болгар в Спасском районе Республики Татарстан в 2013 г. (Раскоп CLXXIII). – Казань, 2014. – С. 164 – Рис. 68: 1 – № п.о. 822. / Научный фонд МАРТ. – Ф. 4.

3. *Федотов Г.* Звонкая песнь металла. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1990. – 208 с.

Информация об авторе:

Обухов Юрий Дмитриевич, директор, муниципальное учреждение культуры «Краеведческий музей села Прасковея», (г. Будённовск, Россия); myzeypraskoveya@yandex.ru

ON A FRAGMENT OF METAL VESSEL FROM THE BOLGAR SETTLEMENT

Yu. D. Obukhov

The metal vessels of similar type (fragments of the bowls) originated from the territory of the North Caucasus and the Bolghar settlement are analyzed. Common features of their production technology, processing and ornamentation are considered. The traits that unite them are casting, polishing, and engraved and circular ornament. Assumption concerning a possible location of these vessels production is made. A conclusion is made regarding craft ties that had existed in the Middle Ages between the Bolghar settlement and the North Caucasus region.

Keywords: archaeology, the Bolghar settlement, the North Caucasus, the Middle Ages, bowls of non-ferrous metal, polishing, circular ornament, engraving, cultural ties.

REFERENCES

1. Obukhov, Yu. D., Savenko, S. N. 2013. In *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: Saratov State University, 414–421 (in Russian).

2. Sitdikov, A. G. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii g. Bolgar v Spasskom raione Respubliki Tatarstan v 2013 g. (Raskop CLXXIII) (Report on Archaeological Investigation on the Bolgar Town Territory in Spassky District of Tatarstan Republic in 2013. Excavation area CLXXIII)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan). Fund 4 (in Russian).

3. Fedotov, G. 1990. *Zvonkaia pesn' metalla (Sonorous Metal Song)*. Moscow: "Prosveshchenie" Publ. (in Russian).

About the Author:

Obukhov Yuriy D. Museum of Local History of the Praskoveya Village. Lenin St., 50, Praskoveya village, 356817, Budyonnovsk District, Stavropol Kray, Russian Federation; myzeypraskoveya@yandex.ru

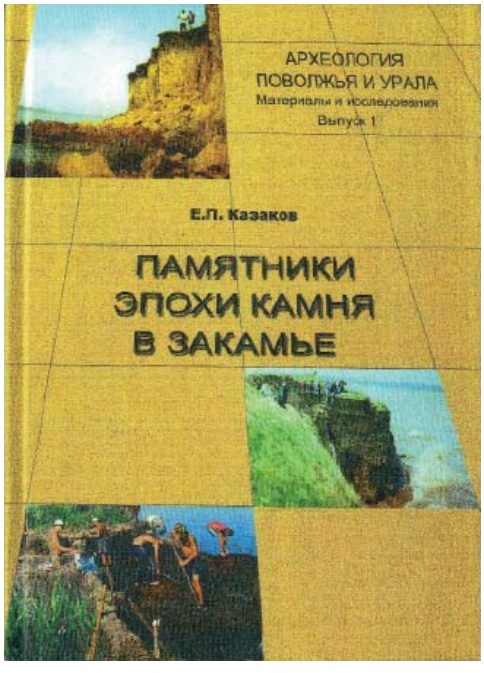
Критика и библиография

Рецензия на книгу: Е.П. Казаков. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ В ЗАКАМЬЕ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК) // АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. – ВЫП. 1. – КАЗАНЬ: ООО «ФОЛИАНТЪ», 2011 – 180 С.

© 2014 г. М.Г. Косменко

В рецензии дается положительная оценка монографии, в которой Е.П. Казаковым обобщены результаты многолетних исследований стоянок эпохи палеолита и мезолита, разрушающихся водохранилищем в левобережье устья Камы, а также раскопок уникальных для территории Татарстана погребений эпохи камня, открытых им в долине р. Ик в Восточном Закамье. Монография содержит разносторонние и полные характеристики индивидуальных особенностей каждого археологического объекта, хорошо проиллюстрирована, и является источником надежной информации. Публикуемые материалы имеют отношение к ряду вопросов, которые пока остаются дискуссионными или не вполне ясными, и представляют несомненный интерес для исследователей.

Ключевые слова: археология, Татарстан, бассейн р. Кама, палеолит, мезолит, неолит, стоянки, погребения.

Книга Е.П. Казакова представляет собой публикацию материалов 11 новых и ранее известных археологических памятников, которые автор изучал в закамских районах Татарстана в 1960–1990 гг. Это 7 поселений и 4 могильника каменного века, материалы которых автор датирует в широком диапазоне от позднего палеолита до эпохи неолита.

Жанр публикации археологических материалов имеет свою специфику, которая сопровождается неприятными для читателей ограничениями. Обычно такие работы содержат более или менее развернутые описания памятников и полученных коллекций. Углубленные аналитические исследования материалов по

необходимости более или менее ограничены. Это касается дескриптивного и, в особенности, сравнительного анализа данных. Поэтому суждения и оценки археологов часто изложены в виде эскизных гипотез, слабо подкрепленных убедительными доводами, особенно при низкой информативности материалов. Отсюда следуют безответные вопросы. При большом числе памятников неизбежно возникает проблема стандартизации их описаний и жесткое ограничение желания читателей иметь более полные сведения. В данном случае Е.П. Казаков имел возможность довольно всесторонне и полно охарактеризовать индивидуальные особенности каждого археологического объекта. Он также попытался предварительно определить место этих памятников в локальной археологической периодизации и схеме культурного членения древностей каменного века Среднего Поволжья и Прикамья.

Прежде всего, специальный интерес представляют материалы 4 стоянок в левобережье Камы (Измерская I, II, Девичий городок, Коминтерновская), которые имеют отношение к вопросу о заселении Среднего Поволжья в эпоху позднего палеолита и раннего мезолита. Для пояснения следует напомнить, что этой проблемой в разное время конкретно занимались археологи из Ленинграда (М.З. Паничкина), Казани (А.Х. Халиков, М.Г. Косменко, М.Ш. Галимова и др.), а также попутно высказывались столичные авторы, которые настаивали на протонеолитическом возрасте стоянок с трапециевидными орудиями в устье Камы и были убеждены в том, что эти материалы непременно должны вписываться в схему периодизации мезолита М.В. Воеводского – А.А. Формозова (А.А. Формозов, Л.В. Кольцов). К единому мнению археологи не пришли. Именно левобережные памятники с «макролитическим» инвентарем в приустье Камы послужили основой для концепции А.Х. Халикова о сибирском происхождении культуры финального палеолита – раннего мезолита в Среднем Поволжье и миграции восточного населения на Волгу. В сущности, это была только рабочая гипотеза, не подкрепленная сравнительным анализом каменного инвентаря из обоих регионов. В дальнейшем археологи не поддержали «сибирскую» гипотезу из-за слабой обоснованности материалами и аргументами, хотя в некоторых работах делались попытки ее реанимации на том же уровне анализа материальной культуры. Гораздо более весомые доводы были высказаны разными авторами в пользу точки зрения о восточноевропейских истоках культуры средневолжского мезолита, однако спецификация культуры позднего палеолита в целом осталась не вполне ясной.

Е.П. Казаков предположительно датирует эти памятники эпохой палеолита. Однако есть объективные трудности и сомнения по поводу конкретной хронологии. Тут важен тщательный источниковедческий анализ материалов и природного контекста памятников.

Во-первых, одним из основных аргументов автора в пользу палеолитического возраста стоянок являются остатки ископаемой четвертичной фауны, которые собраны на разрушенной поверхности вместе с кремневыми изделиями либо совместно найдены в культурном слое (Измер-

ская I, Коминтерновская). Согласно автору, некоторые находки представляют собой орудия из фоссилизованных ископаемых костей. К сожалению, стратиграфическое залегание культурных остатков в суглинке здесь не является достаточно точным датирующим признаком и неясно, отложились ли эти кости вместе с каменными изделиями (М.Ш. Галимова). Если даже Е.П. Казаков прав, то нет надежных признаков для опознания всех костных остатков как пищевых отходов жителей стоянки. В этой связи уместно вспомнить концепцию геолога В.И. Громова о широком использовании в позднем палеолите Русской равнины костей погибших животных, особенно мамонта, как материала для орудий и оснований жилищ. Более того, по мнению комментаторов «Книги Ибн-Фадлана» (А.П. Ковалевский), волжские булгары в начале X в. практиковали сбор бивней мамонта и рогов носорога, который сопровождался легендарными сведениями об этих животных. На правобережье Волги в районе устья Камы остатки позднеплейстоценового «мамонтового», по В.И. Громову, фаунистического комплекса многочисленны и легко доступны. По собственному опыту могу утверждать, что практически на каждом участке прерывистого шлейфа четвертичных отложений на подмытом правобережном склоне можно найти бивни мамонта и кости других ископаемых животных, залегающие в суглинке неглубоко от дневной поверхности. Кости обычно разрознены и находятся на разной высоте над рекой, так что в большинстве случаев они явно переотложены. На правобережных стоянках финального палеолита они не найдены. Вероятно, что жители левобережных стоянок собирали здесь кости наряду с кремнем. В конечном счете, позитивное решение вопроса о синхронности стоянок на невысоких террасах левобережья нижней Камы и времени существования «мамонтовой» фауны требует более веских доводов.

Во-вторых, на этих памятниках нет комплекса каменных орудий хозяйственно-бытового назначения, бесспорно маркирующих их палеолитический возраст. Состав каменных изделий на описанных Е.П. Казаковым левобережных стоянках характеризуется кварцитовыми отбойниками, кремневыми призматическими нуклеусами, скребками на отщепах и неровных пластинах, бесформенными макролитическими полуфабрикатами. На всех стоянках много отходов первичной обработки кремня. Поэтому их сравнительный анализ с эталонными материалами позднепалеолитических поселений европейской России крайне затруднен, а облик культуры недостаточно ясен. Я не стану прямо утверждать, вслед за М.Ш. Галимовой, что материалы Измерской I синхронны соседней раннемезолитической стоянке Беганчик с типичными пережиточно-палеолитическими формами орудий и трапециями. Но по технико-морфологическим характеристикам каменной индустрии упомянутые пункты не выходят из рамок культурно-хронологической группы поселений раннего мезолита на левобережных террасах, выделенных мной как «усть-камская» культура, позднее пополненная и подробно описанная М.Ш. Галимовой. Можно навскидку перечислить ряд пунктов в лесной и лесостепной зоне между Уралом и

Балтикой, которые квалифицировались археологами как стоянки позднего палеолита или раннего мезолита, например, Юнга-Кушерга в Мари Эл, Ильмурзино (нижний слой) в Башкортостане, Золоторучье I, Акулово I в бассейне верхней Волги, Мяньгора I, II в Карелии, некоторые пункты в Республике Коми, Архангельской области и др. Они обычно не содержат пригодные для сравнения комплексы каменных предметов. Это следы кратковременных стоянок, иногда с переотложенным культурным слоем, бедными коллекциями каменных изделий точно неопределенного возраста либо стоянки-мастерские разного времени вблизи месторождений минерального сырья. По сути дела, их объединяет отсутствие или крайне низкое число хозяйственно-бытовых орудий, а мастерские отличает обилие отходов производства, нуклеусов и несерийных полуфабрикатов неустойчивых форм. Пункты, описанные Е.П. Казаковым, находятся недалеко от месторождений кремня в известняковых пермских коренных породах правобережья Волги. Это обстоятельство объясняет специфический состав их инвентаря с обилием нуклеусов и отходов производства с примесью «макролитов». Другими словами, при сравнительном анализе каменного инвентаря подобных памятников непременно нужно делать поправки на степень адаптации жителей к местным источникам сырья. Разновременные стоянки-мастерские с похожим составом каменных изделий, к примеру, есть в Карелии, но вблизи месторождений иных видов минерального сырья – кварца и сланца.

Немного отвлекаясь, должен заметить, что подобные малоинформативные источники нередко являются объектами спекулятивных гипотез тех авторов, которые придерживаются скрытого убеждения, что любое объяснение лучше, чем его отсутствие. Однако поспешные суждения археологов при наличии общественного интереса быстро трансформируются в современные паранаучные мифы. По форме изложения такие легенды имитируют научные работы, особенно компиляции, обзоры и тексты в жанре поп-археологии, посвященные различным «тайнам» и «загадкам», где собственные или чужие предположения маскируются позитивистским стилем, придающим иллюзорную видимость ученой солидности, объективности суждений и отсутствия исследовательских проблем. Так, активисты российской историко-археологической паранауки тиражируют в Интернете и СМИ курьезный миф о Гиперборее каменного века на островах Белого моря, которая послужила истоком европейской цивилизации, рекламируют псевдосенсационные откровения о доледниковом возрасте карельских петроглифов или произвольно усматривают во многих природных каменных объектах Карелии рукотворные культовые сооружения древних саамов. Творцы современных мифов не заинтересованы в анализе археологических данных и ориентируются на привлечение сторонников и клиентуры, ибо некоторые псевдонаучные легенды начинают активно эксплуатироваться в туристической индустрии. В сущности, грань между наукой и паранаукой в археологии очень зыбкая. Их разделяет только один шаг.

Е.П. Казаков его не делает, вполне профессионально, добросовестно

и объективно описывая полученные материалы. Конечно, они не настолько информативны, чтобы их оценки автором и читателями должны обязательно совпадать. Однако их возможно обсуждать. К таким материалам нужен осторожный подход, сопровождаемый тщательным источниковедческим и контекстуальным анализом. Можно определенно говорить о том, что они относятся ко времени не позднее мезолита. Хотя проблема палеолита на средней Волге с «макролитическими» элементами в инвентаре, на мой взгляд, частично остается открытой из-за недостаточной изученности конкретных признаков экологической адаптации культуры этого времени, сведения и наблюдения Е.П. Казакова могут послужить стимулом для дальнейших работ по изучению подобных памятников.

Мезолитические комплексы у с. Измери (Измерские I и II, Девичий городок) выделяются достаточно надежно благодаря специфической пластинчатой индустрии и набору орудий на узких ножевидных пластинках. Е.П. Казаков их квалифицирует как более поздние слои на поселениях данного левобережного микрорайона в приустье Камы. По всей видимости, они представляют относительно поздний этап мезолита в районе с. Измери. Выразительная группа изделий на пластинках есть на поздних стоянках усть-камской культуры. Все же источниковедческая проблема расчленения культурных слоев и комплексов каменного инвентаря разного времени здесь частично остается открытой, и поселения около с. Измери нуждаются в дальнейшем изучении.

Восточнее устья Камы Е.П. Казаков исследовал Старосемиостровскую стоянку в Икско-Бельском междуречье. Она представляла собой компактное скопление кремневых изделий на глинистом грунте оконечности дюны. Комплекс находок содержит серию мелких сечений пластинок – вкладышей для наконечников метательного оружия из рога, но есть и единичный бесчерешковый наконечник стрелы. Я в целом обозначал подобные материалы как «приуральскую» культуру позднего мезолита, хотя данный термин требует более точной спецификации, территориального и хронологического уточнения. Но ее отличия от усть-камской культуры достаточно очевидны. Как мне представляется, это культура подвижных охотников на степных, преимущественно копытных животных в северной части степной зоны на востоке Русской равнины и в Приуралье. Она содержит каменный инвентарь исключительно из мелких орудий на ножевидных пластинках, но без геометрических микролитов. Как верно отметил Е.П. Казаков, каменный инвентарь Старосемиостровской стоянки вполне типичен для мезолитической культуры Восточного Закамья.

Особый интерес представляют 4 грунтовых могильника, исследованных Е.П. Казаковым на прибрежных дюнах и террасовидных возвышениях в долинах рр. Ик (Меллятамакские III, V, Русско-Шуганский) и Сюнь (Миняровский). Эта категория памятников дает новую, очень ценную информацию о способе и некоторых деталях обряда захоронения на этой территории в мезолите и неолите. Могильники содержат весьма интересный и богатый вещевой инвентарь, который еще предстоит осмыслить и сравнить с материалами поселений.

Пожалуй, автору все же следовало бы более конкретно оценить степень сходства культуры раскопанных им мезолитических могильников и синхронных местных поселений, несмотря на известную специфику состава погребального инвентаря. В данном случае материалы могильников в значительной мере предстают в культурном вакууме, вне контекста упомянутых вскользь местных древностей. Отдельные аналогии некоторым вещам среди древностей Урала, Западной Сибири и даже Крыма, только усиливают это впечатление. Впрочем, возможности автора ограничены жанровой спецификой публикационной работы.

К эпохе мезолита Е.П. Казаков относит Меллятамакский III могильник (тройное, вероятно, семейное и 5 одиночных погребений) и одиночное захоронение Минняровского могильника. Погребенные лежали на боку или спине в неглубоких, видимо, прямоугольных могилах, где найдены разнообразные изделия, среди которых есть кремневые скребки, проколки, нож, скобель, бесчерешковые, в т.ч. листовидные наконечники стрел на пластинах с односторонней, редко двусторонней ретушью у острия, костяные и роговые наконечники метательного оружия с кремневыми сечениями-вкладышами и без них, круглые и конические перламутровые бусы из речных раковин, клыки медведя, лисицы и кости жертвенных животных. Очень любопытны зафиксированные Е.П. Казаковым детали сложного погребального обряда, в частности, охристая подсыпка в Минняровском захоронении, наличие останков жертвенных животных и следов огня в одной из могил Меллятамакского III могильника.

Автор раскопок полагает, что Минняровское захоронение можно соотносить по времени с Оленеостровским могильником в Карелии, опираясь на сходство бесчерешковых форм кремневых наконечников стрел. Эти хронологические параллели столь далеких друг от друга памятников можно признать обоснованными и достаточно корректными. Как замечает Е.П. Казаков, общее сходство некоторых форм и технических приемов ретуширования бесчерешковых наконечников стрел не означает родство культуры мезолитических некрополей Карелии и Закамья. В отличие от Оленеостровского могильника, в Закамье нет типичных «постсвидерских» черешковых наконечников. Действительно, в данном случае речь может идти только о некоторых межкультурных чертах сходства каменных орудий в различных регионах Русской равнины в рамках позднего мезолита. Автор, вслед за К.А. Истоминым, по наконечникам стрел датирует захоронение концом бореального – началом атлантического периода. Примерно к этому времени, 7750–6800 л.н., судя по хронологическому диапазону основной серии радиоуглеродных дат, относится и Оленеостровский могильник (К. Карпелан, М.Г. Косменко), хотя некоторые авторы умозрительно сужают период его формирования до 300 (В.Ф. Филатова) и даже 50–200 лет (В. О'Ши, М. Звелебил). Что касается роговых и костяных цельных и вкладышевых изделий, то знания об их хронологии и ареалах в лесной зоне и лесостепи настолько изобилуют пробелами, что на основании общих параллелей трудно

делать вполне надежные выводы хронологического и культурного порядка. Но когда есть сечения-вкладыши и соответствующая пластинчатая техника раскалывания кремня, то можно допускать и наличие соответствующих вкладышевых орудий. Если в Закамье микролитическая индустрия сохранялась в течение длительного времени, то в раннем неолите Карелии пластинчатая техника очень быстро исчезла, а вместе с ней наконечники стрел постсвидерских и близких им разновидностей, как видимо, и вкладышевые орудия. Сравнения с неолитическими комплексами Карелии уже практически исключаются.

Меллятамакский V могильник (25 погребений) и одиночное Русско-Шуганское захоронение Е.П. Казаков датировал ранним периодом эпохи неолита и отнес к выделенной им «меллятамакской этнокультурной общности» этого времени, локализованной в южном Предуралье. Могильники расположены на песчаных дюнах с остатками разновременных поселений. Зафиксирован ряд очень любопытных деталей погребального обряда. На площади Меллятамакского V могильника есть следы каких-то наземных сооружений, жертвенные очажные ямы, остатки постпогребальных приношений – главным образом, каменных и костяных орудий охоты. Погребения в этом могильнике совершались преимущественно в круглых ямах. В могилах захоронены невысокие европеоиды с грацильными чертами лица (Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский).

Девять могил безинвентарные, прочие содержали различные вещи, в т.ч. серию роговых вкладышевых копий и кинжалов, различные поделки из кости, подвески из зубов оленя, кабана и сурка. Есть каменные орудия, в частности короткие наконечники стрел листовидной формы или с прямым основанием, серия ножевидных пластинок и сечений-вкладышей. Много каменных изделий найдено в культурном слое на площади могильника. Они представлены множеством наконечников стрел тех же форм (50 экз.), большой серией пластинок и их сечений, единичными скребками и др., а также малочисленными костяными и роговыми поделками. Культура неолитических могильников демонстрирует ряд общих черт с инвентарем предшествующих некрополей эпохи мезолита, в частности, пластинчатую индустрию расщепления кремня и группу вкладышевых орудий из рога, бесчерешковые наконечники метательного оружия и сечения-вкладыши. Вместе с тем в двух погребениях Меллятамакского V могильника есть шлифованное тесло прямоугольного сечения из зеленоватого сланца, кремневые наконечники с полностью ретушированной спинкой и даже экземпляры с полной двусторонней ретушью. В данном регионе такие находки маркируют неолитический возраст погребальных комплексов.

Сильно разрушенное Русско-Шуганское погребение, по-видимому, находилось в прямоугольной могиле. В ее засыпи найдены фрагменты глиняного сосуда с гребенчатым узором, который имеет параллели в керамике развитого неолита южного Предуралья. Богат и выразителен кремневый инвентарь, состоящий из конического нуклеуса, серии ножевидных пластин, их сечений и набора различных орудий на пластинках – коротких

бесчерешковых наконечников стрел, проколок, ретушированных сечений-вкладышей, ножа, скребка, а также крупного листовидного наконечника дротика на отщепе с двусторонней обработкой. Есть обломок шлифованного сланцевого изделия, стержень, «утюжок» из талька и утолщенные на обоих концах маленькие кремневые конкреции, которые, видимо, служили украшениями. Костяные и роговые предметы представлены уникальным серповидным вкладышевым орудием длиной около 40 см с ручкой и обломками других изделий. Найдены округлые бусы из речных раковин и резцы сурка. Этот комплекс имеет много общего с древностями Меллятамакского V могильника, явно относится к эпохе неолита и находит некоторые параллели в южноуральских древностях этого времени.

Е.П. Казаков считает, что неолитические памятники «меллятамакского типа» заметно отличаются от мезолитических и могут принадлежать культуре выходцев из южноуральских степей, судя в значительной мере по антропологическим различиям популяций, представленных в Меллятамакских III и V могильниках (Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский). Подробно не комментируя это суждение, должен заметить, что его следовало бы подкрепить специальным сравнением с культурой местных неолитических, как и южноуральских поселений. Бесспорны южноуральские аналогии некоторым вещам. Миграционную гипотезу нужно в дальнейшем разрабатывать более детально, но в данном случае жанр публикации ограничивает сравнительный анализ культуры.

Завершая обзор представленных Е.П. Казаковым памятников, нужно подчеркнуть, что книга хорошо иллюстрирована, так что читатель имеет возможность в деталях визуально ознакомиться с описанными материалами. В работе есть планы памятников, раскопов и погребений, стратиграфические разрезы, фотоснимки поселений и могил. Подробно опубликован каменный, костяной и прочий инвентарь. Эта книга является источником надежной информации и прочно займет свое место в перечне публикаций археологических материалов бассейна Камы, а также будет напоминать о безвременно ушедшем из жизни исследователе каменного века Нижнего Прикамья Р.С. Габяшеве, которому с полным основанием она и посвящена.

Информация об авторе:

Косменко Марк Георгиевич, кандидат исторических наук, **с**тарший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); kosmenko@sampo.ru

Review of the book: E.P. Kazakov. STONE AGE MONUMENTS IN THE TRANS-KAMA RIVER AREA (ARCHAEOLOGICAL ESSAY). KAZAN: FOLIANT PUBL., 2011, 180 P. ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA REGION AND THE URALS. PROCEEDINGS AND RESEARCHES, ISSUE 1.

M.G. Kosmenko

The review provides a positive assessment of the monograph, in which Ye.P. Kazakov summarizes the results of many years' studies of the Paleolithic and Mesolithic period sites that are being gradually destroyed by the reservoir on the left bank of the Kama River mouth, as well as the data on excavations of Stone Age burials, unique for the territory of Tatarstan, that were discovered by him in the valley of the Ik River in the Eastern Kama area. The monograph contains complete and exhaustive characteristics of individual features of each archaeological site; it is well illustrated, and serves as a source of reliable information. The published materials are relevant to a number of problems that still remain controversial or not quite clear and are of great interest to researchers.

Key words: archaeology, Tatarstan, the Kama River basin, the Paleolithic, the Mesolithic, the Neolithic, sites, burials.

About the Author:

Kosmenko Marc G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; kosmenko@sampo.ru

Хроника

УДК 902

IV (XX) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В КАЗАНИ

© 2014 г. А.Г. Ситдиков, Х.М. Абдуллин

В статье излагается ход подготовки и проведения IV (XX) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося 21-25 октября 2014 г. в Казани. Изложено основное содержание и итоги работы всех секций и круглых столов. Подводятся итоги научного форума. Отдельным документом публикуются решения съезда, содержащие ряд рекомендаций различным государственным органам Российской Федерации, касающихся необходимых мер по сохранению культурного наследия и укреплению научно-образовательной базы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, Всероссийский археологический съезд, Казань, археологическое сообщество, научные и образовательные учреждения, органы охраны памятников, секции, круглые столы, решения.

21–25 октября 2014 г. в городе Казани прошел IV (XX) Всероссийский археологический съезд. Он продолжил традицию крупнейших российских научных форумов по проблемам археологии и национальной истории. Организаторами данного съезда были Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт археологии РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Институт истории материальной культуры РАН. Подготовка и проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани осуществлялось при организационной и финансовой поддержке Кабинета Министров РТ, Фонда возрождения памятников истории и культуры РТ, Министерства культуры РТ, Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Свияжского государственного музея и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014.

Организация археологических съездов, начатая еще в дореволюционной России, была возрождена в 2006 г. в Новосибирске при активном участии всего археологического сообщества нашей страны. Это консолидировало археологическую и историческую науки, актуализировало вопросы изучения древнего прошлого нашей страны и позволило выработать общие решения по сохранению археологического наследия. IV (XX) Всероссийский археологический съезд было решено провести в Казани, принимая во внимание значительные достижения археологической науки Татарстана последних лет, а также учитывая историческую преемствен-

Рис.1. Официальная эмблема IV (XX) Всероссийского археологического съезда.

ность данного форума с проходившим в Казани в 1877 г. IV Всероссийским археологическим съездом.

Актуальность и важность данного мероприятия, дающего возможность ознакомиться с результатами научных проектов и обсудить значимые вопросы археологической и исторической науки, отражает быстро растущее число его участников. Так, во II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в г. Суздале в 2008 г. приняли участие более 400 ученых из 190 учреждений 53 субъектов Российской Федерации, в III (XIX) Всероссийском археологическом съезде в Старой Руссе и Великом Новгороде в 2011 г. участвовало более 600 ученых, представляющих научные, образовательные и культурные учреждения и организации из более чем 60 субъектов Российской Федерации.

В период подготовки археологического съезда в Казани, оргкомитетом научного форума было получено и рассмотрено около 950 заявок для участия в съезде от ученых из 72 регионов России и 22 стран ближнего и дальнего зарубежья. Заявившиеся на съезд ученые представляли более 260 научных организаций, вузов, музеев, а также государственные органы охраны памятников истории и культуры и др. организации. Оргкомитетом было получено около 700 докладов от зарегистрированных участников для публикации в материалах съезда, все присланные доклады были рассмотрены рецензентами. Допущенные к публикации тезисы составят пятитомное издание трудов съезда[1]. Для

1 Издано 4 тома трудов: Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Ред.-сост. Х.М. Абдуллин. – Казань: Отечество, 2014. – 698 с.: илл., вклейка; Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том II / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Ред.-сост. Х.М. Абдуллин. – Казань: Отечество, 2014. – 462 с.: илл., вклейка; Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том III / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Ред.-сост. Х.М. Абдуллин. – Казань: Отече-

Рис.2. Президиум пленарного заседания IV (XX) Всероссийского археологического съезда.

Рис.3. Выступление с докладом на пленарном заседании IV (XX) Всероссийского археологического съезда.

Рис.4. Работа секции «Культурные процессы в неолите и энеолите Евразии».

участников съезда была реализована обширная экскурсионная программа, включающая осмотр двух памятников из списка ЮНЕСКО – Казанского кремля и Болгарского городища, а также острова-града Свияжск. В организационной работе в Казани активно участвовали сотрудники Института археологии АН РТ и Казанского (Приволжского) федерального университета, а также волонтеры из казанских вузов.

IV (XX) Всероссийский археологический съезд собрал около 700 участников из более 70 субъектов Российской Федерации. Они представляли 224 организации, среди которых научно-исследовательские институты, вузы, музеи, органы охраны памятников и археологические службы из 92 городов нашей страны. На съезде присутствовали делегации из 9 стран: Украины, Белоруссии, Казахстана, Финляндии, Эстонии, Германии, Китая и Великобритании.

На пленарном заседании съезда присутствовали и выступили Государственный Советник Республики Татарстан, Председатель Попечительского Совета «Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан» М.Ш. Шаймиев, министр культуры Республики Татарстан А.М. Сибагатуллин, вице-президент АН РТ Д.Ш. Сулейманов, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р. Гафуров, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН, сопредседатель Российского исторического общества А.П. Деревянко, директор Института археологии РАН, академик РАН Н.А. Макаров, директор Института археологии АН РТ А.Г. Ситдиков, член-корреспондент РАН Н.В. Полосьмак, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН В.Д. Кузнецов. Были зачитаны приветствия Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, министра культуры РФ В.Р. Мединского, президента РАН В.Е. Фортова и Президента АН РТ М.Х. Салахова.

В ходе работы съезда было прочитано более 500 докладов на 21 секции и проведены четыре круглых стола. Результаты работы секций были доложены их руководителями на круглом столе, посвященном обсуждению вопросов проведения археологических съездов в России.

Секция 1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии. Был заслушан 51 доклад, в которых затрагивались темы первоначального заселения территории, комплексные проблемы культур верхнего палеолита, взаимодействие неандертальцев с денисовцами. Все доклады носили проблемный характер. Участниками съезда отмечен качественный рост докладов.

Секция 2. Культурные процессы в неолите и энеолите Евразии. Было заслушано 43 доклада и представлено 3 стендовых. Обсуждение затрагивало широкий круг проблем: факторы и механизмы формирования древнего гончарства, ранние неолитические комплексы. Отмечено расширение хронологической базы и комплексно-

---

ство, 2014. – 702 с.: илл., вклейка; Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том IV / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Ред.-сост. Х.М. Абдуллин. – Казань: Отечество, 2014. – 434 с.: илл., вклейка.

сти исследований. Участники секции предложили рекомендовать Оргкомитету Всероссийского археологического съезда в работе секций последующих съездов придерживаться приоритетных научных направлений, к которым, в частности, относится проблема неолитизации в различных регионах Евразии; ввести в практику формирования программы съездов заказ тематических докладов, обобщающих современный уровень знаний и определяющих основные направления развития археологии (в том числе, археологии неолита и энеолита в разных регионах Евразии). Кроме того, рекомендовано привлекать к работе секций специалистов по мультидисциплинарным методам исследования с заказными докладами; при формировании программы доклады информационного характера переводить в стендовые.

Секция 3. Культурные процессы в неолите и энеолите Евразии. На секции заслушано 25 докладов. Участие представителей археологических учреждений европейской России, Кавказа и Сибири позволило обозначить актуальные проблемы для дальнейших обсуждений. Подчеркивалось огромное значение работ с привлечением методов естественных наук и специальных технологий, при этом обращалось внимание на недопустимость утраты гуманитарной составляющей исследований.

Секция 4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку. Участниками секции заслушано 28 докладов. Итоговая программа заседания секции была скорректирована по причине отсутствия значительной части заявленных докладчиков. Блок археологии Поволжья был представлен в одном методологическом ключе культурно-исторического подхода. Второй блок был посвящен технологии керамики; следующая часть докладов посвящена междисциплинарным исследованиям, различным аспектам изучения металлургии и металла, методическим проблемам интерпретации ограбленных погребений, проблематике перехода к РЖВ. Из рекомендаций участников секции к Оргкомитету съезда: привлекать модераторов к формированию адекватной программы, публиковать цифровой вариант тезисов и материалов, создать постоянно действующий сайт съезда с актуальной информацией.

Секция 5. **Археология античного мира.** Было заслушано 9 докладов, обсуждались актуальные вопросы современной классической археологии, представлены открытия и находки, сделанные в ходе исследований последних лет на городах и поселениях Боспорского царства – Фанагории и Мирмекия. Отдельным блоком прозвучали доклады, посвященные погребальным комплексам Боспора: некрополю Порфмия, Фанагории, кургану Куль-Оба. По общему мнению, особо важно тщательное изучение с использованием современных технологий позднеархаических и классических слоев боспорских городов, относящихся ко времени основания большинства полисов. Подчеркнута важность использования недеструктивных методов в археологических исследованиях, особенно при изучении хоры полисов; тесного сотрудничества со специалистами смежных дисциплин: эпиграфистами, палеозоологами, нумизматами, почвоведами и пр. Кроме того, обсуждались во-

Рис.5. Работа секции «Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии».

просы музеефикации и консервации исследуемых памятников, а также были представлены варианты 3D реконструкций отдельных комплексов и районов Фанагории и Мирмекия.

Секция 6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях. За три дня заседаний было заслушано 25 докладов представителей России, Казахстана, Германии и Украины. В день на заседании секции присутствовали до 50 слушателей. Обсуждения проходили плодотворно. Доклады касались не только элементов материальной культуры, но и технологий.

Секция 7. Этнокультурные процессы в Евразии I тыс. н.э.. Секция тематически была подразделена на четыре блока по принципу территории: Прибалтика, Поднепровье-Подонье, Поволжье-Приуралье, Зауралье. Дискуссия проводилась по каждому докладу. Предложения Оргкомитету: дополнить работу секции несколькими обобщающими докладами по археологии Сибири и Дальнего Востока.

Секция 8. **Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке.** Было заслушано 14 докладов широкой тематики. Отмечена искусственность в подборке докладов. Предложения Оргкомитету: не выделять узконаправленные секции, а формировать секции по крупной тематике.

Секция 9. **Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока.** Заслушано 13 докладов. Активно обсуждались вопросы фортификации городищ, особенностей погребального обряда троицкой группы мохэ и др. Предложения Оргкомитету: не ограничивать тематику секции лишь районами Сибири и Дальнего Востока, существует запрос на совместное обсуждение проблематики с теми исследователями, которые работают к Западу от Урала.

Секция 10. Средневековая археология Восточной Европы. На участие в работе секции было заявлено 44 устных и 4 постерных доклада представителей от России, Украины и Казахстана. В работе заседаний приняли участие 90 человек, до 35 человек ежедневно. География тем докладов была широкая. Предложения Оргкомитету: многие доклады можно было бы переместить в стендовую секцию. Внутри работы секции устраивать пленарные заседания с проблемными докладами. Учесть время для обсуждения постеров.

Секция 11. Археологическое изучение средневекового города. Было заслушано 32 доклада представителей из 16 субъектов, 18 городов РФ. Предложения Оргкомитету: заблаговременно вывешивать постерные доклады на специальном сайте съезда или сайте институтов.

Секция 12. Археологическое изучение Золотой Орды. Секция работала в течение двух дней. Был заслушан 21 доклад из 24 заявленных. Секция выделена впервые. На ней обсуждались традиционные вопросы золотоордынской археологии – урбанизация, экономика, уклад. Предложения Оргкомитету: работа с модераторами до формирования секции, часть докладов имеет презентационный вид, их стоило перевести в стендовые. Следует сохранить секцию в структуре съезда.

Секция 13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований. Было заслушано 22 доклада, участвовало более 50 человек, доклады активно обсуждались. Представлена широкая тематика вопросов изучения наскального искусства и предметов мелкой пластики, продемонстрирован широкий спектр исследовательских методик. Предложения Оргкомитету: сохранять на следующих съездах секцию и круглый стол по теме «Памятники под открытым небом: проблемы музеефикации и сохранения научного потенциала», просить ИА РАН и МК РФ рассмотреть возможность обобщения методики документирования наскальных изображений.

Секция 14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств. В работе секции приняло участие в общей сложности 65 человек, было заслушано 17 устных докладов и 1 стендовый. Отмечаются широкие хронологические рамки докладов, посвященных исследованиям техники изготовления и использования орудий из камня, кости, металла; химическому составу стекла и предметов из цветного металла; технико-типологическому изучению керамики. Предложения Оргкомитету: вынести на пленарную сессию наиболее значимый аналитический доклад; на V съезде организовать отдельную секцию «Археометрия», объединяющую все доклады по использованию междисциплинарных подходов в археологии, отбор в которую производить строго по предоставленным тезисам; внести в резолюцию съезда обращение к МОН и ведущим вузам и исследовательским центрам страны предложение о включении в число

Рис.6. Обсуждения в ходе работы круглого стола «Актуальные вопросы сохранения археологического наследия».

Рис.7. Экскурсия участников съезда на Болгарское городище и посещение Музея Болгарской цивилизации.

обязательных тем выпускных квалификационных работ тему по исследованию черного металла из археологических памятников.

Секция 15. **Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания**. В рамках секции было заслушано 19 докладов и 5 выступлений по стендовым докладам, в общей сложности в дискуссии принимало участие более 30 человек. Были отмечены доклады, посвященные опыту реализации крупных проектов, различным аспектам исследований памятников нового и новейшего времени. На круглом столе, организованном в рамках секции, было представлено 7 докладов, в том числе по проблемам сохранения археологического наследия в Республике Беларусь и Автономной Республике Крым. Предложения Оргкомитету: обратиться в МК РФ с предложением активизации усилий по строительству сети хранилищ для хранения массового археологического материала, поступившего в государственный Музейный фонд в результате спасательных раскопок; обратиться в Правительство РФ с просьбой дать поручение Минэкономразвития и МК РФ об увеличении финансирования раздела «археология» ФЦП «Культура России 2015–2017 гг.» в связи с необходимостью проведения мероприятий для включения объектов археологического наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ; обратиться в ФСБ,

Рис.8. Издания Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, выпущенные к съезду.

МВД и МК РФ с предложением провести рабочее совещание по вопросам правоприменительной практики норм № 245-ФЗ; обратиться в Госдуму РФ о необходимости критического разбора и последующей денонсации разрабатываемого в профильных комитетах ГД РФ «Проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в части ужесточения контроля и сохранения объектов культурного и исторического наследия РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором предпринята попытка введения понятия «профессиональные полевые археологические работы» и соответственно непрофессиональные полевые археологические работы, а также предпринята попытка ограничить время сдачи научного отчета и коллекции одним годом.

Секция 16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи. Был заслушан 31 доклад, ежедневно присутствовали на заседании секции до 40 человек. Тематика заявленных докладов подразделялась на периоды – история науки до 1917 г. и историю науки в XX веке. Доклады активно обсуждались, но присутствовал и диссонанс из-за включения в программу секции докладов по теории и методике. Предложения Оргкомитету: заявки на секции должны сопровождаться аннотацией; обратить внимание на необходимость работы модераторов на предварительном этапе формирования секций и на возможность представления заказного доклада по истории изучения археологических памятников на Алтае. Просить не включать доклады по теории археологии в состав данной секции.

Секция 17. **Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии.** В работе секции приняло участие 45 специалистов в области почвенно-археологических исследований, геоинформационных систем, данных дистанционного зондирования, археологической геофизики и топографо-геодезических работ; было представлено 13 устных и 3 стендовых докладов. Предложения Оргкомитету: продолжить обмен результатами своих исследований в 2015 г. в рамках намечающихся конференций «Виртуальная археология» (Санкт-Петербург) и «Археология и геоинформатика» (Москва); нецелесообразно объединение докладов геоинформационного и почвенно-археологического направлений в одну секцию; необходимо увеличить степень участия руководителей секций в процессе отбора докладов и составления программы работы будущих археологических съездов.

Секция 18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI–XVIII вв. Было заслушано 33 доклада. Отмечена резко возросшая актуальность тем, важность направления в развитии духовной и культурной жизни, подчеркнуты изменения по сравнению с предыдущим съездом. Предложения Оргкомитету: отметить правомочность формирования и дальнейшего развития позднего и постсредневекового направления в археологии России, резко возросшую в последние годы актуальность этого направления, исключительную важность направления для духовного развития современной России, его

связь с практической жизнью современной культуры; обратиться к администрации ведущих археологических учреждений и лидирующих археологических журналов с предложением уделить большее внимание новому направлению; осознавая исключительное обилие материалов постмедиевального периода, предложить сообществу археологов разработать новые специальные площадки для обсуждения и публикации поздних материалов; приступить к разработке отдельных тем внутри направления, таких как «археология эпохи ранней глобализации», «археология архаизма», проблемы музейного хранения археологических материалов XVII–XX вв., и других, которые могут быть заявлены впоследствии.

Секция 19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии. Было заслушано 33 устных доклада и 2 стендовых. Представлены результаты междисциплинарных исследований в археологии, палеозоологии и пр., модели взаимодействия человека с окружающей средой и динамика этих процессов. Все исследовательские подходы оказались плодотворными, но самыми результативными – исследования по реконструкции палеосреды. Представлена интересная методика реконструкции валов городищ. Предложения Оргкомитету: сохранить секцию, но отодвинуть время ее работы на последние дни съезда; заблаговременно составлять программу; не объединять доклады по технологии и трасологии орудий эпохи камня в одну секцию с докладами, посвященными мультидисциплинарным исследованиям керамики и изделий из металла.

Секция 20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности и этногенетического взаимодействия древнего населения России. Эта секция организована впервые. На ней было представлено 15 докладов. Предложения Оргкомитету: сохранить данную секцию в работе V (XXI) Всероссийского археологического съезда.

Секция 21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии. Было заслушано 10 устных докладов и 4 постерных сообщения. Предложения Оргкомитету: объединить секцию с золотоордынской тематикой, разместить труды Съезда в системе РИНЦ.

Совместно с Министерством культуры РФ было проведено **два круглых стола: «Актуальные вопросы сохранения археологического наследия»** и **«Проблемы музеев под открытым небом как формы обеспечения доступа к культурному наследию и сохранения научного потенциала».** Отдельные круглые столы были посвящены проблеме этики в археологии, а также вопросам проведения археологического съезда. Участниками круглых столов стали руководители ведущих историко-археологических музеев-заповедников и служб охраны культурного наследия России.

Итоговые результаты научного форума нашли свое отражение в Решениях съезда, которые в рекомендательной форме отразили самые насущные проблемы археологической науки и были направлены в органы законодательной и исполнительной власти, а также научные организации археологического профиля.

Материалы и документы о проведении Съезда имеются в доступе на сайте Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ – http://archtat.ru/.

РЕШЕНИЯ

IV (XX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

25 октября 2014 г.

IV (XX) Всероссийский археологический съезд, состоявшийся 21–25 октября 2014 года в городе Казани, продолжил традицию проведения крупнейших форумов для обсуждения проблем археологической науки и древней национальной истории. Эта традиция, заложенная археологами дореволюционной России, была возобновлена в 2006 году Новосибирским институтом археологии и этнографии СО РАН и придала новые импульсы для консолидации археологической и исторической науки в изучении древнего прошлого нашей страны и сохранении археологического наследия – одного из важнейших составляющих культурного наследия народов России.

Важность данного мероприятия, благодаря которому российские ученые имеют возможность знакомиться с результатами научных проектов и обсуждать актуальные вопросы археологической и исторической науки, отражает быстрорастущее число его участников. IV (XX) Всероссийский археологический съезд собрал около 700 участников, представляющих научные организации, высшие учебные заведения, музеи, органы охраны памятников истории и культуры и другие организации из более 70 субъектов Российской Федерации. На Съезде присутствовали делегации из 9 стран, в том числе Украины, Белоруссии, Казахстана, Финляндии, Эстонии, Германии, Китая и Великобритании.

В ходе работы участниками Съезда было сделано более 500 докладов и проведены четыре круглых стола. Тематика докладов охватывала основные проблемы и перспективы изучения археологических памятников от палеолита до раннего Нового времени. Обсуждены возможности применения мультидисциплинарных подходов, компьютерных технологий и современных методов исследований в археологии. Новацией Съезда стала организация на конкурсной основе инициативных секций, работа которых велась параллельно с остальными направлениями Съезда. Дискуссия на инициативных секциях также выявила наиболее актуальные направления исследований в отечественной науке.

Съезд отмечает высокий уровень археологических исследований в России, прогресс в развитии археологии как дисциплины, являющейся важной составляющей исторической науки.

Одним из актуальных направлений работы Съезда, привлекших внимание его участников, стало обсуждение проблем развития поздне- и постсредневекового направления в археологии России, полнокровие его тематики, исключительное обилие проектов и обрабатываемых материалов, относящихся к истории всей территории России, а также важности данного направления в археологии для духовного развития современной России, его связи с практической жизнью современной культуры в таких областях, как музейное строительство,

архитектурная реставрация, инвенция исторических объектов в урбанистическую среду и восстановление некрополей. Участниками Съезда отмечалось развитие контактов с такими мощными социальными группами, как сообщества краеведов и религиозные сообщества, объединение усилий по сохранению археологического наследия России.

Съездом были отмечены достигнутые за последние два года сдвиги в изучении российского общества и государства к «позднему» наследию, хронологическая граница которого законодательно поднята до начала XX века. Данное решение накладывает на археологов и археологические организации новые обязанности, связанные с обеспечением полноценных археологических исследований в поздних слоях городов, на полях сражений, в сельских поселениях и индустриальных зонах периода XVIII – начала XX вв.

Участники Съезда отмечают следующее:

Важным для сохранения археологического наследия является совершенствование нормативной правовой и научно-методической базы, регулирующей вопросы сохранения и изучения археологического наследия России. Принятие Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» несомненно, будет способствовать комплексному сохранению археологического наследия России, предотвращению незаконного оборота археологических предметов и коллекций.

Большим событием для участников Съезда стало подписание 22 октября текущего года Президентом Российской Федерации Федерального закона № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Необходимо отметить, что **практически все вопросы сохранения археологического наследия**, на которые участники предыдущего съезда обращали внимание, **на уровне федеральных законов решены**, в том числе в части законодательного введения прямого запрета на торговлю археологическими находками и установления уголовной ответственности за нарушение данного запрета, контроля за использованием металлодетекторов в целях обнаружения объектов археологического наследия и археологических предметов, сохранения научного контроля за всем процессом ведения археологических полевых работ, обеспечения доступа археологов к объектам археологического наследия.

В связи с этим, вызывают озабоченность попытки «перекроить» с трудом сформированное законодательство путем внесения в Государственную Думу законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в части ужесточения контроля и сохранения объектов культурного и исторического наследия РФ» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который практически выводит из-под

действия федерального законодательства лиц, ведущих деятельность на так называемой «непрофессиональной основе», по сути, «грабителей», при этом ужесточая условия деятельности археологов, ведущих работы в соответствии с выданным в установленном порядке разрешением (открытым листом).

В **части практической реализации** федерального законодательства, регулирующего вопросы сохранения археологического наследия, следует отметить, что недостаточное внимание к мероприятиям по археологическому обследованию территории России и постановке выявленных объектов археологического наследия на государственный учет создает благоприятные условия для экспансии грабителей. Необходимо ежегодное выделение средств из федерального бюджета на планомерное обследование и постановку на государственный учет объектов археологического наследия, соизмеримое с количеством выявленных объектов.

Важным для сохранения археологического наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований.

Особое место занимают вопросы сохранения объектов археологического наследия в зонах гидротехнических сооружений при их эксплуатации. Неоднократно отмечалось, что существует реальная угроза безвозвратной утраты для науки и будущих поколений огромного пласта древнейшего культурно-исторического наследия. Именно поэтому археологический надзор в зонах гидротехнических сооружений, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, должен стать обязательным, а финансирование охранных археологических мероприятий должно стать обязательной расходной статьей при их эксплуатации.

За последние годы заметно сократились объемы государственного финансирования фундаментальной науки, исследовательских проектов и экспедиций, в том числе по линии государственных научных фондов. Данный фактор ведет к снижению интенсивности и уровня выполнения научных исследований российскими учеными, ограничивая их возможности в проведении междисциплинарных исследований, связанных с привлечением методов естественных наук и исследований, требующих высокотехнологичного оборудования, соответствующего современному мировому уровню.

Следует отметить актуальность изучения и сохранения памятников археологии, расположенных на территории исторических монастырей. В этой связи необходимо наладить конструктивный диалог и объединить усилия государства, научного сообщества, музейных структур и Церкви по сохранению археологического наследия. Учитывая, ведущиеся в настоящее время масштабные работы по реставрации монастырей и церквей, как памятников православной архитектуры, представляется целесообразным обратиться в Минкультуры России с предложением о формировании целевой программы (или самостоятельного раздела действующей программы), направленной на археологическое изучение монастырей и их некрополей.

Участники Съезда считают необходимым:

– создание оптимальных условий для развития археологии как фундаментальной науки, обеспечивающей познание древней, средневековой и новой истории;

– недопущение сокращения в Российской Федерации числа государственных археологических учреждений и специализированных археологических подразделений в музеях, высших учебных заведениях, государственных органах исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия;

– консолидацию усилий археологических учреждений, государственных органов исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, органов местного самоуправления и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в целях усиления борьбы с незаконными раскопками и торговлей предметами археологии;

– регулярное проведение конференций, круглых столов, семинаров по проблемам сохранения объектов археологического наследия, направленных на обмен опытом в указанной сфере, практику разработки и применения нормативных правовых документов и методик охранных мероприятий;

– совершенствование нормативной правовой базы, в том числе в части установления особого порядка принятия в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации объектов, имеющих историко-культурную ценность с точки зрения археологии;

– музеефикацию археологических объектов на территории России как форму сохранения культурного наследия, учитывая удачный опыт Фанагории;

– внедрение практики создания специализированных музейных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала;

– совершенствование системы хранения археологических предметов и археологических коллекций в существующих музеях, приведение технических условий хранения к современным мировым стандартам;

– совершенствование методик проведения археологических полевых исследований, включая исследования периода Первой мировой войны;

– проведение организациями, ведущими археологические полевые исследования, активной работы по подготовке к публикации научных отчетов, в том числе в электронной форме;

– активное привлечение средств массовой информации и использование интернет-ресурсов в освещении результатов научных археологических раскопок;

– оказание молодым ученым содействия в дальнейшем развитии науки, в возможности повышения квалификации через механизм специализированных стажировок, обменов и иных мероприятий.

Участники Съезда рекомендуют:

Комитету по культуре Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации:

При рассмотрении проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах куль-

турного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в части ужесточения контроля и сохранения объектов культурного и исторического наследия РФ» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» учесть отрицательное мнение участников Съезда в отношении данного законопроекта и не рекомендовать его к рассмотрению;

Правительству Российской Федерации:

1. Считать задачу сохранения археологического наследия одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры.

2. Принять меры по разработке нормативных правовых актов, направленных на реализацию основных положений Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» и Федерального закона от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Принять меры, направленные на сохранение археологического наследия России, обратив особое внимание на обязательное сопровождение крупных инвестиционных проектов со стороны Минкультуры России и Российской академии наук в части сохранения археологического наследия и повышения качества охранно-спасательных археологических мероприятий.

4. Учитывая, что бюджетом не предусмотрено финансирование оплаты обеспечения исполнения контрактов бюджетными организациями, а также в целях создания для бюджетных археологических учреждений равных конкурентных условий при участии в торгах, внести изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части освобождения бюджетных учреждений науки от обязательства предоставления обеспечения исполнения контрактов и договоров.

Министерству культуры Российской Федерации:

1. Принять меры по совершенствованию нормативной правовой базы в части установления особого порядка принятия в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации объектов, имеющих историко-культурную ценность с точки зрения археологии.

2. Усилить государственный контроль за деятельностью государственных музеев в части приобретения и демонстрации музейных предметов и коллекций, в отношении которых можно подозревать, что они связаны с неконтролируемыми находками или незаконными раскопками, а также выработать соответствующие рекомендации в отношении деятельности негосударственных музеев.

3. Принять меры по организации работ по систематическому археологическому обследованию территорий, постановке на государственный учет выявленных объектов археологического наследия, организацию мониторинга их состояния, включая финан-

сирование указанных мероприятий, сопоставимое с количеством выявленных объектов.

4. Разработать и утвердить в рамках своей компетенции нормативные правовые акты в части внесения поправок в порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы, включая наделение экспертными полномочиями государственных археологических организаций.

При проведении государственной историко-культурной экспертизы в отношении объектов культурного наследия, имеющих историко-культурную ценность с точки зрения архитектуры, предусмотреть обязательное участие специалиста-археолога в составе экспертной группы.

5. Продолжить работу по созданию специализированных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала.

Министерству культуры Российской Федерации совместно с Русской Православной церковью и иными заинтересованными религиозными организациями:

1. Рассмотреть вопрос о формировании целевой программы (или самостоятельного раздела действующей программы), направленной на археологическое изучение монастырей и их некрополей.

2. Рассмотреть вопрос о создании археологических музеев Церкви.

Министерству экономического развития Российской Федерации совместно с Федеральным агентством научных организаций:

Рассмотреть вопрос о внесении изменений в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части освобождения бюджетных учреждений науки от обязательства предоставления обеспечения исполнения контрактов и договоров.

Министерству образования и науки Российской Федерации совместно с Федеральным агентством научных организаций:

1. В целях расширения подготовки специалистов в области археологии включить специальность «археология» в Перечень направлений (специальностей) высшего профессионального образования.

2. Разработать комплекс мер, направленных на финансовую поддержку и повышение квалификации молодых ученых в ведущих российских и зарубежных археологических учреждениях через механизм стажировок, обменов и иных мероприятий.

3. Рассмотреть вопрос о расширении финансирования археологических исследований в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации совместно с Федеральным агентством водных ресурсов:

Принять меры по финансированию охранных археологических мероприятий в зонах водохранилищ и водохозяйственных систем комплексного назначения, защитных и других гидротехнических сооружений, находящихся в ведении Агентства.

Российской академии наук:

Учитывая закрепленное в федеральном законодательстве за Российской академией наук право научной

регламентации археологических полевых работ, принять меры по обобщению методики документирования петроглифов и методам их исследования и внести дополнения в Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации.

Федеральному государственному бюджетному учреждению науки «Институт археологии Российской академии наук» совместно с Научным советом по полевым исследованиям:

Принять меры по созданию на официальном сайте организации специального раздела для публикации в электронной форме научных отчетов о выполненных археологических полевых работах.

Участники Съезда выразили намерение:

1. Продолжить традицию проведения всероссийских археологических форумов, способствующих расширению сотрудничества научных организаций Российской академии наук, высших учебных заведений, музеев, научно-производственных организаций, органов охраны памятников истории и культуры различных регионов России, их консолидации, направленной на изучение и сохранение культурного наследия, обмен опытом и развитие методической базы.

2. На Всероссийских археологических съездах считать приоритетными проблемные доклады по крупным, заранее определенным темам.

3. Провести очередной V (XXI) Всероссийский археологический съезд в 2017 году в городе Барнаул.

Участники Съезда выражают благодарность за финансовую поддержку и организационную помощь в проведении Съезда:

Министерству культуры России,

Российской академии наук,

М.Ш. Шаймиеву, Государственному советнику Республики Татарстан, Председателю попечительского совета некоммерческой организации «Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан»,

Министерству культуры Республики Татарстан,

Академии наук Республики Татарстан,

Казанскому (Приволжскому) федеральному университету,

Институту археологии Российской академии наук,

Институту археологии Академии наук Республики Татарстан,

Институту археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,

Институту истории материальной культуры Российской академии наук,

Государственному бюджетному учреждению культуры Республики Татарстан «Болгарский государственный историко-архитектурный музей заповедник»,

Государственному бюджетному учреждению культуры Республики Татарстан «Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск»,

Администрациям Спасского и Зеленодольского районов Республики Татарстан,

Некоммерческой организации «Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан».

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Xalimabd@mail.ru

THE IV (XX) ALL-RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS IN KAZAN

A.G. Sitdikov, Kh.M. Abdullin

The process of preparation and holding of the 4th (20th All-Russian Archaeological Congress that took place in Kazan on October, 21-25, 2014, is described in the article. The basic content and results of all the sections' proceedings and round-table discussions are represented. The results of the scientific forum are summarized. The resolutions of the congress are published as a separate document containing recommendations to different state bodies of the Russian Federation as to the measures necessary for cultural resource management and consolidation of scientific and educational basis for further research.

Keywords: archaeology, All-Russian Archaeological Congress, Kazan, archaeological community, scientific and educational institutions, cultural resource management bodies, sections, round-table discussions, resolutions.

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

УДК 902/904 001

ЗАЩИТА ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ИМ. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ В 2014 ГОДУ

© 2014 г. Ф.Ш. Хузин

Представлен обзор диссертаций по специальности «археология» на соискание степени доктора и кандидата наук, защита которых состоялась в Институте истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в 2014 году. Среди них одна диссертация на соискание степени доктора исторических наук (М.А. Очир-Горяева) и пять диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук (К.В. Ванюшева, Н.В Рослякова, Р.Р. Русланова, Д.А. Французов, Н.С. Мясников). Темы диссертаций касаются различных проблем археологии бронзового и раннего железного веков, эпохи переселения народов и раннего средневековья Поволжья, Приуралья и смежных регионов, от Северного Причерноморья до Горного Алтая, а также истории археологической науки конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани, диссертация, археология, история науки.

В 2014 г. на заседаниях Диссертационного совета Д 022.002.01 при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ были защищены 1 докторская и 5 кандидатских диссертаций по специальности 07.00.06 – археология.

Очир-Горяева М.А. Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI – III вв. до н.э. Дис. … докт. ист. наук.

Диссертация выполнена в ФГБУН «Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН» (г. Элиста).

Официальные оппоненты: д.и.н., доц., зав. лабораторией археологических исследований ФГБУН Южный научный центр РАН С.И. Лукьяшко (г. Ростов-на-Дону); д.и.н., проф. ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» А.С. Скрипкин; д.и.н., проф., зав. сектором археологии эпохи металла ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН» Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург).

Ведущая организация: ФГБУК «Государственный Эрмитаж» (СПб.).

Защита состоялась 19 сентября 2014 г.

Впервые в археологической литературе объектом специального исследования стали погребения с захоронением коней и предметами узды обширной в географическом отношении территории от Черного моря до Горного Алтая. Показаны роль и место коня в погребальном обряде кочевников скифской эпохи как важного транспортного животного, сопровождавшего человека-хозяина в потусторонний мир.

По мнению диссертанта, региональные различия в расположении конских захоронений и предметов узды на плане кургана связаны с ши-

ротной или меридиональной ориентацией по странам света всего погребального сооружения, по которой скифо-сибирское единство археологических культур степей Евразии распадается на два блока. Ориентация погребальных сооружений логично отражает представления о расположении страны мертвых и различную географическую ориентацию на местности – базового свойства каждой археологической культуры.

При анализе предметов узды диссертант впервые за элементарную единицу анализа берет уздечные наборы целиком, а не по категориям (удила, псалии, налобники и пр.). Определены с применением статистико-комбинаторных методов хронологические и региональные особенности уздечных наборов и путем стилистического анализа выделены бытовые и церемониальные наборы.

Полученные результаты, основанные на анализе массового археологического материала и письменных источников (Геродот) входят в противоречие с общепринятыми и глубоко укоренившимися в литературе представлениями о развитом культе коня у кочевников скифской эпохи Евразийских степей.

Ванюшева К.В. Научные коммуникации в Российской провинциальной археологии (конец XIX – 20-е годы XX в.). Дис. … канд. ист. наук.

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: д.и.н. О.М. Мельникова.

Официальные оппоненты: д.и.н., доц. кафедры археологии и этнологии ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Л.Ф. Недашковский (г. Казань), к.и.н., доц. кафедры Российской истории ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» Д.В. Серых (г. Самара).

Ведущая организация: ФГБУН «Институт археологии РАН» (г. Москва).

Защита состоялась 6 июня 2014 г.

В диссертации впервые разработана общая концепция научных коммуникаций в российской провинциальной археологии конца XIX – 20-х годов XX в., дана их характеристика как значимого социокультурного института в становлении археологии как науки.

В первой главе «Методологические основы изучения проблемы научных коммуникаций в истории археологии» проведен анализ литературы, определены основные подходы к изучению проблемы, предложена понятийная исследовательская программа, при помощи которой произведен анализ конкретно-историографического материала.

Во второй главе по территориальному принципу состава участников выделены и проанализированы внутрирегиональные (научные общества, университеты, периодическая печать и продолжающиеся издания) и внешние (общероссийские: Императорская Археологическая Комиссия и Московское Археологическое Общество, Археологические съезды, классические университеты, научные публикации) коммуникативные площадки провинциальных археологов.

В третьей главе «Переписка исследователей как эффективное средство научной коммуникации в российской провинциальной археологии конца XIX – 20-х годов XX в.» на основе обширного массива эпистолярных

материалов показана значимость устойчивых научных связей исследователей для продуктивной творческой деятельности, а также переписки как необходимого элемента функционирования научного сообщества. По справедливому заключению диссертанта, свидетельством признания научных заслуг провинциального археолога было включение его в круг элитной коммуникации, возможность на равных общаться с такими крупными деятелями российской археологии, как А.С. и П.С. Уваровы, А.А. Бобринский, А.А. Спицын, В.А. Городцов и др.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Дис. … канд. ист. наук.

Диссертация выполнена на кафедре Отечественной истории и археологии ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия».

Научный руководитель: д.и.н., доц., ректор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии О.Д. Мочалов.

Официальные оппоненты: д.и.н., доц., в.н.с. Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН А.В. Епимахов (г. Челябинск), к.и.н., доц., н.с. Лаборатории естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН Л.В. Яворская (г. Москва).

Ведущая организация: Государственный исторический музей (г. Москва).

Защита состоялась 20 июня 2014 г.

Диссертант поставил своей целью реконструировать варианты использования животных в погребальном обряде населения срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Для их всестороннего изучения применен междисциплинарный подход: использованы не только археологические, но и биологические методики работы с материалом, однако погребальные комплексы с костями животных рассмотрены в первую очередь как археологический источник, который помимо биологических (видовой и половозрастной состав животных, анатомический состав костей) имеет и чисто археологические характеристики (следы искусственного воздействия на костях, локализация в кургане как в сакральном комплексе и т.д.). В результате такого анализа выделены четыре категории погребальных комплексов с костями животных (погребальные жертвенные комплексы, «остатки напутственной пищи», погребальный инвентарь, отдельные кости или их скопления), что дало возможность диссертанту реконструировать разные варианты использования животных в погребальной практике срубняков. Интересен вывод автора о корреляции выявленных вариантов с социальным статусом погребенных и хронологическими этапами развития срубной КИО. Обсуждаемые в работе категории погребальных комплексов Самарского Поволжья выделяются и в могильниках других регионов срубной КИО и у населения синхронных культур Зауралья.

Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв. Дис. … канд. ист. наук.

Диссертация выполнена в ФГБУ ВПО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа).

Научный руководитель: д.и.н., проф., академик АН РБ Н.А. Мажитов.

Официальные оппоненты: д.и.н., в.н.с. Отдела теории и методики Института археологии РАН В.Б. Ковалевская (г. Москва), к.и.н., доц. кафедры археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» С.И. Валиулина (г. Казань).

Ведущая организация: Учреждение РАН «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН».

Защита состоялась 20 июня 2014 г.

Диссертация является первым комплексным исследованием по систематизации и интерпретации одной из самых многочисленных категорий находок археологических памятников Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв. н.э., – бус из стекла, камней-самоцветов и других материалов (янтаря, коралла, раковин моллюсков и пр.).

В первой главе диссертации обосновываются методы исследования бус и принципы их систематизации, основанные на показателях формы, цвета, декора с учетом технологических приемов изготовления. В ходе систематизации материала автором была создана классификация бус Уфимско-Бельского междуречья (всего 36769 изделий), которая включает в себя 259 типов и подтипов. Предложенную систематику отличает ее открытый характер – при появлении новых типов структура классификации не нарушается.

Определение времени бытования основных типов бусинного материала из могильников Южного Урала середины I тыс. н.э., которому посвящена вторая глава диссертации, решается с учетом общей хронологии раннесредневековых украшений Северного Причерноморья, Кавказа, Прикамья, но преимущественно на материалах Бирского могильника, имеющего эталонное значение для разработки хронологии и периодизации всей раннесредневековой археологии Урало-Поволжского региона. Распределение бус по хронологическим периодам показало динамику использования бусинных украшений населением Южного Урала.

По мнению диссертанта (третья глава), бусы являются преимущественно продукцией ближневосточных (Сирия, Египет), причерноморских стеклодельных центров, камнерезных мастерских Индии, Ирана и Кавказа. Пути их поступления менялись в зависимости от общей ситуации в евразийской степи: в ранний период бусы поступали степным путем, позднее – степным и волго-камским маршрутами.

Французов Д.А. Костюм тюркских кочевников лесостепного Поволжья VII–X вв. (к проблеме выделения этнокультурных групп). Дис. … канд. ист. наук.

Диссертация выполнена на факультете гуманитарного образования ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет» Министерства образования и науки РФ.

Научный руководитель: д.и.н., декан факультета гуманитарного образования ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет» А.В. Богачев.

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., проректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского» Г.Н. Белорыбкин (г. Москва), к.и.н., доц. кафедры Рос-

сийской истории ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» Р.С. Багаутдинов (г. Самара).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Защита состоялась 27 июня 2014 г.

Диссертант поставил своей целью реконструкцию костюма тюркских кочевников Среднего Поволжья VII–X вв. на основе археологических материалов с привлечением письменных, изобразительных, а также этнографических источников.

В первой главе автор дает обзор современного состояния изученности проблемы, подробно анализирует существующие методики реконструкции палеокостюма, рассматривает историю изучения кочевнических древностей лесостепного Поволжья VII–X вв., особо выделяя немногочисленные публикации, в которых затрагивались вопросы воссоздания костюма тюркских кочевников интересующего нас региона и сопредельных территорий. Здесь же предлагается разработанная диссертантом процедура исследования палеокостюма, состоящая из пяти стадий анализа материала.

Вторая глава посвящена классификации деталей и анализу комплексов элементов убора, на основе которых возможна реконструкция костюма тюркских кочевников Среднего Поволжья VII–X вв.

В третьей главе предлагаются реконструкции различных типов/разновидностей археологического костюма: аварского, тюркско-болгарского мужского костюма дружинника, тюркско-болгарского мужского костюма рядового общинника, тюркско-болгарского женского костюма, тюркско-болгарского детского костюма. По мнению диссертанта, костюм кочевников-тюрок (в том числе праболгар) раннего средневековья настолько соответствовал их образу жизни, определяемому природно-географической средой, что в основных своих элементах воспроизводился их потомками вплоть до этнографического времени. Выделялись, конечно, и этнотерриториальные особенности, отразившиеся в количественных и качественных характеристиках.

Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н.э. Сурско-Свияжского междуречья. Дис. … канд. ист. наук.

Диссертация выполнена в отделе первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Научный руководитель: к.и.н., с.н.с. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Д.Г. Бугров.

Официальные оппоненты: д.и.н., проф. ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» В.В. Ставицкий (г. Пенза), к.и.н., в.н.с. ФГБУК «Государственный исторический музей» И.В. Белоцерковская (г. Москва).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Защита состоялась 19 декабря 2014 г.

Целью работы является культурно-хронологическая атрибуция археологических памятников Сурско-Свияжского междуречья первой половины I тыс. н.э. с использованием современных исследовательских методик и новых концепций развития археологических культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

В первой главе изложены история изучения археологических памятни-

ков Сурско-Свияжского междуречья первой половины I тыс. н.э. и историография вопроса.

Вторая глава посвящена анализу памятников типа Андреевка-Писералы, датированных автором второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Имеющиеся данные пока не позволили однозначно решить вопрос о происхождении населения, тем не менее, отмечает автор, как в вещевом материале, так и в погребальном обряде отчетливо прослеживаются южные и юго-западные параллели (сарматы, позднескифские памятники Верхнего и Среднего Подонья). По мнению диссертанта, дальнейшее развитие писеральско-андреевского горизонта связано с началом генезиса «древнемордовской» культуры и культуры окских финнов.

В третьей главе анализируются материалы памятников типа Сендимиркино-Таутово, датированных второй половиной–концом II – первой половиной III вв. н.э. Вещевой комплекс их, по данным диссертанта, близок ранним «древнемордовским» могильникам Верхней Суры и Мохши.

В четвертой главе дана характеристика «древнемордовской» культуры Сурско-Свияжского междуречья, получившей оформление в III–VII вв. в древностях типа городища «Ножа Вар и Иваньковского могильника. Большинство памятников региона, пока только условно отнесенные к «древнемарийским» или «позднегородецким» древностям I тыс. н.э., нуждаются в дополнительном изучении с целью более точной этнокультурной атрибуции.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

DEFENDING OF THE DISSERTATIONS IN ARCHAEOLOGY FOR A DOCTOR AND CANDIDATE DEGREE AT THE INSTITUTE OF HISTORY NAMED AFTER SH. MARJANI OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

F.Sh. Khuzin

An overview of doctor's (Dr. habil.) and candidate's (PhD) theses in Archaeology defended in 2014 at the Institute of History named after Sh. Marjani with the Tatarstan Academy of Sciences is provided. Among these, one thesis was conferred the degree of Doctor of historical sciences (M. A. Ochir-Goryaeva) and five theses – the degree of candidate of historical Sciences (K.V. Vanyusheva, N.V. Roslyakova, R.R. Ruslanova, D.A. Frantsuzov, N.S. Myasnikov). Dissertation topics are related to various problems of the archaeology of the Bronze and Early Iron ages, the epoch of migrations, and the Early Middle Ages in the Volga region, the Urals and adjacent regions from the Northern Black Sea coast to the Altai Mountains, as well as to the history of archaeological science of the late 19th – early 20th century.

Keywords: archaeology, Republic of Tatarstan, Institute of History named after S. Mardzhani, thesis, archaeology, history of science.

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

УДК 001-057.4

ВСПОМИНАЯ ОТЦА…
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.В. ЮСУПОВА)

© 2014 г. С.Г. Хамидуллина

Автор заметки – дочь известного татарского эпиграфиста и археолога Гаруна Валеевича Юсупова – рассказывает о его жизненном и творческом пути, используя в качестве основных вех фотографии из семейного альбома. На них представлены детство выдающегося исследователя, его семья, учеба, служба в армии в годы Великой Отечественной войны и ряд эпизодов его дальнейшей научной деятельности.

Ключевые слова: археология, Татарстан, история науки, биография, булгаро-татарская эпиграфика, археологическая карта Татарстана.

Мой отец, Гарун Валеевич Юсупов, родился 22 июня 1914 г. в городе Казани. Отмечая столетие со дня его рождения, попробую рассказать о том, как сын приказчика, электромонтер, студент университета и солдат Великой Отечественной стал известным ученым-археологом, эпиграфистом и этнографом. Помогут мне в этом фотографии и надписи на их обратной стороне, хранящиеся в нашем семейном архиве.

Фото. Валимухаммад и Маугузя Юсуповы. 1909 г. Вот его родители. Еще до революции перебрался в Казань Валимухаммад Юсупов. Работал он приказчиком у купца Мусина. Был скромным и тихим парнем. А жена Маугюза не из робкого десятка. Это видно по ее уверенному взгляду. Хозяйка она была отменная: шила и себе и людям, стряпала, дом держала в чистоте, все в ее руках горело. С такой не страшно большую семью заводить. Первой порадовала родителей Ркыя, потом на свет появился сын Гарун, вслед за ним родились Суфия, Асия (умерла в младенчестве), Галия, Мансур.

Фото 1919 года. Родители со своими детьми. Дочери Ркые 8 лет, Гаруну 4 года. Жили они тогда на улице Каюма Насыйри, рядом с мечетью Марджани. Туда же ходил Валимухаммад на праздничный намаз. Человек он был верующий и соблюдал все, что положено правоверному мусульманину. Но фанатиком не был, когда была возможность, ходил на спектакли Та-

Валимухаммад и Маугузя Юсуповы.
1909 г.

Семья Валимухаммата и Маугюзы Юсуповых. 1919 г

Гарун Юсупов –
участник Великой Отечественной Войны. 1943 г.

Юсупов в экспедиции в
с.Тюлячи. 1948 г

тарского театра. Детей отдал в русскую школу, а дома старался научить их арабскому языку, который прекрасно знал сам. Арабский язык в будущем пригодится Гаруну в его профессиональной деятельности, связанной с расшифровкой древних текстов на мусульманских надгробиях. Стремясь сделать отцу приятное, многие фотографии Гарун подписывал, как правило, на арабской графике.

Фото 1932 года. Гарун Юсупов окончил рабфак, а в 1936 году он поступил на географический факультет Казанского университета. Почему географак? Может быть, привлекала его этнография, которую изучали на этом факультете?

Фото 1943 года. Практически сразу после окончания учебы в университете, получив диплом о высшем образовании, он уходит защищать Родину. В 1942 году сержант Гарун Юсупов – связист батареи в составе 62-й армии под командованием легендарного Чуйкова, защищавшей Сталинград. В 1943-м участвовал в кровопролитных боях на Курской дуге, где получил ранение в голову и был контужен. После госпиталя служил в запасном полку под Воронежем.

После трех с половиной лет, проведенных на фронтах Великой Отечественной, отец возвращается в Казань, в свой родной университет, где вместе с сотрудниками географака занимается восстановлением этнографического музея. Скоро становится его заведующим. Вот тогда, как я полагаю, и произошел окончательный поворот будущего ученого с географии на историю, и помогло ему переквалифицироваться в историка прекрасное знание арабского языка, привитое в семье его отцом.

Фото 1948 года. С 1948 по 1952 годы Г.В. Юсупов – аспирант Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Начинается научная деятельность. Участвует в раскопках Казанского кремля под руководством своего учителя Н.Ф. Калинина. Первые экспедиции по поиску новых эпиграфических памятников. Выбрано основное направление деятельности, обещающее быть интересным и успешным в научном плане. Защита кандидатской диссертации, посвященной проблеме происхождения казанских татар по эпиграфическим данным, состоялась в МГУ им. Ломоносова 22 июня 1953 года – в день его рождения. Ему исполнилось 39 лет.

Фото 1950-х годов. Отец в экспедиции. После успешной защиты кандидатской диссертации Г.В. Юсупова направляют в Уфу. В Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР он возглавляет группу, занимающуюся археологическими исследованиями памятников железного века и раннего средневековья на Южном Урале.

Фото 1960-х годов. После пятилетнего проживания в Уфе Гарун Валеевич возвращается со своей семьей в Казань. Здесь он работает над завершением главного труда своей жизни – монографии “Введение в булгаро-татарскую эпиграфику”. Она увидела свет в издательстве АН СССР в 1960 году. Отец продолжал экспедиционные выезды в районы республики и сопредельные регионы. Он был одержим своим делом. Эта увлеченность передавалась и его более молодым коллегам по совместным экспедициям, они тепло отзывались о нем, как о человеке, полностью посвятившим

Болгары 27 сентября 1950 г.
Г. Юсупов первый слева во втором ряду.

Семья Г.В.Юсупова.
1956 г

Г.В. Юсупов. 1957 г

Г.В. Юсупов с детьми, 1958 г.

В экспедиции. 1960-е годы.

себя науке. Им выявлено, расшифровано и переведено более 600 эпитафий XIV–XVIII веков.

Отец принимал активное участие в составлении шеститомной «Археологической карты Татарстана». В 1994 году группа ученых, занимавшихся составлением этого труда, была удостоена Государственной премии Республики Татарстана в области науки и техники. На тот момент отца уже давно не было в живых. Он ушел из жизни в 1968 году. Но коллеги включили его в список награждаемых посмертно, не забыв его вклада в исследование древней и средневековой истории татар и других народов Поволжья и Урала.

Мы, его дети, племянники со стороны сестер и брата, хорошо помним отца, человека доброго, отзывчивого, человека, много страдавшего от последствий контузии, полученных на полях сражений. Помним, может быть, еще и потому, что он интересовался нашей учебой и увлечениями. Поддерживал занятия в художественной школе мое и племянника Равиля. Мы получали от него в виде подарков на дни рождения прекрасные издания книг о художниках – он и сам любил изобразительное искусство, собирал открытки, а хорошие книги покупал, будучи в командировках или на научных симпозиумах в Москве, Ленинграде и других городах. Я рада, что имя Гаруна Валеевича Юсупова все еще живет в его трудах, которые и сегодня служат нашей науке, изучающей далекое прошлое народов нашей страны.

Информация об авторе:

Хамидуллина Софья Гаруновна, пенсионер, внештатный сотрудник газеты «Казанские ведомости» (г. Казань, Россия); sofia.garun@yandex.ru

REMEMBERING MY FATHER… (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF G.V. YUSUPOV)

S.G. Khamidullina

The author of the short article is the daughter of Garun Valeevich Yusupov, a famous Tatar epigraphist. She narrates about his life and creative work by using the photos from their family album to illustrate the main events. The pictures show the outstanding researcher's childhood, his family, studies, army service during the Great Patriotic War, and a number of episodes of his further scientific career.

Keywords: archaeology, Tatarstan, history of science, biography, Bulgar-Tatar epigraphy, archaeological map of Tatarstan.

About the Author:

Khamidullina Sof'ya G. Kazan, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sofia.garun@yandex.ru

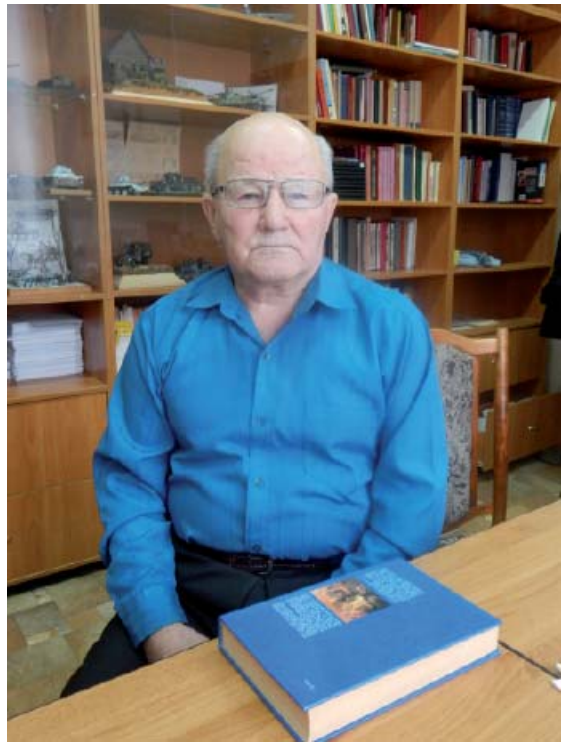
УДК 929:902

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ МАРТЬЯНОВУ – 80 ЛЕТ

© 2014 г. Ю.А. Зеленеев, О.В. Зеленцова

Статья посвящена 80-летию известного археолога и этнографа Владимира Николаевича Мартьянова. Кратко рассказывается о его жизненном и творческом пути, научной деятельности сначала как этнографа, исследователя мордовского народного искусства, а с 1970-х гг. – и как археолога. Отмечается значимость его работ для изучения средневековой археологии и этнографии мордовского народа. Подчёркивается особое значение полевых работ юбиляра, открывшего десятки археологических памятников, большей частью относящихся к III–XV вв., на юге Нижегородской области.

Ключевые слова: археология, В.Н. Мартьянов, Республика Мордовия, Нижегородская область, история науки, археология, этнография, средневековая мордва.

15 сентября 2014 г. исполнилось 80 лет со дня рождения одного из ведущих специалистов в области мордовской археологии и этнологии Владимиру Николаевичу Мартьянову.

Он родился 15 сентября 1934 г. в Октябрьском районе города Ленинграда. Перед началом войны жил с родителями в городе Луга Ленинградской области. С началом войны семья

была эвакуирована в Горький и поселена на Нововосточной улице около северной проходной автозавода. Но и в тылу бомбили постоянно. Так что всех тягот военного лихолетья (эвакуация, бомбежки, недоедание) юному Владимиру Мартьянову пришлось хлебнуть полной мерой.

В 5 и 6 классах В.Н. Мартьянов учился в школе юнг. Сначала в затоне им. А.А. Жданова (р. Ока), а затем в городе Юрьевец на Волге. Школу юнг закрыли в 1947 г., и 7 класс он заканчивал в селе Работки Нижегородской области, куда переехали из Горького родители. После семилетки поступил на I курс Работкинского сельхозтехникума. Но затем перевелся в Лысковское педучилище, где работу по специальности получил отец (он закончил 3 курса Ленинградской консерватории). В 1953 г. В.Н. Мартьянов закончил с отличием педучилище и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Горьковского ГПУ. Закончил его в 1958 г. За время учебы в 1957 г. успел поработать трактористом на целине в Казахстане.

Учительствовать начал в деревне Берендеевка Лысковского района. Вел пение, рисование, черчение, физкультуру, географию, литературу и психологию. Потом работал секретарем заводского комитета ВЛКСМ, воспитателем в школе-интернате (с. Малая Пицца Дальнеконстантиновского р-на), затем – инспектором РОНО.

В начале 1961 г. В.Н. Мартьянова пригласили работать в Лукояновское педучилище, где он преподавал музыку, рисование, черчение. В 1963 г. сдал вступительные экзамены в Академию живописи в Ленинграде, но через год появилась возможность поступить в аспирантуру, что круто изменило всю дальнейшую жизнь.

Разносторонне одаренный человек В.Н. Мартьянов долго не мог выбрать основное занятие своей жизни. Он отлично рисовал. Увлекался фотографией. Его фотоработы публиковались в центральных журналах и отмечались премиями на престижных выставках. После переезда в Лукоянов В.Н. Мартьянов увлекся народным искусством и в первую очередь, мордовской резьбой по дереву. В 1960-х годах он на своем «Запорожце» объехал большинство мордовских сел юга Горьковской области, фотографируя и зарисовывая резьбу по дереву, вышивку. Именно благодаря его деятельности того периода удалось сохранить для истории такой пласт мордовского прикладного искусства, как резьба на парях – деревянных хранилищах приданного. Казалось бы, именно этнография становится его жизненным призванием. Тем более что его работы привлекают внимание специалистов, в первую очередь, в Саранске.

В марте 1969 г. В.Н. Мартьянов был принят в аспирантуру Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики по специальности «этнография». Руководителем диссертации стал П.Д. Степанов. Павел Дмитриевич был настоящим подвижником в науке. При этом он так же, как и В.Н. Мартьянов, не сразу определился со своими научными пристрастиями. Долго занимался этнографией. Работал в разных регионах России (Коми, Дальний Восток). Правда, всегда у него сохранялся устойчивый интерес к изучению мордовского народа, сначала его этнографии, а потом и древней истории. Владимир Николаевич многое перенял у своего учителя и в

какой-то мере направление исследований – от современной культуры к ее истории – возникло под влиянием П.Д. Степанова. 3 января 1973 г. он защитил в МГУ им. М.В. Ломоносова диссертацию и стал научным сотрудником НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Еще до защиты диссертации основные ее материалы были опубликованы им в 1971 г. в альбоме «Памятники прикладного искусства мордвы».

Развитие археологии и этнографии в 1970-х годах в Мордовском НИИ шло по восходящей линии. Этому способствовало создание сектора археологии и этнографии под руководством П.Д. Степанова. В секторе складывался коллектив исследователей, состоявший из молодых, но уже имевших опыт самостоятельной работы людей, таких как археологи И.М. Петербургский, В.И. Ледяйкин, этнографы В.П. Тумайкин, В.Ф. Разживин, В.Ф. Вавилин и других. Важно и то, что все они, находясь приблизительно в одном возрасте, ощущали себя единым коллективом и были дружны между собой.

В 1975 г. В.Н. Мартьянов стал зав. сектором археологии и этнографии. В 1970-е годы он всерьез заинтересовался археологией. Этот интерес формировался и под влиянием П.Д. Степанова, в связи с необходимостью выявить истоки мордовского искусства. Но больше всего на него оказало влияние личное участие в археологических экспедициях, которые проводили в то время археологи Мордовского НИИ. Он с удовольствием участвовал и в археологических разведках, а затем и в раскопках археологических памятников. К середине 1970-х годов и наступил «момент истины» в определении призвания. Владимиру Николаевичу по душе пришлась полевая жизнь археологических экспедиций. Но не только это. Как человек, хорошо знавший этнографический материал, он по археологическим данным получил возможность наблюдать пути формирования народной культуры. Постепенно археология захватила полностью. Уже с 1975 г. он самостоятельно ведет раскопки и, скорее всего, с этого времени все больше начинает ощущать себя археологом, а не этнографом. Именно тогда он говорил, что сожалеет о том, что поздно открыл для себя археологию и так долго шел к ней. Но надо отметить, что знания этнографа ему очень помогали в археологических изысканиях. Мало встречается археологов, которые с таким знанием дела могли бы реконструировать костюм из раскопанных погребений, как это удавалось делать В.Н. Мартьянову.

Новая страница в исследовательской биографии В.Н. Мартьянова открылась после переезда в город Арзамас в конце 1979 г. Казалось бы, этот переезд положил конец археологической, да и этнографической деятельности Владимира Николаевича. Дело в том, что в Арзамасском педагогическом институте не было исторического образования, и он работал в 1979 – 1995 гг. заместителем декана, а затем деканом педагогического факультета. Но это не остановило энтузиазма исследователя. Он ежегодно, практически в одиночку, проводил обследование южных районов Нижегородской области, в результате которых выявил десятки новых археологических памятников, большая часть которых относится к III–XV вв. Впоследствии, когда в Арзамасском пединституте от-

крыли специальность «история», профессор В.Н. Мартьянов на некоторых памятниках провел археологические раскопки и опубликовал несколько монографий по археологии средневековой мордвы.

Исследования В.Н. Мартьянова, которые он начал в 1979 г., по существу, открыли центральную часть эрзянских земель эпохи средневековья, которые к XIII в. оформились в Пургасову волость. В результате этих работ стало очевидно, что в междуречье Теши и Мокши проживало мордовское население с развитым сельским хозяйством и ремеслом, вплотную подошедшее к городской жизни и государственности.

Отличник народного просвещения (1994), Почетный работник высшего профессионального образования (2004) профессор В.Н. Мартьянов и сейчас полон сил и энергии и продолжает плодотворно работать и в поле, и за письменным столом. Мы желаем ему доброго здоровья и продолжения творчества.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В.Н. МАРТЬЯНОВА

1. Памятники прикладного искусства мордвы. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1971. – 69 с.

2. Мордовская народная вышивка. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1991. – 112 с.

3. Археологическая карта арзамасского района. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2002. – 67 с.

4. Древнейшая история дивеевской земли. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2002. – 103 с.

5. Арзамасская мордва. Резьба по дереву. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2000. – 165 с.

6. Археология восточных славян. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2009. – 163 с.

7. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2001. – 322 с.

8. Древняя история Арзамасского края. – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2004. – 443 с.

Информация об авторах:

Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

80TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR NIKOLAEVICH MARTYANOV

Yu.A. Zeleneev, O.V. Zelentsova

The article is devoted to the 80th birth anniversary of the renowned archeologist and ethnographer Vladimir Nikolaevich Martyanov. It contains a short outline of his creative scientific career, first as an ethnographer studying Mordovial folk art and as archaeologist starting the 1970s. The importance of Martyanov's works for the medieval archaeology and ethnography of the Mordovian people is accentuated. The significance of the field investigations carried out by V.N. Martyanov, who has discovered dozens of archaeological sites dated by the 3rd – XVth centuries in the southern part of Nizhniy Novgorod Oblast, is especially emphasized.

Keywords: archaeology, V.N. Martyanov, the Republic of Mordovia, Nizhny Novgorod Oblast, the history of science, archeology, ethnography, the medieval Mordovians.

LIST OF THE MAIN WORKS BY V.N. MARTYANOV

1. Mart'ianov, V. N. 1971. *Pamiatniki prikladnogo iskusstva mordvy (Artefacts of the Mordvians' Applied Art)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

2. Mart'ianov, V. N. 1991. *Mordovskaia narodnaia vyshivka (Mordovian Folk Embroidery)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

3. Mart'ianov, V. N. 2002. *Arkheologicheskaia karta Arzamasskogo raiona (Archaeological Map of the Arzamas District)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

4. Mart'ianov, V. N. 2002. *Drevneishaia istoriia Diveevskoi zemli (The Most Ancient History of the Diveevo Land)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

5. Mart'ianov, V. N. 2000. *Arzamasskaia mordva. Rez'ba po derevu (The Arzamas Mordovians Woodcarving)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

6. Mart'ianov, V. N. 2009. *Arkheologiia vostochnykh slavian (Archaeology of the Eastern Slavs)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

7. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletiia (Arzamas Mordvinians in the I — Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

8. Mart'ianov, V. N. 2004. *Drevniaia istoriia Arzamasskogo kraia (The Ancient History of the Arzamas Region)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaydar (in Russian).

About the Authors:

Zeleneev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Zelentsova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

УДК 902

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВЫБОРНОВА

© 2014 г. А.И. Королев

21 октября 2014 г. доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой Отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Почетному работнику высшего образования Российской Федерации А.А. Выборнову исполнилось 60 лет. А.А. Выборнов – автор 5 монографий и более 190 статей. По материалам исследованных памятников им был выделен ряд культур эпохи неолита, разработана периодизация неолита Поволжья. Сегодня он является одним из крупнейших специалистов в области археологии каменного века, который внес значительный вклад в изучение неолита Волго-Уралья, Среднего Поволжья, Прикамья, Северного Прикаспия.

Ключевые слова: археология, Волго-Уралье, Прикамье, Среднее Поволжье, Северный Прикаспий, каменный век, неолит, археологические исследования.

21 октября 2014 г. доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой Отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (ПГСГА), Почетному работнику высшего образования Российской Федерации Александру Алексеевичу Выборнову исполнилось 60 лет. Его имя как крупного специалиста по изучению неолита хорошо известно археологам нашей страны и за ее пределами. Его трудовая и научная деятельность уже более 35 лет

неизменно связана с Куйбышевским государственным педагогическим институтом им. В.В. Куйбышева (сейчас – ПГСГА). И в течение этого времени неуклонно происходило становление неолитоведения как одного из приоритетных направлений археологии в Самаре. Думается, что можно говорить о складывании в Самаре научной школы в исследовании эпох неолита-энеолита, основание которой было заложено И.Б. Васильевым и нашим юбиляром в 1970 – 1990-е годы.

Александра Алексеевича отличает верность делу, которому он себя посвятил с молодых лет. Первые шаги в науку, с которой он связан уже более 40 лет были сделаны еще студентом. По окончании школы с углубленным изучением французского языка Александр Выборнов поступил на исторический факультет Куйбышевского государственного университета, а затем был направлен для продолжения учебы в Ленинградский государственный университет, где специализировался по археологии. В 1978 г. он вернулся в Куйбышев, работал на станции юных туристов, а с 1979 г. – в Куйбышевском государственном педагогическом институте им. В.В. Куйбышева. Здесь он активно включился в научно-исследовательскую и преподавательскую работу. Продолжая работы О.Н. Бадера, А.А. Выборнов проводит ряд экспедиций в низовьях р. Белой в Башкирии. Новые материалы оперативно вводились им в научный оборот. Научные интересы Александра Алексеевича не замыкались этим регионом. Выборнова всегда отличало ясное понимание необходимости широкого взгляда на проблемы изучения неолита, формировавшиеся вместе с расширением географии его исследовательской деятельности. И когда по инициативе И.Б. Васильева в начале 1980-х годов было открыто новое направление исследований куйбышевских археологов – Северный Прикаспий. А.А. Выборнов становится одним из организаторов и непременных участников Прикаспийской экспедиции. В те годы раскопками были изучены ключевые для понимания процессов неолитической эпохи этого региона стоянки с сохранившимся культурным слоем – Тентексор и Каир-Шак III. Новые данные позволили исследователям пересмотреть ряд заключений специалистов, базировавшихся прежде на материалах, полученных сборами с развеянных стоянок. В разработанной периодизации неолита Северного Прикаспия ранний этап представлен материалами типа Кугат и Кулагайси, развитой – каиршакским типом, поздний – тентексорским. Научные результаты этой большой, продолжавшейся более 10 лет, экспедиции нашли отражение в четырех тематических выпусках межвузовского сборника научных трудов КГПИ, постоянным участником редакционной коллегии которых был А.А. Выборнов. Позднее под руководством Александра Алексеевича были подготовлены и защищены кандидатские диссертации по мезолиту (2000 г., А.М. Комаров) и неолиту Северного Прикаспия (2002 г., Е.В. Козин).

В этот же период вместе с В.П. Третьяковым А.А. Выборнов начинает планомерное археологическое изучение памятников неолита-энеолита в бассейне р. Мокши в Мордовии. Раскопками были изучены стоянки и поселения Имерка IA, IБ, II, III, V, VI, VII, Подлесное IV, Потодеево, Новый Усад IV. Вновь получен-

ные материалы были опубликованы в многочисленных статьях, а в изданном в 1988 г. ими учебном пособии, а по сути, монографии, «Неолит Сурско-Мокшанского междуречья» авторы подвели итоги плодотворной исследовательской работы, определили региональную специфику и предложили периодизацию неолита, наметили направления культурных связей с сопредельными регионами. Важным результатом стало выделение новой археологической культуры эпохи энеолита – имеркской.

В то же время Александр Алексеевич проводит не менее активные исследования неолита в средневолжском регионе. Здесь, благодаря раскопкам куйбышевских и оренбургских археологов, в 1980-х годах быстрыми темпами накапливается корпус источников. Особо следует выделить раскопки Виловатовской стоянки, проведенные И.Б. Васильевым, А.А. Выборновым, Р.С. Габяшевым, Н.Л. Моргуновой, Г.Г. Пениным в 1977–1979 годах на большой площади, где были получены крупные коллекции неолитических материалов. Масштабные работы, проводимые в этот период в Прикаспии, Самарской, Оренбургской, Ульяновской областях, в Башкирии и Мордовии позволили составить целостную картину развития неолита Поволжья. В 1988 году, знаменательном впечатляющими научными результатами для А.А. Выборнова, вышла в свет еще одна совместная с И.Б. Васильевым монография «Неолит Поволжья (степь и лесостепь)», в которой были проанализированы и обобщены накопленные материалы, намечены перспективы исследования неолита на Нижней и Средней Волге. Выявленные в середине 1970-х годов ранненеолитические комплексы объединяются в елшанский тип, а памятники с накольчатыми и гребенчатыми материалами – в средневолжскую культуру. Авторы предложили схему периодизации неолита степного и лесостепного Поволжья на широком фоне от Поднепровья до Прикамья.

В 1984 г. в Ленинграде А.А. Выборнов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой». Необходимо отметить, что проделанный поистине огромный объем работы был выполнен преподавателем вуза, имеющим немалую нагрузку на кафедре, заместителем декана, а с 1987 г. деканом исторического факультета. Работоспособность А.А. Выборнова удивительна, его энергия, заряженность на результат быстро передаются окружающим. Среди замечательных черт А.А. Выборнова одна из наиболее ярких – целеустремленность, умение видеть перспективу и четко ставить цель. Когда задача сформулирована, составлен план, им отсекается все второстепенное, препятствующее ее решению. Это особенно хорошо заметно при подготовке любого серьезного мероприятия на факультете, организации экспедиции, написании статьи, монографии. Он является автором пяти монографий и около 190 статей. Выдающиеся организаторские способности А.А. Выборнова особенно ярко проявились в работе в качестве декана исторического факультета КГПИ/СГПУ на протяжении 25 лет. Его деятельность всегда была направлена на достижение высоких образовательных и научных результатов, активно велась воспитательная работа. При всей строгости, а если требовала си-

туация – и жесткости, он был и остается уважаемым преподавателем, деканом, заведующим кафедрой; коллеги и студенты зовут его не иначе как Сан Сеич.

В начале 1990-х годов резко осложнилась ситуация в нашей стране, систематическим стало недофинансирование, что заметно ухудшило положение факультета и вуза в целом. Возникли трудности с организацией археологических практик, выполнением планов научно-исследовательской работы. И в том, что работа на историческом факультете продолжалась без срывов, во многом заслуга Александра Алексеевича. Как и раньше он находит время для обработки вновь полученных материалов, включения новых данных в учебные курсы, подготовки статей, редактирования сборников научных трудов и обобщения завершенных исследований.

В 1992 г. были подведены итоги многолетнего изучения Прикамья в монографии А.А. Выборнова «Неолит Прикамья». В 1991 и 1993 г. совместной экспедицией Самарского и Петропавловского государственных педагогических институтов в Заводоуковском районе Тюменской области было изучено раскопками одно из жилищ поселения Ук-VI. Исследования за пределами Средневолжского региона позволяли точнее понять и проследить направление культурных связей в эпоху неолита и энеолита на широком культурно-историческом фоне. С этого времени несколько меняется география активности полевых исследований Александра Алексеевича. Формируется состав ежегодной археологической экспедиции, участниками которой в разные годы были и остаются Н.М. Кудашкин, В.В. Старицкий, А.В. Вискалин, В.В. Сидоров, Н.С. Березина, В.П. Челяпов и автор этих строк. Раскопки проводились в Пензенской (стоянки Софьино, Озименки II, Усть-Кадада), Рязанской (Городок I), Ульяновской (Ховрино V), Тамбовской (поселение и могильник Кипец I) и Московской (Минино II) областях, в Мордовской (Волгапино, Широмасово II, III), Марийской (Парат XII, Сутыри V) и Чувашской (Утюж I, Утюжский Бугор, Молёбное озеро I, II, Черненькое озеро, Подборное озеро) республиках. За это время выросли от студентов до кандидатов наук новые ученики А.А. Выборнова – С.А. Кондратьев и А.А. Шалапинин. В ряде случаев были получены новые данные, позволяющие существенно скорректировать имеющиеся разработки специалистов. Важной вехой в изучении средневолжского неолита стал выход в свет в 2000 г. коллективной монографии «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век», в которой А.А. Выборнов стал автором главы «Средневолжская культура». В 2008 г. была издана фундаментальная монография «Неолит Волго-Камья», которая, как и последовавшая в 2009 г. успешная защита докторской диссертации на эту тему, стали закономерным этапом большой научной работы А.А. Выборнова. Масштабные исследования создали широкое поле для научной деятельности коллег и учеников разных поколений. Под руководством А.А. Выборнова защитили кандидатские диссертации восемь его учеников.

А.А. Выборнову в полной мере присуще умение подмечать современные тенденции в науке, развитии технологий и методов сопредельных

дисциплин, а также применять их в решении задач археологии. Так, долгое время дискуссионной оставалась проблема хронологического соотношения неолитических комплексов Волго-Камья. Недостаток стратифицированных памятников, редкая возможность получения датирующего материала определили ее длительный характер. Дискуссия обрела новое дыхание в связи с появлением, по инициативе А.А. Выборнова, серии радиоуглеродных дат, выполненных непосредственно по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Сомнения в надежности как самих источников, так и метода их датирования способствовали оживлению проблематики и потребовали проверки дат другими методами. Как следствие, датирование по нагару на стенках сосудов и по самой керамике было продолжено в ряде отечественных и зарубежных лабораторий, что позволило провести необходимую корреляцию полученных результатов. За короткий промежуток времени при активном участии А.А. Выборнова развернулась целая программа радиоуглеродного датирования, в которой приняли участие многие археологии, занимающиеся изучением неолита и энеолита. Появился крупный массив дат. Необходимость критики источника при отборе датируемого образца определила потребность применения специальных технико-технологических методов изучения керамики. И вскоре Александр Алексеевич совместно с И.Н. Васильевой начинает плановую и масштабную работу по комплексному изучению неолитической керамики Волго-Камья. Такому изучению были подвергнуты как старые коллекции, так и вновь полученные материалы.

Верность избранной научной тематике удачно сочетается с глубокими знаниями сопредельных эпох, позволяющими свободно в них ориентироваться. А.А. Выборновым опубликованы основательные работы по мезолиту и энеолиту, но главному направлению исследований он не изменяет. Научная эрудиция и фундаментальность знаний делают общение с Александром Алексеевичем бесконечно интересным и познавательным. Им проработано множество коллекций неолитических памятников и в его память, кажется, навсегда впечатываются происходящие события, изученные фрагменты керамики, кремневые орудия.

Александр Алексеевич обладает ярко выраженными чертами лидера. Это качество прекрасно знакомо всем соратникам по «цеху», участникам экспедиций, сотрудникам исторического факультета. Студенты быстро попадают под обаяние А.А. Выборнова и нередко начинают говорить «по-выборновски» с особой, присущей ему интонацией. Его экспедиции, как правило, смешанного состава, непременно включали школьников, часто из «трудных» и служили прекрасной школой их перевоспитания. В этот процесс как-то ненавязчиво, естественно вовлекались сотрудники и студенты. Складывался тот особый коллектив с непередаваемым колоритом, в который хотелось возвращаться вновь и вновь. Умение сказать уместное, острое слово, рассказать одну из археологических баек, создать настроение, подбодрить – в этом равных ему не было. Пожалуй, равных

А.А. Выборнову не было и в игре в футбол: в его экспедициях играли все, заражаясь спортивным азартом от руководителя.

Безусловный авторитет в работе, Александр Алексеевич отличается умением доверить выполнение серьезных исследовательских задач студенту, аспиранту, исподволь присматриваясь, обучая и подготавливая новые кадры археологов. В этой работе не последнее место занимает его умение четко формулировать мысль. Особенно это было заметно в эпоху печатных машинок, когда, готовя очередную статью, Александр Алексеевич неторопливо прохаживался по кабинету и диктовал предложение за предложением, формулируя мысль ясно, аргументировано и последовательно.

Несмотря на большую занятость, он 25 лет руководил факультетом, а в настоящее время заведует кафедрой отечественной истории и археологии ПГСГА. Организатор и участник многочисленных конференций, член специализированного диссертационного совета в Удмуртском государственном университете, А.А. Выборнов по-прежнему находит время для индивидуальной работы со студентами. Под его руководством выполняются курсовые и дипломные работы, студенты учатся азам археологической науки, осваивая методы работы с материалом, активно выступают на научных конференциях, публикуют статьи, делая первые шаги в науке. Руководитель аспирантуры, Александр Алексеевич требователен к ученикам, но всегда готов прийти на помощь, щедро делится материалом и идеями, внимательно следит за их научным ростом. А.А. Выборнов не любит юбилеи, предпочитая использовать время для реализации очередного научного замысла. А в этом недостатка нет. В последние годы в качестве перспективного направления исследовательских работ вновь наметилось южное, в Саратовской и Астраханской областях. Уже получены новые интересные материалы, позволяющие уточнить хронологические схемы каменного века Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. В этих экспедициях воспитывается новое поколение последователей, продолжателей дела своего Учителя.

Информация об авторе:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

FOR THE ANNIVERSARY OF ALEXANDER ALEKSEEVICH VYBORNOV

A.I. Korolev

Alexander A. Vybornov, Doctor of Historical Sciences, Professor, head, Department of national history and archaeology of the Samara State Academy of Social Sciences and the Humanities, Honorary worker of higher education of the Russian Federation, celebrated his 60th birth anniversary on October 21, 2014. A.A. Vybornov has authored 5 monographs and more than 190 articles. Based on the materials of the studied monuments, he has revealed a number of cultures of the Neolithic period, and developed a periodization of the Neolithic in the Volga region. At present A.A. Vybornov is one of the leading specialists in the field

of archeology of the Stone Age, who has made a significant contribution to the study of the Neolithic of the Volga-Urals, the middle Volga region, the Kama region, and the North Caspian area.

Keywords: archaeology, the Volga-Urals, the Kama region, the middle Volga region, North Caspian area, the Stone Age, the Neolithic, archaeological research.

About the Author:

Korolev Arkadiy I. Candidate of Historical Sciences. Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ – Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара.

АЕС – Археология Евразийских степей

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия.

АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭ КФАН – Археологическая экспедиция Казанского филиала Академии наук СССР

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

АЭМК – Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола.

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР;

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.

БФ АН СССР – Башкирский филиал АН СССР

ВА – Восточная академия

ВДИ – Вестник древней истории

ГАИИЯЛ – Горно-Алтайский институт истории, языка, литературы

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан

ИА – Институт археологии РАН

ИА НАНУ (ІА НАНУ) – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев

ИА РАН – Институт археологии Российский академии наук

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск

ИД – Издательский дом

Изд-во АН СССР – Издательство Академии наук СССР

ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы;

ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР;

ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

ИКИАТ – Институт комплексных исследований аридных территорий. Элиста

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань

ИПИН – Институт по изучению народов СССР АН СССР

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

ИЯЛИ Коми НЦ – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР

К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет

КАРОС – Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система

КАЭЭ – Камская археологической и этнографической экспедиции

КГПИ им. В.В. Куйбышева – Куйбышевский государственный педагогический институт им. В.В. Куйбышева

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

КемГУ – Кемеровский государственный университет

КИГИ РАН – Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. Элиста

КИОН РАН – Калмыцкий институт общественных наук

КИПС – Комиссия АН СССР по изучению племенного состава России и сопредельных стран РАН / АН СССР

КМВ – Казанский музейный вестник. – Казань

КНИИ ИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии экономики. Элиста

КНИИ ЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы, истории. Элиста

КрГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.(СПб)

КФ ИА НАНУ – Крымский филиал института археологии Национальной академии наук Украины. Киев

КФАН СССР –Казанский филиал Академии наук СССР

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт

ЛИФЛИ – Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии

МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция.

МарНИИЯЛИ – Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Йошкар-Ола.

МВНПК – Материалы Всероссийской научно-практической конференции

МГУ – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л.

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

МНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан.

НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция

НКП – Народный комиссариат просвещения

НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского институт языка, литературы и истории;

НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан

НЭ – Нумизматика и Эпиграфика.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ОАК – Отчет Археологической Комиссии.

ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПГУ – Пермский государственный университет

РА – Российская археология. М.

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры

РАН – Российская Академия наук

РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГУ – Ростовский государственный университет

РИМ – Российский Исторический музей

РИЦ – Редакционно-издательский центр

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.;Л.

СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт

СГПИ – Самарский государственный педагогический институт

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.

СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

СОМК – Саратовский областной музей краеведения

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СЭ – Советская этнография. М., Л.

ТАССР – Татарская советская социалистическая республика

Тув. ИКОПР СО РАН – Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН

УдГУ – Удмуртский государственный университет

Удм. ИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

УЗКУ – Ученые записки Казанского университета.

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук.

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЭВ – Эпиграфика Востока

ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН. Ростов-на-ДонуAEAE — Archaeology, Ethnology, Antropology of Eurasia. Novosibirsk

AEAE – Archaeology, Ethnology, Antropology of Eurasia. Novosibirsk

AGPI – Arzamas State Pedagogical Institute

AGPU – Arzamas State Pedagogical University named after A.P. Gaydar

AGU – Altay State University

AN RT – Tatarstan Republic Axcademy of Sciences

AN SSSR - The USSR Academy of Sciences

Archives of IA RAN – Archives of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences

ASGE – Archaeological collection of State Hermitage

ASSR – Autonomous Soviet Socialist Republic

BAR – British Archaeological Reports. Oxford

BGPU – Bashkir State Pedagogical University

BNC – Bashkir Research Center of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences;

BNC URO AN SSSR– Bashkir Research Center, Urals Branch of the USSR Academy of Sciences

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

FUF – Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki.

GIM – State Historical Museum

GM TASSR – State Museum of Tatarstan Autonomous Socialist Pepublic

IA NANU – Institute of Archaeology of Ukraine National Academy of Sciences

IA RAN – Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences

IAET SO RAN – Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

ID – Publishing House

II AN RT – Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences

IIMK – Institute for History of Material Culture

IIYaL BFAN – Institute of History, Language and Literature of Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences;

IIYaL UNC – Institute of History, Language and Literature of Ufa Reserach Center Russian Academy of Sciences

IYaLI – Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov

IYALI KFAN – Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

IYaLI Komi NC – Institute of Language, Literature and History of Komi Research Center of the Ural branch of Russian Academy of Sciences

IYaLI Komi NTs UrO RAN – Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

KemGU – Kemerovo State University

KFAN – Kazan branch of the USSR Academy of Sciences

KFAN SSSR – Kazan branch of the USSR Academy of Sciences

KGPI – Kuybyshev State Pedagogical Institute named after V.V. Kuybyshev

KIGI RAN – Kalmyk Institute for Humanities of Russian Academy of Sciences

KION RAN – Kalmyk Institute of Social Sciences of Russian Academy of Sciences

KNI IPhE – Kalmyk Research Institute for History, Philology and Economy

KrGPU – Krasnoyarsk State Pedagogical University

LGU – Leningrad State University

Mari ASSR – Mari Autonomous Soviet Socialist Republic

MIAR – Russian Archaeology Proceedings and Researches

MNIIYaLIE – Mordovia Research Institute of Language, Literature, History and Economics.

NAV – The Lower Volga Archaeological Bulletin

NF MART – Scientific Fund of Archaeology Museum of Tatarstan Republic

NRF MarNIIYaLI – Scientific manuscript fund of Mari Research Institute of Language, Literature and History

PGPU – Perm State Pedagogical University

Publ. – Publishing house

RAS – Russian Academy of Sciences

RGU – Rostov State University

RIC – Editorial and publishing center

SGPI – Samara State Pedagogical Institute

SOIKM – Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P.V. Alabin

SpbGU – St. Petersburg State University

SpGU – Saint Petersburg State University

SU – Saratov State University

TASSR – Tatar Autonomous Soviet Socialist Republuc

TSSR – Tatar Soviet Socialist Republic

Udm. IIYaL – Udmurt Institute of History, Language and Literature, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Udm. IIYaL UrO RAN – Udmurt Institute of History, Language and Literature, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

UNC RAN – Ufa Research Center of Russian Academy of Sciences

VDI – Bulletin of Ancient History

ZfA – Zeitschrift für Archäologie. Berlin